

Алексей Нестеренко

Curriculum vitae или Исповедь изгоя

Глава первая. Миллениум.

Всеобщая эйфория по поводу прихода 21 века, разлившаяся по всему миру словно веселящий газ, и ожидание чего-то сверхъестественного, нового, ещё неизведанного людьми, невольно на время захватила и меня, хотя я видел многое на своём жизненном пути такого, чего мало кто видел на белом свете и остался при этом живым. И поэтому, я встречаю новое тысячелетие со смешанными, подчас взаимоисключающими друг друга чувствами, ставящими меня иногда в эмоциональный тупик. Радость и грусть одновременно живут в моём сердце и оба этих чувства равноправны и равноценны в моём сознании, оба раздирают моё нутро и заставляют память возвращаться к дням прошлого, к истёкшим годам горестного для многих жителей земли уходящего в вечность двадцатого века.

Радостно от того, что всё пережитое мною в том времени уже позади, грустно, что впереди закат земной жизни, одарившей меня самыми сильными впечатлениями, выпавшими на долю моего поколения, и тревожно, что впереди, за чертой, отделяющей бытие от небытия - неизвестность, которая страшит меня именно своей непознанностью. И странные мысли приходят в голову, которые раньше я старательно гнал от себя, а сейчас всё чаще и чаще моё сознание добровольно возвращается к ним само, ища ответы на вопросы, которые оно не в силах осилить...

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как началась перестройка в республиках бывшего СССР, а ныне независимых государствах. Пятнадцать лет назад нам всем обещали райскую жизнь по западному образцу, невиданную свободу, в пределах дозволенного, сказочные приватизированные богатства... Где всё это? Раньше я жил в Киргизии, теперь - в Сибири. Раньше у меня была хорошая работа на мельнице, два дома, в которых жил я и мои дети, а что теперь? Жена осталась в чужом государстве сторожить дома, которые всё равно потихоньку разворовывают соседи-киргизы, жаждущие приватизации чужой собственности, прикрываясь националистическими лозунгами. Одна дочь разошлась с мужем и живёт сейчас с детьми на нищенскую зарплату в России, вторая осталась в Киргизии, я сам живу в доме третьей, в Сибири. Где оно, наше семейное счастье? Где райская постперестроечная жизнь, обещанная Горбачёвым и прочими

жуликами от политики?

Раньше я делал прекрасное домашнее виноградное вино из винограда со своего участка. Виноград продавал на базаре, а вино разбирали соседи. Из чего делать вино здесь, в Сибири, куда меня вытащила дочь?

Нет, Сибирь я полюбил. Замечательный край, если только держать его в хозяйских руках. Природа здесь прекрасна, как и вся земля на планете, лишь бы только сам человек мог видеть красоту, понимать её и наслаждаться ею.

И дочери я благодарен за то, что она не бросила меня, не забыла на старости лет, но жена моя... Она до сих пор сторожит нашу собственность, в которую мы вложили столько лет жизни, денег и всю нашу любовь к земле и к своей семье, делая наше существование в некогда пустой и неухоженной земле Киргизии лучше и приятнее...

Жена всегда боялась Сибири, наслушавшись историй о её морозах, непроходимой тайге и зверье. Меня же Зауралье уже с молодых лет не пугало и не пугает сейчас тем более. Побывав в своё время в сталинских лагерях на Печёре, я видел и суровые зимы, и комаров, и мошек и всякое другое...

Уехав из Киргизии, я привёз с собой к дочери всего 400 долларов, на которые, однако, купил корову-первотёлку, то есть нетель, а на остальные приобрёл пиломатериалы для постройки навесов и других надобностей. Дочь живёт в пригороде и поэтому у неё есть возможность заниматься подсобным хозяйством, что, собственно, мне и нужно. Бурёнка наша уже успела принести потомство и тоже, на наше счастье, тёлочку. Теперь у нас настоящее деревенское подворье.

Я очень рад, что мне сейчас есть чем заниматься. Работа на воздухе всегда была мне приятна, потому что не отвлекала от мыслей, роящихся в моём мозгу...

Корова, конечно, прибавила забот, но за лето я всё же успел приготовить ей немного силосу. Зять с дочкой купили сена, так что кормить животину есть чем, притом, слава Богу, есть возможность прикупать зерновую дроблёнку из ячменя и пшеницы и комбикорм.

Теперь моей основной заботой будет корова и тёлочка, а также три гусочки и гусак да два десятка курей. Всё наше небольшое животноводческое хозяйство ложится на мои стариковские плечи и я доволен этим. Мне не нужны помощники, я и сам управлюсь.

К лету, я думаю, у нас хозяйство увеличится, особенно с гусями. Выпасом и водоёмом они будут обеспечены сполна - у нас всё рядом с усадьбой. Честно говоря, хотелось бы немного приумножить хозяйство: прикупить парочку телят, кроликов развести...

Главное, чтобы здоровье не подкачало. Всё-таки мне 78 лет, всё может быть. Дают себя знать и война, и концлагеря, не только немецкие, но и наши, то есть сталинские...

Я молюсь и кладу земные поклоны Господу Богу, что остался жив и здоров, что у меня целы ноги и руки, что голова моя в здравом уме, что я занимаюсь полезным делом для всей нашей семьи, что я живу и размышляю над смыслом жизни и над своей собственной судьбой, жестоко и несправедливо, на мой взгляд, заставившей страдать меня многие и многие годы...

Мне не было ещё и полгода, когда летом 1924 года мой дед отделил от себя моего отца, сказав ему на прощание страшные по своей сути слова:

- Дать я тебе ничего не дам, потому что и у самого ничего нет...

Но его понять можно, после гражданской войны в наших краях была сплошная разруха, потому и отделил дед отца, чтобы легче было остальным выживать. Но всё же, наверное, дед что-то дал нам в надел, не без этого, конечно... Скорее всего, лошадь, потому что тем же летом отец стал строить свой домик. Я-то не помню, а мать рассказывала, и это запало мне в голову, что перед тем, как начать месить саман, глину для самодельных кирпичей, меня, несмышлёныша, клали в железную коробку, в которой хранили куриные яйца, подстелив на её дно свежей соломы и всяких тряпок, и там я лежал до тех пор, пока не приходило время кормить меня грудью.

Вот так я жил-поживал первые детские дни в полном одиночестве, отгороженный от мира толстыми стенками железной коробки.

Удивительное дело, но я никому не мешал своим криком и иногда, по рассказам матери, она даже пугалась этого, думая, что со мной что-то случилось.

Отцовскую хибару нужно было успеть отстроить до зимы, иначе молодой семье жить пришлось бы на улице, и родители старались, как могли. Кое-кто из родственников помогал им, из тех, кто жил поближе и у кого выкраивалось время для этого, но, в основном, горбатились на стройке двое молодых: отец и мать.

Семьи в то время были большие, например, у моего деда по линии отца, которого я совершенно не помню, было три сына и две дочери, а у дедушки по линии матери - три дочери и три сына. И это только те, что дожили до возраста взрослых людей, а сколько умерло у них в детском возрасте, я не знаю.

У деда по отцу во время Отечественной войны погиб или пропал без вести сын, дядя Клим. В гражданскую он партизанил с красными и был даже чем-то награждён.

Помню, он всё говорил:

- Я завоевал эту землю своей кровью, на ней буду жить, работать и помирать...

В колхоз не хотел вступать, и его, как единоличника-кулака, за невыплату сельхозналога, забрали в 1939 или 1940 году вместе с

семьёй якобы на укрепление западных границ. И с концами...

А мой отец в 1941-ом был мобилизован в первый же месяц войны и вернулся домой в 1945-ом, капитаном, командиром пехотной роты, целым и невредимым.

По линии матери с дядьями дело обстояло гораздо хуже. Дядя Трофим погиб в Крыму, под городом Феодосия, дядя Емельян погиб под Сталинградом, а дядя Ваня раненым попал в плен и умер в немецком лагере.

Всего в этой войне из моих самых близких родственников с обеих сторон участвовало 12 человек, 7 человек из них погибло.

Из нашей семьи на фронте был отец, мой старший брат Михаил и я. Всего три человека, потому что больше в семье мужчин не было.

Одна семья, три жизни, три разных судьбы...

Отец был контужен, но вернулся живым.

Брат Михаил, командир танка, подорвался на mine, ему оторвало правую ногу, но он тоже вернулся домой живым, хотя и инвалидом.

А я, кавалерист казачьего корпуса, домой с войны вернулся только в пятьдесят шестом...

Но обо всём по порядку.

В разное время и по разным причинам наша семья выехала в Киргизию. Ещё в 1927 году, старший брат моего отца, дядя Саша, наверное, предчувствуя, что будет дальше при советской власти, покинул родные края и подался к киргизам, в глухие места, подальше от цивилизации. Да и не только он один сорвался из родных мест. Многие наши соседи, как потом я узнал, поступали также, уезжая в Среднюю Азию. Здесь, на юге, где земли не менее плодородные, чем дома, где солнце в избытке, где много рек и речушек, которые несут свои чистые пресные воды с ледниковых гор, приложи руки и ты будешь жить в достатке. И люди, всю жизнь работавшие на земле, очень быстро стали выращивать огромные урожаи фруктов, винограда, овощей, кукурузы, арбузов и дынь. Естественно, что не забывали они и про зерновые культуры. Некогда забытый Богом край расцвёл... А так как народ здесь собрался со всей России, то слух о благодатной земле разнёсся по всему огромному Советскому Союзу.

Уже после войны и мой отец, Харитон Иванович, узнав, где находится его старший брат Александр, списался с ним и рискнул сменить место жительства.

В Ставрополье после войны были частые недороды. Посевы на полях и огородах уничтожали засушливые ветры, как их называли - "астраханские дожди". Никаких искусственных поливов тогда не было. Местные жители не знали, что такое поливные земли, а где были колодцы с водой, вода была солёно-горькая, пить её людям было нельзя. Да и для полива в огородах она пользы не давала, скот и то плохо её пил. Воду для своих нужд накапливали во время дождей, для

чего под крышами домов подстраивали деревянные желобки, по которым дождевая вода стекала и накапливалась в заранее выкопанных, напоминающих колодца, оштукатуренных песком и цементом ямах, глубиной до десяти метров. В таких водоёмах вода хранилась годами. Зимой засыпали в колодца и снег, а если вода кончалась, то в летнее засушливое время ездили на тачке с бочонком к дальнему колодцу за пресной водой. Назывался он Малушенский и был он одним-единственным на всю округу колодцем с питьевой водой. Глубина его была метров двадцать пять, не менее. А может, и гораздо больше. Никто его в точности не мерил. Выкопал его ещё до советской власти богатый хозяин Малуха, а как он это сделал, мож-но только догадываться.

***

Глава вторая. Детство.

Детство моё прошло в станице Винодельная, впоследствии переименованная в село Игнатово, а позже, в перестроечное время, неожиданно ставшее городом Игнатово. До школьных лет мне мало что запомнилось, в основном эпизоды, связанные с трудовыми буднями. Нас, малышей, с ранних лет приучали к посильному труду, изгоняя лень, как говорится, калёным железом с самой колыбели, поэтому из ранних воспоминаний больше всплывают в памяти гуси и куры, телята и лошади, коровы и злые быки, которыми стращали нас взрослые...

В НЭПмановский период станичники более менее зажили, появился во множестве домашний скот. Кормить животину было чем, потому что была своя земля, несколько десятин, на которой сеяли пшеницу и кукурузу, сажали картошку, выращивали дыни, арбузы и тыквы. Всё в доме было своё, доморощенное, выращенное своими собственными руками. Но всё равно денег не хватало и отец ездил на заработки на "чёрные земли" в Калмыкию, на озеро Маныч. Там он нанимался в совхозы на разные работы, чтобы подработать хоть немного денег да приобрести для семьи какую-нибудь одежонку на зиму.

Так выходило, что когда я подросток, почти всё хозяйство во время отсутствия отца, ложилось на меня, потому что моего старшего брата Михаила он брал с собой. Вот мне и приходилось вкалывать за троих мужиков на своём подворье. Весной пахать землю в поле и огород у дома, садить картошку и овощи, а летом заготавливать кизяки на зиму, чтобы было тепло в доме. Следить за желобками на крыше для стока дождевой воды в колодец тоже нужно было, иначе беда.

А осенью, во время уборки урожая, варили мы с матерью и сёстрами из арбузов мёд, сладкие дыни резали ломтиками и на крыше дома или сарая раскладывали на сушку. Это был самый настоящий деликатес на всю долгую зиму. Мы любили не только эти сушёные сладкие ломтики, но сам процесс резки крепких и ароматных дынь.

Скошенную пшеницу возили с полей для обмолота в огород, где специально утрамбовывали землю каменными катками, поливали

землю водой, снова укатывали и получали ровные площадки, токи. На них и обмолачивали пшеницу, подсолнухи, просо, ячмень, кукурузу, а всё остальное, что выращивали для себя на зиму, складировали в скирды. Солома, кукурузник и прочая трава, всё это шло на корм скоту и на топку в доме, потому что в Ставрополье кроме всех прочих неудобств, не было ни угля, ни дров.

В неурожайные годы поголовье скота резко сокращалось, а значит, и кизяки исчезали в степи. И вместе с голодом в дом приходил и холод. И это нужно было пережить.

Для нас, подростков, главной задачей в это время была езда с тачкой по выгонам или по степи, где пасся оставшийся скот, и сбор кизяков. Набрав полную тачку "лепёшек" мы привозили их домой, высушивали и аккуратно складировали.

С наступлением холодов начинали кочегарить русскую печь. Такие печи были в каждом доме, они были главным украшением любого дома, потому что стояли посреди комнаты, которая считалась залом, далее была спальня, кухня и всё остальное. Пол земляной, часто обновлялся светлой жёлтой глиной и устилался свежей пшеничной соломой, что, на мой взгляд, более гигиенично, чем мытьё грязной тряпкой неокрашенных полов.

По сравнению с прежней нашей жизнью в двадцатых годах, тридцатые годы были просто нищенскими. Мы часто недоедали, нас беспокоили вши и блохи. Из пятерых детей нашей семьи у нас умерло в 1935 году двое: Ольга и Паша - мои младшие сестрёнки. Их похоронили в один год: одну - зимой, другую - летом. Это время я как-то мало помню, хотя и был постарше их, и, честно говоря, мало, что понимал тогда в жизни и смерти. Считал, что это вроде бы так и надо: умерли, ну и умерли, и Бог с ними.

Отца я тоже в это время не помню. Его в эти годы почти и не было с нами. Всё время он где-то работал с братом, добывал деньги.

Проклятая была жизнь. Ничего в ней не было человеческого. Для того, чтобы просто прокормиться, человек вынужден был уходить из семьи на заработки и жить где-то вдалеке от жены и детей большую часть года. Работали просто для того, чтобы выжить. О книгах, о танцах и других развлечениях мы и знать не знали. Времени не хватало обработать свой голодный желудок, не то чтобы веселить пустую голову.

Так продолжалось до тех пор, пока отец добровольно не вступил в колхоз. Сдал туда лошадей, корову, бричку. Всё это свезли на общий двор и куда оно потом делось - не знаю.

В колхозе житьё тоже было не сахарное.

Помню, как-то пошли мы с моим товарищем Ваней Сосной на ток в самый обмолот пшеницы, понесли обед своим отцам. Мать меня снабдила какой-то снедью, уж и не помню, что положила в узелок. И

Ваня тоже прихватил что-то из дома. Пришли на молотилку, куда со всех сторон привозили снопы пшеницы, и всё нам там интересно. Вертимся вокруг, глазёнками всё жадно пожираем...

Потом сели обедать. Наши отцы говорят нам:

- Хотите попробовать, чем нас кормят в колхозе?

- А как же, хотим!

Налили они нам "суп с головками", но чьи это "головки" не сказали. А мы с Ваней сколько не искали, так ни одной и не поймали в своих чашках.

Помню, суп был чем-то забеленный, и плавали в нём крупинки пшеницы. Долго потом отцы подшучивали над нами с этими "головками".

Вот такой был обед для взрослых мужиков в самую страду, в самый разгар уборки урожая.

В какое-то время, мне это уж и не ведомо, но колхозная жизнь здорово опостылела батьке и рискнул он на отчаянный шаг.

В ночное время забрал он из колхозного двора своих лошадей, запряг в свою бричку и ударился в бега на заработки в "чёрные земли", то есть на озеро Маныч, в Калмыкию. С собой прихватил ещё мужиков и след их затерялся, но семьи всех остались в станице. Как бы мужики-кормильцы не скрывались от властей, а семьи их всё равно ждали.

Конечно, больше всех ждали их возвращения работники ГПУ. Такие непокорные люди были на особом списке у чекистов, они считали их особо контрреволюционно настроенными против советской власти. И особенно казачество всячески старались насильно загнать в колхозы или задавить сельхозналогами, как это случилось со старшим братом моего отца, дядей Климом.

Моего отца чекисты арестовали уже дома. Судили. Вот только не помню, какую статью он получил, но срок дали 5 лет, который он отбыл на строительстве Беломор-Балтийского канала, где-то в районе реки Шексна у города Рыбинска. Возвратился домой где-то в 38-ом году. Из пятерых детей нас к тому времени осталось трое. Две сестрёнки померли, а мы с братом всё же выжили и как нам трудно было в те годы, наверное, один только Бог знает, да наша мать.

Мать кое-как устроилась на работу в больницу нянечкой. Не знаю, зарплату получала или же нет, а то, что приносила с работы домой куски хлеба да каши, это уж действительно было такое. И мы с братом встречали её с нетерпением. Голод не тётка!

Выжили мы ещё и благодаря нашему дедушке со стороны матери. Мы получали от него хорошие советы и помощь. Я часто ходил с ним на рыбалку в глухие места на реку Калаус, изредка приносил домой свежую рыбу, добавку к обеду. Дед научил меня охотиться и на сусликов, на Ставрополье их много. Бывало, мы их вылавливали, заливая водой норки. Заливаешь водой норку и стоишь, ждёшь, когда

суслик начинает вылезать задом из-под земли. Тут мы его быстро хватали, стараясь схватить так, чтобы он нас не укусил, ну а потом... Потом снимали с них шкурки и после обработки сдавали за копейки в приёмные пункты, а мясо употребляли в пищу. Мясо всё-таки. Одним словом, у нас всё шло в пищу.

Как-то пришёл к нам дедушка домой, а это было зимой, в доме холодно, топить печку нечем, есть нечего - мать уехала к отцу, где он отбывал срок.

Мы с дедушкой надёргали с крыши сарая соломы, растопили печку, на чердаке, под самой крышей, нашли старую свиную шкуру, почему-то вовремя не сданную отцом в «Живсырьё» и стали её резать на куски и жарить в печке на огне. Такая вкуснятина получилась! До сих пор вкус во рту чувствую, как вспомню.

Вот так и перебивались каждый день и каждый месяц из года в год, пока немного не полегчало. Но нам ещё повезло. Мы хоть с голода не умерли, а многие семьи целиком повымирили. Особенно плохо было у переселенцев с Кубани, в основном из казаков. Жить им было негде, есть нечего, просить Христа ради не у кого.

А у нас была ещё одна беда, когда отца арестовали, к нам домой пришли милиционеры с обыском...

Три мешка зерна кукурузы, мешок пшена - все описали и забрали. Из барахла нечего было брать - рухлядь одна. Всё, что было отцом на зиму приготовлено и спрятано - под чистую забрали. Как мы ни плакали и как не кричали, ничего не помогло. Такие суровые законы были тогда при советской власти. Одним словом, остались мы без ничего. Правда, соседи хоть тоже жили бедно, но всё равно видели нашу нужду и старались хоть чем-то помочь.

Помню, как-то бабушка Юрко подозвала меня к себе и говорит:

- Алёша, на вот вам казанок. Варила в нём мясо баранину, по краям жир застыл, я мыть не стала. Сварите в нём кашу или картошку и покусайте.

Взял с благодарностью и сказал:

- Спасибо!

И до сих пор об этом помню.

Так и жили, так и перебивались.

После ареста отца мы всё же ещё числились в колхозе и мать договорилась с председателем колхоза, чтобы он взял меня пастухом пасти колхозных телят.

С этого началась моя трудовая биография.

Работа пастуха на первый взгляд не трудная, на самом деле заставила меня пролить не один литр слёз. Нужно было вставать ни свет, ни заря и часов с 6 утра до 6-8 вечера пасти скот. А телята такие непослушные,

хуже коров в сто раз! Завернул с одного места, чтобы не лезли в шкodu, лезут в другое место. А самое трудное время - жара, когда у них начинается бзык: когда они поднимают хвост трубой и бегут, куда глаза глядят. А мне тогда приходилось со слезами на глазах гоняться за ними целыми часами...

Хуже, конечно, было, когда телёнок пропадал.

Крику было, разборок!..

С телятами паслись и козы. Иногда ко мне на помощь приходил Ваня Сосна. Тогда мы с ним ловили дойных коз и сдаивали в какую-нибудь посудину, потом пили молоко. А если не было никакой посуды под рукой, то мы просто пристраивались к соскам и сосали.

Кушать-то хочется!

Жаль Ваню.

Погиб Ваня Сосна на фронте.

Когда немцы отступали с Кавказа, а наши наступали, то всех ребят призывного возраста забрали на краткое обучение, а потом бросили в бой. Там они все и погибли.

Был он мне ровесник и друг.

Жалко парня!

Будучи уже пенсионером, приезжал я как-то из Киргизии на родину в с. Игнатово и никого из своих друзей не встретил. Все ребята моего возраста и старше в большинстве своём погибли во время войны. Один я остался на белом свете.

Во мне одном осталась память о них.

***

Глава третья. Школьные годы.

Я пошёл в школу в разгар коллективизации. Ещё изредка происходили перестрелки между белыми и красными, в основном с казачеством, не желавшим идти в колхозы, но меня тогда это совершенно не касалось. На дворе были голодные неурожайные годы, когда земля или совсем не засеивалась и не обрабатывалась, или же засуха сводила на нет весь тяжкий труд земледельцев. Однако в первый класс начальной школы отец меня отдал. А я уже был немного подготовлен к школе: умел читать и писать, считать и делать сложение и вычитание до ста. Прошёл, так сказать, домашний ликбез.

Помещение школы часто менялось.

Как какого-нибудь зажиточного мужика раскулачат в станице, так его дом отдадут то под школу, то под сельсовет. Или наоборот. В конце концов, нас определили на территории церкви.

Здесь было достаточно уютно и просторно. Хорошее помещение, крепкие столы и стулья, по стенам стояли скамейки, возле дверей большая печь, которую топили в зимнее время кизяком, а осенью и весной соломой. Букварей не было. Тетрадей тоже. Писать учились карандашом, на чём попало. Но мы учились. Учились, потому что

понимали, что многое в нашей жизни может измениться к лучшему, если мы одолеем грамоту.

Мне кажется, что тогда об этом каждый родитель с пелёнок твердил своему ребёнку: учись, учись!

О первом классе у меня сохранилось два довольно странных воспоминания.

Вот первое.

Однажды в церковную ограду понаехало много народу. Собрались взрослые сельчане, какие-то приезжие дядьки, пешая и конная милиция... Нам, естественно, было интересно знать, что там происходит, но школярам строго-настрого запретили выходить в церковную ограду и даже более того, закрыли двери школы на замок. Но мы всё же пробрались к окнам и увидели страшное происшествие с Красной церковью, стоявшей напротив школы - толи бывшей в царское время церковной гостиной, толи выполнявшей ещё какие-то обрядовые функции. Так вот, Красная церковь, прозванная так из-за того, что была построена из красного кирпича местного производства ещё в 18-м веке, была обречена на гибель.

Этот день я запомнил на всю жизнь.

До сих пор помню, как с блестящих куполов слетали золотые кресты, а со звонниц срывали колокола и с грохотом бросали их сверху вниз.

Некоторые колокола разбивались на большие и малые осколки, иные оставались целыми, не поддавались страшному вандализму и, своим счастливым падением с огромной высоты, как бы говорили: нет, мы не поддадимся, мы ещё послужим людям...

Приехавшие из района люди и местные активисты вместе с милиционерами выносили из церкви всё, что можно было вынести. Много было слёз у церкви, среди мгновенно собравшейся толпы односельчан: старухи выли как на похоронах, старики в бессильной злобе сжимали кулаки и по их лицам текли скупые старческие слёзы.

Мы, пацаны-первоклашки, в то время недопонимали всего того, что происходило на наших глазах, зачем и почему это делалось, но вместе со всем народом тихонько поскуливали, глядя на разбой, санкционированный партийными властями, и молчали, запоминая кошунственное действие.

Второй случай был, когда впервые увидел самолёт, летевший на низкой высоте над территорией церкви, к тому времени уже оставшейся без крестов и колоколов.

О том, что должен прилететь самолёт в деревне все знали и ожидали его прилёт с часу на час с известной долей страха. Лётчик должен был привезти какие-то документы для районного начальства и центральные газеты, а что в этих документах и что в газетах - никто не знал.

Ожидание прилёта самолёта в школе тянулось мучительно долго, наконец, кто-то из пацанов, с первого урока неотрывно глазевших в

окно, крикнул:

- Ераплан! Вижу ераплан! Летит прямо на нас!

Ну, мы тут и зашевелились, забегали!

Учительница сразу закрыла двери в классе, но все повыскакивали в окно, благо было уже тепло, и со всех ног кинулись в ту сторону, куда летел самолёт.

Мы знали, что начальством ещё загодя, на поле за селом, была приготовлена площадка для посадки чудо-машины, и стремились первыми добежать до заветного места.

Но мы не были первыми. Народу кроме нас там уже была уйма!

Два лётчика, вылезли из кабины самолёта, устало разминая затекшие ноги, и энергично похрустывали новыми кожанками, молодежато поигрывая плечами.

Мы на них смотрели, как на каких-то живых богов, сошедших с небес.

Надо же, только что они летали по воздуху, словно гуси и вот, они уже здесь, с нами! К их самолёту не только можно было подойти, но даже пощупать его руками. Разве это не чудо?

Вскоре подъехала на лошадях милиция, а с ними ещё какие-то начальствующие работники, перегрузили из самолёта в подводы кипы каких-то бумаг, постояли, поговорили о чём-то между собой, а потом отогнали нас от самолёта, что сделать им было не так-то просто.

Затем мотор самолёта завели. Развернули пропеллер руками, прибавили газу, и он заревел всеми своими бензиновыми силами, вызывая вопли ужаса у старух, истово крестящихся и взывающих к Господу Богу.

Потом самолёт направили на прямую линию, с которой предварительно был убран весь мусор, и самолёт покатил, набирая скорость, а мы, пацаны, бежали за ним до тех пор, пока он не взлетел...

Сколько было после этого разговоров и воспоминаний!

Лично я после этого для себя решил, что обязательно стану лётчиком.

После этого случая пожилые люди стали говорить, что ероплан - детище дьявола, и что он не просто прилетал, не к добру это. Хотя уже видно было и до этого случая, как и какими методами устанавливается советская власть на селе, как насильственно загоняли в колхозы, как раскулачивали зажиточных мужиков и их семьи, как искусственно создавали голод в деревнях, при котором люди вымирали словно мухи.

Был у нас дома однажды летом и такой случай. Все наши домочадцы в огороде занимались прополкой, а во дворе всё как всегда было открыто. В сарае, где летом готовили еду, и где наша семья столовалась, на печке стояло два почти ведёрных чугунок с кукурузной кашей и с варёной картошкой. Мы пришли на обед, а чугунок стоят

себе пустые, никакой еды в них нет. Всё съедено кем-то начисто.

Через некоторое время выяснилось, что недалеко от нашего дома нашли мёртвую женщину с маленьким ребёнком на руках. Говорили, что у неё случился заворот кишок от такого большого количества съеденного.

Это был единственный случай голодного кошмара тридцатых годов, свидетелем которого я был сам и видел всё своими собственными глазами. А сколько я не видел и не знал других подобных случаев? Страшно сейчас даже подумать, насколько было трагично то время!

В особенности трудно досталось ребятам моего возраста, людям моего поколения, прожившим всю свою подчас очень короткую жизнь в страшном двадцатом веке.

Я часто вспоминаю слова моей матери, как-то сказанные с болью в голосе:

- Мы только и прожили хорошо до 17 года! Как только взяли, вернее, захватили власть большевики, так всё пошло и поехало вкось!

Действительно, большевики, провозгласившие рай на земле для рабочих и всех трудящихся, крестьянские запасы пропили и проели, что спровоцировало невиданный ранее голод, потом начались неурожаи... Затем коллективизация, раскулачивание, лагеря и ссылки... Репрессии и расстрелы, войны... После войны снова массовые аресты и ещё более расширенные сталинские концлагеря, но уже для бывших военнопленных, сменивших бараки немецких концлагерей, на бараки советские...

В мои последующие школьные годы, начиная с 5-6 классов, учебники было достать уже гораздо легче, особенно по истории, где были большие главы про наших военачальников, со всеми их биографическими данными. Были там и Блюхер, и Тухачевский, и Егоров... По указанию свыше, мы едва успевали «исправлять» учебные пособия, выдирая целые страницы из книг, и продолжалось это вплоть до начала войны 41 года.

Все наши прославленные генералы и маршалы перед самой войной оказались почти в одночасье «врагами народа». И всех их ждало одно наказание - смерть.

В нашей средней школе, которая была выстроена в 1939 году, тоже оказалось много «врагов народа», но уже просто из учителей: мужчин и женщин.

***

Глава четвёртая. Начало трудовой биографии.

С началом 2-й мировой войны началось иное время. Его мы почувствовали, когда с присоединённых западных областей Украины и Белоруссии стали поступать новости.

Случилось так, что в силу разных причин, в том числе и нехватки

денег в семье, я, не закончив 10 классов, пошёл работать почтальоном. Роста я был невеликого, иной работы найти мне было просто невозможно ни по росту, не по силам и я старался работать на почте так, чтобы люди поняли, что я не лодырь, что я могу хорошо трудиться на любом месте.

Но проработал я почтальоном недолго, за хорошее отношение к труду меня перевели сортировщиком газет и писем по другим районам области. Здесь я, в свободное время, читал всю прессу подряд, набирался новостей и был поэтому в курсе всех событий в стране и в мире.

Вскоре на нашу станцию Винодельное прибыло несколько вагонов беженцев из западных областей СССР. Их нужно было срочно, по указанию свыше, распределить по колхозам и артелям. Меня назначили на эту должность как наиболее грамотного и трудолюбивого.

И вот когда началась регистрация этих людей, меня очень удивило, что все беженцы были очень богатые в прошлом люди, и все они были евреи. Но какие бы они не были богатые в своей прошлой жизни, их нужно было распределять на работу сейчас и стараться пристраивать куда-то или к кому-то на квартиры сегодня.

Я старался. Но от моего старания было мало толку. Трудиться в колхозах они и не думали. Зато при их появлении в селе цены на базарах моментально поднялись, особенно на такие продукты как масло, сметана, куры, мясо и так далее.

Я долго размышлял над этим феноменом, но ни к какому выводу не пришел. Да, впрочем, эпопея с беженцами вскоре каким-то образом закончилась, и их судьба более с моей не переклестывалась, и потому они меня больше не интересовали.

Моя собственная рабочая биография продолжалась, и мне всё вокруг нравилось. Со своей первой зарплаты я решил позволить себе сходить в рабочую столовую и на равных с другими рабочими купить что-нибудь на обед.

Стоя в небольшой очереди, я волновался, как на экзамене и всё не мог решить, что же я куплю.

Я заказал себе жареную яичницу с колбасой.

Я такой вкуснятины дома никогда не ел! Я даже не видел ничего подобного и у соседей. И тут мне подумалось, что есть люди, которые сюда заходят каждый день и каждый раз заказывают себе такие шикарные обеды. Они могут даже выпить здесь что-нибудь из спиртного...

У меня от этих мыслей началось головокружение. Мне стало казаться, что все люди вокруг меня очень и очень богатые люди и сам я... могу стать таким же богатым и преуспевающим.

Не помню, сколько я получал в месяц, но с той поры от зарплаты я себе каждый раз оставлял на обеды, а остальное отдавал матери.

Жизнь нашей семьи, между тем, более или менее налаживалась.

Перед самым началом войны меня поставили в военкомате на учёт. В нашей учётной группе или как сейчас говорят - команде, находились ребята моего возраста, заканчивающие среднюю школу. Мы всеми правдами и неправдами пытались выяснить род войск, в который нас хотят определить. Кому-то, наконец, удалось выяснить эту военную тайну, и все мы вскоре узнали, что нас готовят в авиационное училище во Владикавказе.

Я был до безумия рад такому случаю и некоторое время ходил с высоко задраным носом по селу, пока не пришла повестка на комиссию.

На комиссии, где кроме врачей, присутствовал районный прокурор Федотов, с которым в начальной школе учился мой отец, он узнал меня, вспомнил, что я сын того самого Харитона Нестеренко, который ночью похитил колхозных лошадей с бричкой и бежал на них, скрываясь где-то за пределами Ставрополя, потом был осуждён. К тому же, оказывается, я ещё не был комсомольцем...

Одним словом, я не прошёл строгую учётную комиссию, меня отчислили из команды, но я по-прежнему продолжал работать на почте.

Спасибо, хоть за это, товарищ прокурор Федотов!

***

Глава пятая. Война.

Когда у меня выкраивалось свободное время, я ходил в кинотеатр и смотрел кино. Построили это новое здание из красного кирпича уже знакомой мне Красной церкви. Вначале её пытались приспособить к нуждам то одного учреждения, то другого, пока, наконец, не сломали и не выстроили из её кирпичей Дом культуры, в котором и сделали кинотеатр, тем самым, сохранив у сельчан светлую память о старинной церквушке.

Перед самой войной я уже похаживал с ребятами в ДК поиграть в билиард, в шахматы, посидеть в читальном зале библиотеки.

С началом войны к нам буквально через месяц стали поступать первые раненые наши солдатики, точнее в большинстве своём матросы Черноморского флота. Мы, пацаны, с ними очень дружили. Они нас посылали в магазинчики купить бутылочку вина или же водки, что мы с превеликим удовольствием делали, хоть это строго запрещалось местным госпитальным начальством, ставшим хозяином нашего ДК

Как много было раненых в первые дни войны! Или мне это просто только казалось так? Но как бы то ни было, через несколько дней наш госпиталь уже не мог вместить в себя весь поток прибывающих на излечение фронтовиков, а они всё прибывали и прибывали. Некоторых узнавали родные и радости и слезам не было конца и края... Это были очень трогательные волнительные сцены.

В августе месяце 41 года на фронт забрали нашего отца, а от старшего брата, который служил в это время кадровую, вообще перестали приходить письма. Однако, нас это не сильно взволновало, брат служил на Дальнем Востоке и его военная судьба стояла как бы на втором плане в ходе начавшейся войны, хотя холодок тревоги постоянно сидел у моего сердца. Представляю, что испытывала в те месяцы и годы наша мать!

Той же осенью в крае стали формировать казачьи части. У нас создали казачий эскадрон. В него входили исключительно добровольцы, бывшие герои гражданской войны, покрывшие себя славой в борьбе с белоказаками и с теми, кто был настроен против советской власти. Они шли добровольцами, потому что знали, что их вот-вот должны забрать на фронт, в полную неизвестность, а здесь, в эскадроне, были все свои, знакомые с детства ребята...

Почти все добровольцы были районными начальниками и никому из них по большому счёту не хотелось снова идти воевать. И самая их большая ошибка заключалась в том, что они не понимали, что начавшаяся война была совершенно не похожа на ту войну их бесшабашной молодости, которая называлась гражданской.

Правда, многим из них повезло. Некоторых, которые не подходили по возрасту или же считались незаменимыми на своих постах, вернули в прежние кресла, ещё больше укрепив их авторитет в партийной верхушке, остальные остались в эскадроне.

Из-за нехватки кадров на место ушедших срочно требовалась молодёжь. Так я, каким образом уже и не помню, вместе со своими дружками оказался в расположении нового воинского формирования и лихо подмахнул заявление о «добровольном желании участвовать в войне с проклятым германцем в составе казачьего эскадрона».

Заявления отнесли в райком партии, где нас с удовольствием приняли и немедленно зачислили в кавалерийский казачий эскадрон, командиром которого был известный житель нашего села, участник гражданской войны Бондаренко.

Он сказал нам, что мы теперь стали людьми военными и приказал ждать его дальнейших распоряжений. А было это уже в декабре 1941 года.

Вскоре за нами закрепили лошадей, выдали сбрую с сёдлами, а каждому добровольцу новое обмундирование: сапоги, брюки, гимнастёрку, полушубки с папахами и бурки.

Пришлось признаться матери, что и как случилось, да и сама она видела, конечно, что происходит и страшно переживала за меня и за всех нас вместе.

- Горе ты моё, горе! - сказала мать. - Сколько слёз я пролила из-за Михаила, от него с самого начала войны нет ни одной весточки. Отца забрали, теперь вот ты... Зря ты это сделал, сынок, твои годы ещё не подошли. Успел бы навоеваться.

Время шло, война продолжалась.

В начале 42-го я получил на почте расчёт и напоследок зашёл в ту самую рабочую столовую, куда частенько ходил пообедать очередной порцией моей любимой яичницы с колбасой. Впервые купил себе «четок», то есть 250 граммов водки в маленькой бутылочке, и направился к дедушке, решив впервые в своей жизни выпить с ним перед уходом на войну.

Прощание с дедушкой было коротким. Мне запомнились на всю жизнь его последние слова. Во-первых, на прощание он меня перекрестил и сказал:

- Ты, внучек, уходишь защищать своё гнездо и честь своего казачества. Помни об этом, казак.

Мать также перекрестила на прощание и со слезами на глазах сказала:

- Увидимся мы с тобой ещё, сынок! Вот увидишь, увидимся.

Вот такие были мои проводы на войну.

***

Глава шестая. Армия.

Когда мы прибыли в Ставрополь, нас разместили в казарме уже сформированного 8-го добровольческого казачьего кавалерийского полка. Началось спешное обучение: военно-политические занятия, тактические, конноспортивные, рубка лозы, джигитовка на лошадях и так далее. Всё было внове и ужасно интересно. Мы тренировались и учились с огромным желанием.

В городе Ставрополе, перед самой отправкой на фронт, я встретил знакомого человека, который рассказал о ребятах, призванных в 40-м году в авиационную школу, в которую меня не взяли из-за порочащих фактов биографии моего отца.

Так вот это училище, оказывается, было срочно эвакуировано из Владикавказа в связи с тем, что немецкие войска уже заняли Ростов-на-Дону и продвигались далее на Северный Кавказ, грозя большими неприятностями всему югу страны. Училище погрузили в вагоны, но на станции Прохладная Краснодарского края на их эшелон налетели немецкие самолёты и почти все курсанты погибли во время бомбёжки.

Первый раз я понял, что кто-то могучий отвёл от меня мою смерть стороной, использовав для этого гнусный характер и злопамятность районного прокурора Федотова.

На фронте надвигалась реальная угроза поражения на юге, несмотря на ошеломляющий успех под Москвой.

В апреле 1942 года наш полк по тревоге погрузили в эшелон вместе с лошадьми и отправили через Сталинград на Рязань.

Эти два города мне запомнились тем, что на этих станциях была высадка лошадей, животных нужно было прогуливать, иначе застоятся.

По дороге к Сталинграду наш эшелон не однажды попадал под бомбёжку немецких самолётов, к счастью всё обошлось благополучно. Закреплённые за эшелонем зенитные батареи срабатывали отлично и даже сбили два или три немецких бомбардировщика.

Это было наше первое боевое крещение, связанное с этой войной.

По дороге мы смогли застать для лошадей соль-лезунцом, для чего складировали в углу теплушек глыбы соли прямо у ног лошадей.

В наших вагонах с каждой стороны от дверей стояли привязанными по четыре лошади, а в проходах лежали и сёдла, и сбруя, и сено и нас четыре человека. Такая вот была схема размещения казачьего полка в эшелоне, что было довольно разумно со всех точек зрения.

Вторая выводка лошадей из вагонов была в Рязани, на какой-то пригородной станции. В этих районах люди настолько бедствовали без соли, что когда узнали, что у нас лежит в вагонах соль, приносили нам для обмена любые продукты. Естественно, что кроме продуктов наиболее шустрые казачки запаслись и самогоном, так что до Москвы мы ехали немного навеселе.

В Рязани, во время остановки, к нам приходили молодые девчонки. До чего красивые были девчата! Да ещё в национальных костюмах: на ногах разукрашенные красивые лапоточки, аккуратно свёрнутые белые портяночки, переплетённые белыми шнурочками...

Соль мы им давали просто так, лишь бы они постояли возле нас, пошутили, посмеялись хотя бы полчасика... Но и у них была своя программа и им, и нам руководители отводили своё определённое время для общения...

Вскоре мы опять погрузились в эшелоны и двинулись дальше на Запад. Впереди была Москва. Железнодорожные пути, как это было видно по нашему продвижению, оказались сильно перегружены, в основном войсками, военной техникой и вся эта сила стремилась на Запад, к фронту.

Вскоре наш эшелон прибыл на какую-то станцию Москвы. Это было как раз перед самым праздником 1 мая 1942 года. Нас заранее предупредили, что эта выводка лошадей будет последняя. Дальше - фронт.

В столице на путях было немного построже, чем везде ранее. Но когда москвичи узнали, что прибыл эшелон с казаками, тут уж не помешали никакие запреты. Люди приносили нам и еду и даже выпивку. Очень большое желание было у людей пообщаться с нами. Ведь раньше почти всё казачество было против советской власти, а тут, во время войны, все вдруг стали нужны России, все стали востребованы. Многие хотели хотя бы подойти и потрогать лошадь.

Одна девчонка набралась нахальства и говорит мне:

- Я не уйду отсюда, пока не проеду на лошади.

Пришлось мне на свой страх и риск накинуть на лошадь седло и прокатить её. За это я заработал от неё свой первый в жизни поцелуй, а от своего командира взвода выговор и наряд вне очереди.

Вскоре поступила команда: «Кончай выводку!». Мы привели в порядок и лошадей и себя, погрузились в свои вагоны и под вечер двинулись дальше на Запад.

***

Глава седьмая. Фронт.

Последний раз и уже окончательно выгрузились ночью в лесу.

Здесь соблюдалась строжайшая маскировка, потому что уже были слышны орудийные выстрелы, разрывы снарядов и виднелись разнообразные беспорядочные вспышки.

В лесу была временная остановка. Для лошадей на скорую руку сделали коновязи и кормушки. Воспользовавшись передышкой, сделали и для себя шалаши на каждое отделение под огромными ёлками и завалились спать.

Тогда я впервые почувствовал себя матросом, сошедшим на берег после длительного плавания. Меня, после долгой езды по железной дороге, как бы всё время покачивало из стороны в сторону. Я всё время норовил ступить пошире, чтобы земля, как пол вагона, не уходила у меня из-под ног.

Под утро стало ясно, что в этих местах велись ожесточённые бои дивизии генерала Панфилова с отборными немецкими войсками. Нашим необстрелянным эскадронам представилась возможность проехать и пройти те места, где шли наиболее страшные бои.

Там я увидел много разбитой и сожженной техники, не только немецкой, но в большинстве своём нашей. Очень много советских танков старого образца были пробиты насквозь термитными и бронебойными снарядами.

«Это же наверняка все танкисты погибли внутри танка мгновенно». - думал я.

И ещё раз для себя отметил, что нашей техники было разбито и сожжено в несколько раз больше, чем немецкой.

Глядя на места сражений, на ум приходила одна мысль: людей, с той и с другой стороны, гнали на верную смерть в лобовую атаку, чтобы любой ценой к назначенной кем-то и где-то дате победить. Только у немцев в атаку шли новые танки, а у нас, в большинстве своём, - царица полей матушка-пехота. Вот почему наших потерь было больше.

Кое-где из под земли небольшими бугорками виднелись плохо засыпанные тела убитых. И трудно было разобрать чьих: наших или немецких солдат? В смерти все они стали одинаковыми. Никакими. Лишь только отвоёванная мёртвыми русскими героями земля знала цену их мужества.

Такую «победную» панораму, какую мне довелось увидеть под

Москвой весной 1942-го года, вряд ли можно описать достоверно! Каждый бугорок земли, каждая веточка на дереве или одиноком кустике кричали о нечеловеческой боли и страданиях, выпавших на долю сражавшихся здесь. Мёртвые, зарытые и не зарытые в землю, требовали возмездия и к оккупантам и...

К кому ещё нужно было применить это возмездие, я тогда ещё не решался сказать в мыслях даже самому себе. До правдивого осознания всего происходящего со мной и со страной в те дни было ещё ой как далеко!

Я убеждён, что каждый из нас, видевших эту картину прошедших боёв, прочувствовал её по-своему и хранил в памяти до самых своих последних дней. А может, и сейчас кто-нибудь, из чудом оставшихся в живых, как и я, мысленно переноси-тся на те поля и в те леса и перелески, переломанные взрывами и обезображенные сгоревшими танками и автомашинами...

Здесь, в этих местах, наши части были доукомплектованы кавалеристами корпуса генерала Доватора, которые смогли вырваться при выходе из окружения.

Уцелело их немного.

Сам генерал Доватор погиб.

Теперь наш полк влился в 3-ю кавалерийскую дивизию 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Белова.

Мы получили на вооружение устаревшие винтовки прошлого века, патроны с патронташами, кто-то получил кавалерийские карабины, всем выдали противогазы, каски, сапёрные лопатки, ручные гранаты. Плюс ко всему этому были у нас с места формирования у кого кавалерийские клинки, у кого казачьи шашки. Ещё были на вооружении в полку горно-стрелковые короткоствольные пушки на конной тяге. Одним словом, вооружены мы были до зубов. Теперь оставалось отправить наши части на Чудское озеро, как в кино «Александр Невский», чтобы мы, при полном вооружении, отправились под лёд кормить рыбу...

Значительно хуже стало с питанием. Мы-то надеялись, что, как войдём в регулярную армию, так нас кормить станут лучше, а оказалось, что нам паёк даже сократили. Сказали, что мы ещё не действующая армия, а так... Вторая линия обороны.

Занятия в прифронтовой полосе увеличились. Строевая и тактические занятия нас просто изматывали, а если начинались политзанятия, то наши казачки засыпали от усталости и недоедания. Участились случаи заболевания какой-то болезнью, которую все называли просто слепотой. Врачи советовали для лечения этой гадости есть свежую говяжью печень... Издевались, что ли доктора? Условия жизни были невыносимыми.

Я не знаю, как жила пехота, но нас, кавалеристов, во многом выручали лошади. Каждой из них было положено в день насыпать в торбу несколько килограммов овса. Тайком от отцов-командиров мы отрывали от пайка боевого товарища немного овса, если удавалось, жарили его на дне котелка или на какой-нибудь жестянки, этим и поддерживали себя.

Находясь первые дни на фронте, я каждый Божий день сам себе задавал один и тот же проклятый вопрос: почему к нам, солдатам - защитникам Отечества, так наплевательски относятся, ведь ни сегодня-завтра нас погонят на смерть? Почему нас так плохо кормят? От кого это зависит и к кому можно обратиться с жалобой по инстанции?

Много подобных вопросов я слышал и от своих казачков, находясь один на один в окопе или в лесу, но никто и никогда не задал подобный вопрос вслух ни одному командиру. Боялись.

Как-то на политзанятиях, а они проводились каждый день в одно и то же время, строго по распорядку дня, присутствовал у нас какой-то чин с двумя шпалами в петлицах. Я осмелел и задал ему этот вопрос. Сам бы, конечно, я тоже не решился на такой «подвиг», но меня к этому подговорили ребята из взвода. Ты, говорят, самый молодой, грамотный, тебе оно сподручнее, у тебя получится... Давай!

Конечно, чин с двумя шпалами ответил на мой вопрос, но на следующий день меня вызвали в штаб полка и я попал на «беседу» с майором оперативного отдела.

В разговоре со мной майор дал мне понять, что знает, кто мой отец и кто я такой сам. И что, если мне не нравится обстановка в нашей части, то есть и другие подразделения в Красной армии, в которых людей всему учат и они очень быстро становятся всё понимающими, если в процессе обучения остаются живыми.

Это был очень тонкий намёк на «штрафбат» и нужно было быть совсем уж идиотом, чтобы его не понять.

Я понял.

***

Глава восьмая. Первые бои.

Наши части двигались в юго-западном направлении вдоль линии фронта. Толи в Калужской, толи в Брянской области мы приняли первое настоящее боевое крещение в районе городов Козельск-Сухиничи.

Бой был скоротечный и всё же наш эскадрон потерял несколько человек. Немцы поспешно отступили, мы освободили несколько населённых пунктов и из лесу сразу стали возвращаться в свои дома мирные жители.

Несчастливая русская земля! С незапамятных времён нет на тебе покоя. То князья дрались за стол княжеский, то хищные татары за нежелание быть покорёнными сжигали твои города, то немцы...

Не помню, откуда, но я знал историю Козельска, уничтоженного

Чингиз-ханом за сопротивление Орде до последнего младенца. И вот сейчас, глядя на погорельцев и на беженцев, идущих из леса, я старался отыскать в них следы характера или черты лица далёких предков, когда-то с ожесточением сопротивлявшихся дикой татаро-монгольской силе... Но потом вспомнил, что тех, древних козельцев, кто сопротивлялся Чингиз-хану, всех тогда же перебили, а значит, у них не было потомков. И я успокоился.

В тот же день мы стали помогать жителям восстанавливать их разрушенные дома и лачуги. За это они нам помогали избавиться от вшей, совсем одолевших нас.

Откуда-то появились большие казаны и вёдра, большие чугуны, в которых кипятилось наше бельё, портянки, брюки и гимнастёрки. После стирки мы мылись тут же и сами. Это была наша первая большая передышка после приезда на фронт. Но она длилась недолго.

Через два-три дня, рано утром, мы стали готовиться к выступлению. Для начала построились поэскадронно на поляне в ближайшем лесу, командир полка зачитал приказ и объявил благодарность всему личному составу...

В то время, когда мы ещё отдыхали, занимаясь истреблением вшей, за нами постоянно наблюдал самолёт-разведчик «Рама», как мы его называли между собой. И тогда ещё был разговор среди казаков, что не зря она над нами летает, не зря круги нарекает, подлая. Хотя бы одно зенитное орудие было у нас, чтобы пугануть это пугало так, чтобы оно навек успокоилось! Но не было у нас зениток. Не было! Казачки умудрялись обстреливать эту погань из пулемётов и даже винтовок, да что толку? Так и получилось, что эта «Рама» очень хорошо поработала над нами, сняла всё, что двигалось и затаилось, зафиксировала живое и мёртвое на фотоснимки, которые и выложила на стол немецкому командованию.

Как только комполка закончил свою речь, мы услышали приближающийся шум самолётов. Из-за низкой высоты полёта, а особенно из-за того, что мы находились в лесу, трудно было сразу определить тип и принадлежность самолётов. Но когда на нас посыпались бомбы, мы сразу всё поняли и бросились врассыпную.

В течение одного часа «хейнкели» и «мессершмитты» обрабатывали нас на низкой высоте весьма усердно. Особенно постарались в деревне, где стоял наш обоз и находились хозподразделения. Всё смешали с землёй! Были большие потери. Особенно много было убито лошадей. Пришлось задержаться ещё на несколько дней в этом месте, чтобы привести себя в порядок и похоронить убитых. Тяжелораненых отправляли в тыл, легко раненым делали перевязки и они тут же становились в строй. Тяжело раненных лошадей пристреливали, разделявали и отдавали на кухни, на еду солдатам и местным жителям, оставшимся в живых после бомбёжки.

Досталось не только военным, но и мирным жителям вдосталь.

Всё это происходило в июне-июле 1942 года.

После бомбёжки были усилены меры безопасности.

По приказу командира дивизии полковника Зубова, из нашего полка должны были назначить один взвод для охраны штаба дивизии. Выбор пал на наш первый взвод.

В тот же день мы были выстроены, осмотрены на предмет комплектации боевой экипировки и отбыли в расположении штаба дивизии, в распоряжение коменданта.

Как потом выяснилось, мы должны были вместе с сапёрами строить для штабных работников индивидуальные блиндажи, бункера, укреплять огневые точки, рыть траншеи и прочее. И ещё плюс к этому нести караульную службу при штабе и оперативном отделе. Работа была сложная и трудная. Правда, трудности теперь нам были нипочём: мы могли воевать, работать, нести караульную службу, даже на политзанятиях не спать, а всё потому, что мы стали кормиться из офицерской кухни: первое, второе, третье - всё как полагается. Зажили по солдатским меркам хорошо!

В 1942 году наши войска не везде продвигались вперёд, приходилось и отступать и маневрировать, поэтому наш штаб довольно часто менял своё местоположение. И каждый раз на новом месте нам приходилось копать землю для разного рода укреплений, а также для лошадей.

Господи, сколько пришлось лесу перепилить, а сколько тысяч кубометров земли перекопать? И всё нужно было делать быстро и в срок, не считаясь ни с какими трудностями, а подчас и потерями.

Насмотрелся я за то время, что наш взвод был прикомандирован к штабу дивизии, на штабных работников. Посмотрел, какие откормленные, чисто выбритые и холёные, в новых, хорошо подогнанных гимнастёрках и хромовых сапогах, с петлицами не ниже одной шпалы, то есть капитана, шныряли они молча рядом с нами, во время нашей тяжёлой работы и так же молча, без слов благодарности, прятались в вырытых нами укрытиях во время бомбёжек и артобстрелов.

Много чего я увидел из того, как «воюют» штабники в штабе. И обидно стало, что мы там, на передовой, готовы за 100 граммов фронтовой водки, ежемесячной походной бани и мало-мальски сытного обеда воевать за Родину хоть всю жизнь, а эти... Эти кормят нас как последних рабов, нашу водку пьют сами со своими бабами, в огромных количествах прикомандированных к различным дивизионным службам, моются нашим мылом в банях и гонят нас на смерть именем Родины...

Насмотревшись на всё это, я сделал для себя вывод: есть два сорта офицеров - штабники и окопники. Окопники разительно отличаются от штабной своры. Они вместе с солдатом и порох нюхают под самую

завязку, и вшей вместе кормят, и одними сухарями и ржавой селёдкой давятся, и в одну могилу подчас вместе ложатся.

***

Глава девятая. Тревога.

В штабе дивизии мы прокантовались с месяц.

В 4 часа утра боевая тревога подняла нас на ноги. Быстрые сборы. Готовим к походу лошадей, поим их, кормим и получаем сами поёк на сутки: сухари и пшённый концентрат. Всё боевое оружие, которое у нас есть, цепляем на себя. Седлаем лошадей, выезжаем вместе с комендантским взводом на построение.

Переключка.

Подаётся команда «Рысью марш» и мы летим вперёд.

Вот уже рассвело. Солнышко вошло. Где-то недалеко, километров за 10-15, слышатся орудийные выстрелы, потом гукают разрывы снарядов. В ту сторону, откуда бьёт артиллерия, движутся пехотные части. Промчались вперёд несколько автомашин, с зачехлёнными орудиями, два-три лёгких танка старого образца.

Вдруг над нами появилась «Рама». Кое-кто из пехотинцев начинает беспорядочную стрельбу по бронированному разведчику, но что может сделать винтовка? Послышались окрики командиров, и колонна пехотинцев выровнялась и двинулась дальше.

Внезапно, из-за опушки леса, показались немецкие самолёты, которые мы называли «штукас». Правильно это или нет, не знаю. У нас их называли именно так. По силуэту они похожи, скорее всего, на хищную птицу - стервятника. У «штукаса» не убираются шасси. Когда он пикирует, создаётся впечатление, будто стервятник увидел свою жертву и низко спустился к земле, чтобы своими когтями схватить её. Спустившись до земли, он включает сирены и наводит на солдат такую панику, что, глядя на некоторых воинов, становится страшно за их психическое состояние. Не каждый выдержит такой психический натиск. Да ещё и пулемёт безостановочно начинает поливать всё вокруг, и прочий боезапас сыпется непрерывно с неба...

Наше штабное охранение хоть и вырвалось чуть подальше от этой колонны, но всё равно первые бомбы оказались нашими.

Мы не раз попадали в подобные переплёты и без команды знаем, что делать в такой ситуации

Необходимо как можно быстрее и подальше отъехать в сторону от центра бомбёжки, положить на землю или поставить в какое-нибудь укрытие лошадей, а самим залечь.

Но на сей раз всё получилось так быстро, что я даже не успел слезть с лошади, как рядом рванула бомба.

Мне кажется, что всю силу взрыва и все осколки бомбы приняла на себя моя несчастная лошадь, только поэтому я и остался живой. Взрывной волной меня отбросило в сторону и слегка присыпало землёй.

Я затаился.

Бомбёжка быстро кончилась, так же, как внезапно и началась. Всё кругом стихло, только были слышны стоны раненных, ругань солдат и испуганное ржание лошадей. Где-то невдалеке я услышал лязганье сапёрных лопаток. Понял, это живые копали могилы для только что убитых своих товарищей.

Я не был ранен, но настолько был силён ушиб правой ноги, что не мог самостоятельно передвигаться.

Мои товарищи подняли меня, показали мне мою убитую лошадь, сняли с неё седло, погрузили меня на санитарную бричку и продолжили свой путь по указанному маршруту.

По дороге мы всё-таки оторвались от колонны немного вперёд. Нога моя от тряски ещё больше разболелась. Я хотел, было снять сапог, но самостоятельно сделать этого не смог, попросил помочь мне рядом сидящего легкораненого, но и у него ничего не получилось.

Пришлось пойти на крайность и разрезать ножом голенище.

Мне очень было жалко сапог, он был не абы-кабы, а яловой кожи, да ещё подогнанный по ноге на мой 39-й размер ещё в Ставрополе.

Боль немного утихла, я даже поспал немного. Проснувшись, стал задумываться, как же я, казак, буду теперь без лошади? Ведь она со мной пришла ещё из Ставрополя. Строевая, кавалерийская лошадка. И такие мы были с ней друзья, что понимали друг друга с полуслова. Нет, казак без лошади, что птица без крыльев! Конечно, дадут какую-нибудь животину, но это уже не то.

Я вспомнил, что во время прошлой тяжёлой бомбёжки полка были потери и в нашем подразделении, но незначительные: два-три человека и несколько лошадей. Вряд ли сейчас найдут для меня хорошего коня среди своих, эскадронных животных. Придётся ждать или пополнения, или следующей бомбёжки.

По дороге я кое-что узнал о той дивизии, с которой мы вместе шли на фронт. Она впервые попала под бомбёжку и это был её первый бой с врагом. Дивизия была сформирована полностью из пацанов последних двух лет призыва где-то далеко в тылу и их, необученных, но хорошо обмундированных и экипированных, бросили сразу на фронт, вероятно решив, что война лучший учитель для солдата.

Сколько же их погибло и было ранено только за одну эту бомбёжку? Какие глупые и ненужные потери!

Зато они всех убитых наших лошадей подобрали и сдали на кухни. Значит, уже кое-чему научились, даже ещё не дойдя до настоящей войны. Действительно выходит война - величайший учитель!

Всю ночь мы были в пути. И всю ночь было видно зарево войны на Западе и слышно гулкое уханье дальнобойных орудий, выстрелы и разрывы снарядов.

На рассвете прибыли к месту назначения. Расседлали лошадей, у

меня, конечно, её не было, зато седло осталось, оно служило подушкой. Командиры дали солдатам часик отдохнуть, потом завтрак и обязательные политзанятия.

Я получил медицинскую помощь и мне даже позволили немного отдохнуть, пока опухоль на ноге не опадёт.

Через несколько дней я почувствовал себя значительно лучше, но на строительстве бункеров и ходов сообщений я ещё не участвовал. Зато караульное охранение нёс и даже с двойной нагрузкой из-за нехватки бойцов во взводе.

Недели через две мне дали новую лошадь, ушибленная нога почти зажила. Служба при штабе дивизии закончилась и нам на смену прибыл взвод соседнего эскадрона нашего полка.

Вновь по тревоге нас подняли ночью и при полной боевой готовности взвод прибыл под утро в расположение 8-го кавалерийского полка.

Здесь находились в укрытии коноводы с лошадьми почти со всех эскадронов. Много было легкораненых, но уже способных держать в руках оружие. А ещё больше, как, впрочем, и везде при штабах, штабных работников, то есть тыловых крыс.

Как их ненавидела окопная солдатня!

Кроме нашего взвода здесь собрали казаков из разных эскадронов, даже были те, кто вышел из окружения и не мог найти свои части. Нас собралось довольно много, почти целый эскадрон. Нас хорошо накормили тушёной картошкой с кониной, дали по 100 граммов водки. Для меня это был первый случай на фронте, когда я пил «наркомовские 100 грамм».

Затем было построение всего личного состава и командир эскадрона, бывший взводный, лейтенант Левченко, знакомый ещё со Ставрополя, ознакомил нас с поставленной задачей.

Да мы и сами догадывались, куда мы поедем.

Перед выступлением непосредственно на передовую нам всё же дали небольшую передышку. Видимо то место на карте фронта было особо важным для нашего командования, потому что было много суеты вокруг нас со стороны штабного начальства и громкой трескотни политработников на занятиях.

Немецкие войска занимали выгодные позиции, как на левом, так и на правом берегу реки Жиздры. Несмотря на хорошо укреплённый немцами район боевых действий, нашей дивизии всё же удалось выбить их и закрепиться на обширной территории приданного нам плацдарма. Конечно, всё это происходило с большими для нас потерями как в живой силе, так и в технике. Но кто на это тогда обращал внимания? Немцы отступали, и это было главное. Правда, отступая, они яростно сопротивлялись, стараясь как можно больше нанести нам вреда и невосполнимого урона. Но ведь это война, а не

полевые учения в глубоком тылу. И мы понимали, что, отступая, немцы делают всё, чтобы истребить нас до самого последнего человека. И мы видели и чувствовали на себе, что враг, уходя с насиженных мест, всё же успевал заминировать и пристрелять каждый кустик и каждую тропинку на передке. И считали это тоже в порядке вещей: разве мы бы поступили на их месте по-иному?

Правда, как раз мы-то и поступали тогда совсем по-другому в таких случаях.

***

Глава десятая. Переправа.

Скорее всего, немцы точно знали, что на этом участке фронта происходит накапливание наших сил для наступления, поэтому они вели прицельный и губительный огонь по всем возможным местам массового скопления живой силы и техники. Не исключая, что их разведка работала в нашем тылу с большим успехом, чем наш СМЕРШ.

Не доезжая несколько сот метров до указанного нам места переправы на реке Жиздра, мы вдруг услышали несколько далёких хлопков.

По звуку это были наши 120-ти миллиметровые полковые миномёты, так определили офицеры, и мы спокойно продолжили передвижение.

Неожиданно раздался противный свист и три мины точно попали в центр нашего эскадрона, натворив колоссальные беды.

Они рванули с интервалом в несколько секунд одна за другой и почти что рядом друг с другом.

Мгновенно всё смешалось вокруг. Ещё одна, а может быть, и две мины разорвались, даже не коснувшись земли, как шрапнель, в самой гуще людей и лошадей.

Сразу появилось много раненых и убитых казаков. Шарахнулись в сторону испуганные насмерть лошади. Всё смешалось в какой-то один надрывный и непонятный крик. Лошади ржали, станичники стонали, кричали и звали на помощь.

В эту минуту, ожидая следующий взрыв, каждый думал только о себе: где и как укрыться от губительного металла? Как спасти себя и только себя...

Я тогда был хоть и неверующий, но истово молил Бога, прося оставить меня живым и невредимым.

И я остался живым, только лошадь моя немного была поцарапана мелкими осколками.

Повезло!

Налёт кончился внезапно, как и начался. Вскоре и казаки пришли в себя от шока. Начали перекликаться между собой, собирать раненых и убитых.

Осела пыль и солнечные лучики стали пробиваться сквозь редкие прибрежные кусты. Было ещё раннее утро, только-только занимался

очередной день войны, а на сердце у всех уже лежала мрачная вечерняя тоска...

По голосам, окликающих друг друга, я узнал своих казаков-станишников, друзей со Ставрополя - Пашу и Мишу. Они тоже уцелели в этой передрыге и помогали быстро перевязать и отнести в сторонку раненых.

Когда они подошли ко мне, я спросил их:

- А где Валентин Лосев и лейтенант Левченко?

Оказалось, что командир взвода, с перебитой ногой, и Валентин, ещё один наш дружок с Кубани, лежали совсем рядом со мной. Только Валентин был уже мёртвый.

Мы быстро прибинтовали ногу Левченко до самого бедра к двум палкам, найденным тут же, использовав их вместо медицинских шин. Валентина - царствие ему Небесное! - похоронили на опушке леса у одинокой сосны. Вырыли неглубокую могилку, с полметра, завернули в плащ-палатку и опустили в землю.

Я ещё перед этим посмотрел, как его убило. Оказывается, задело крупным осколком. Осколок, что утиная лапка, попал в левую сторону груди, между рёбрами и, видимо, задел сердце.

Я всё старался запомнить место. Ещё надеялся, что, может, быть когда-нибудь придётся навестить могилку своего казака-станишника, друга и боевого товарища, ведь мы с ним жили почти на одной улице, учились в одной школе...

Перевязав раненых и похоронив убитых, мы наскоро обработали и самих себя. Царапины и мелкие кровоточащие ранки забинтовали, благо нас каждого снабдили индивидуальными пакетами, и было чем перевязаться.

Подъехали к нам и санитарные фургоны, кто-то видно сообщил в штаб о нашей беде и нам выслали помощь. Погрузили раненых, тех, кто не мог идти своим ходом, в том числе и нашего командира взвода Левченко, и санитарные повозки ушли в тыл.

Мы с товарищами как-то быстро всё сделали с похоронами Валентина и перевязкой командира взвода и теперь, в минуту свободного времени, смотрели на то, что делают на месте трагедии наши товарищи.

В отличие от нас, они выкопали одну братскую могилу, положили в неё всех убитых, закопали, предварительно укрыв плащ-палатками, и отсалютовали над усопшими. Старшине передали пеналы-медальоны с адресами родных, у кого они имелись, и занялись лошадьми.

Что можно было снять с убитых животных - сняли, мясо разделали не хуже чем профессиональные мясники и отдали на кухню. Война - войной, а солдатский желудок нужно было чем-то набивать.

Оставшихся в строю лошадей казаки отдали своим коноводам, солдатам пожилого возраста и своим одногодкам из легкораненых. Все, кто был жив и невредим, собрались в кружок и, как истинные казаки,

решили выбрать себе нового командира. Благо среди нас нашёлся один лейтенант из окруженцев, прикомандированных к нам ещё на формировании, ему-то мы и доверились, несмотря на то, что он был пехотинец.

Новый командир скомандовал построение и мы сразу после этого двинулись к переправе.

Буквально метров через двести-триста, на опушке леса, мы увидели наши 120-ти миллиметровые миномёты и полковые короткоствольные орудия, которые при нашем появлении неожиданно начали вести огонь по немецким позициям.

Немцы не остались в долгу и ответили им тем же.

Артиллерийская дуэль велась, как говорится, наобум Лазаря, потому что немецкие снаряды и мины ложились не прицельно: то здесь, то там, что нас и спасло, наверное, в этот раз. Будь артиллеристы пояростнее, понастырнее - нам бы несдобровать.

Вскоре стрельба с обеих сторон стала стихать, а затем и вовсе прекратилась.

Так вот почему мы не почувствовали опасности при прошлом артналёте. Мы слышали выстрелы своих артиллеристов, а мины получили уже немецкие. Их залп мы не услышали, проморгали и поплатились за своё разгильдяйство.

В следующий раз надо быть внимательнее.

К берегу реки тем временем стали подходить всё новые и новые подразделения. Среди них оказались и войска особого назначения, те самые, которые назывались «заградительными отрядами». Их бросило сюда высокое командование наводить порядок на переправе. Мы смотрели на них с чувством глубокого презрения, но помалкивали, понимая, что за любые негативные высказывания в адрес элитного подразделения нас могут просто тут же шлёпнуть в назидание другим. И будут правы, не разлагай дисциплину перед боем.

Форсирование реки Жиздра, то есть притока Дона и Донца началось в 16 или 17 часов в самом начале августа месяца.

Мы подошли к переправе с тревожным чувством.

Правый берег уже был занят одним из эскадронов нашего полка и ротой солдат какой-то пехотной части. На левом берегу, откуда мы должны были переправляться, никаких понтонов не было, а просто были заранее сбиты небольшие бревенчатые плоты, и рядом качалась на воде пара надувных лодок. Зато в изобилии валялись заранее подвезённые брёвна, доски, горбыли и всякий плавучий хлам, годный для переправы.

Артиллерийская канонада стихла, казалось по всему фронту. Ни немцы, ни наши не стреляли, будто боясь спугнуть момент вхождения

в воду огромной людской массы, которую потом легко можно было утопить, насыщая ненасытного бога войны новыми жертвами. Так хищники подстерегают животных на водопое, прячась в воде или в прибрежных зарослях.

Мы всеми своими нервами чувствовали этого хищника и тревожились, оттягивая момент вхождения в воду.

Река была шириной порядка 50-60 метров. Кое-где глубокая, а где-то и помельче. Это было заметно по самой воде. Где быстрина и рябь - там мель, а где крутились водовороты - омут. Но какая бы глубина не была, не все у нас умели плавать. Некоторые воины ни разу в жизни даже и не видели такой широкой реки и со страхом смотрели на воду, как на свою естественную могилу.

Наше счастье, что в небе не было немецких самолётов!

Не ожидая команды командиров, мы молча взялись за строительство плотиков.

Все казаки нашего взвода были вооружены автоматами ППШ, с запасными дисками, да ещё на нас была навешана кое-какая военная амуниция, способная даже хорошего пловца отправить на дно при малейшей оплошности, не то, что поддержать его на воде, поэтому все работали с необычайным азартом.

Лучшими были не умеющие плавать вообще.

И вот началось медленное вхождение в воду.

Пока было мелко, мы толкали плотик перед собой, затем плыли, держась за борта. Всё наше имущество, в том числе и наши автоматы, лежали на плотках. Кто не умел плавать, тот старался сесть в лодки и добраться до берега с комфортом. Но чем дальше мы отплывали, тем глубже становилась река и вот уже многие стали вскрикивать и в страхе хвататься друг за друга. Кто-то даже повернул назад... Начиналась паника, хотя до берега остались считанные метры.

И тут, словно по чьей-то команде, на наши головы посыпались немецкие мины. Разрывались они на воде, на плотках и даже на солдатских головах и плечах. Поднялся крик, шум, плачь, мат... Всё смешалось в единый гул.

Кто первый вырвался вперёд, те благополучно добрались до заветного берега, те, кто остался под обстрелом, были в панике.

Я видел и слышал, как кричал, матерился и стрелял по людям наш новый взводный, пытаясь заставить солдат завершить переправу. Возможно, он даже и застрелил кого-то из своего ТТ, в такой горячке всё возможно.

А тут и заградотряд подключился к наведению порядка...

Ужас охватил людей.

Но наш эскадрон всё же благополучно завершил переправу, и мы залегли в укрытие под берегом, не веря ещё сами себе, что остались живыми.

Появился и наш взводный, со слезами на глазах просивший у нас прощение за своё поведение у воды.

- Братцы, - плакал он. - по-другому я не мог, простите! Если бы, не дай Бог, с перепугу повернули назад, нас бы всех посекали заградотрядовцы. У них приказ такой есть. Вы же видите, что они там творят, сволочи!

Мы это и сами знали и только что видели всё своими глазами.

Все, кто не мог осилить водную глубину, попытались вернуться назад, где были встречены пулемётным и автоматным огнём НКВДэшников.

И не один из них ни на наш берег, ни на тот, с которого мы все вместе шагнули в воду, не доплыл живым...

Много, ох, много ребят погибло на этой переправе не только от немецких мин!

Много утонуло раненых. Утопленники плыли по реке, как бревна на лесосплаве...

Я тайком молился и призывал Господа Бога и дальше сохранять мою жизнь. И видно он внял моим молитвам.

***

Глава одиннадцатая. Передовая.

На берегу, в укрытии, мы сделали небольшую передышку, немного опомнились, получили задание занять пустующие окопы и подремонтировать их.

Эти окопы первоначально принадлежали немцам. Потом немцев оттуда выбили наши и так происходило несколько раз подряд. Что от этих укрытий могло остаться? Только вши, которым безразлично кого кусать: русских или немцев. Но всё равно это были окопы, хоть и порядком разбитые артиллерией с обеих сторон. И мы стали приводить их в порядок, а когда узнали, что будем здесь стоять долго, до прихода сибирских частей, зарылись в землю прочно и обстоятельно.

На этой линии обороны мы находились где-то до августа месяца. Ничего более впечатляющего у нас за это время не произошло. Конечно, были и бомбёжки и артобстрелы, но к этому мы уже все давно привыкли, считали делом обыкновенным и пустяшным. Такое относительное затишье видимо устраивало до поры и времени обе стороны, и мы немного успокоились.

Правда, нас донимали снайперы-кукушки. Как только какой-нибудь боец зазевается, высунет голову над окопом, считай, что его уже убили.

Был однажды со мной такой случай, рядом со мной пристроился пулемётчик со своим «дегтярём» - ручным пулемётом. Он через каждые полчаса должен был простреливать немецкую передовую длинной очередью. Не помню уж почему, но он возле нас задержался и несколько раз стрелял из одного и того же места. Тут-то его и засёк

снайпер. Одной разрывной пулей в голову свалил наповал. И каска не помогла бедняге.

А ведь сам виноват. Нужно было чаще менять место, а он поленился.

А вообще-то наши солдаты сами себя не жалели. Не берегли свою жизнь. А почему? Да потому, что начальство их ставило ни во что. На рядовых смотрели как на безымянную массу, которую вылавливали из разных уголков страны и свозили на фронт такие же бесчувственные государственные чиновники, как и наши самые высокие военные начальники, окопавшиеся в тылу. Мы для них были никто. И потому они поставляли на войну не обученных, голодных и ещё по дороге на фронт обовшивевших людей.

Попадая на передовую, затюканные обстоятельствами и начальством, они смело ходили по брустверу своего окопа, разминая ноги, ничуть не заботясь, что в это время его может взять на мушку немецкий снайпер. Почти все они рассчитывали на то, что уж он-то точно будет ранен в случае чего, потом попадёт в госпиталь, а там, глядишь, эта мясорубка закончится миром и...

Но немецкие снайперы редко отпускали свою жертву живой. Уж если они брали кого-то на прицел, то убивали наповал. Вот почему так много наших бойцов гибло во время оборонительных боёв. Но это только лично моё мнение, возможно, кто-то думает по-другому. Сколько людей, столько и мнений, как говорится.

Доставка продовольствия через переправу была организована плохо. За всё то время, что мы находились в обороне, мы забыли, что такое горячее питание. Слава Богу, что хоть сухой паёк, сухари да селёдка, нас выручали.

Частенько вспоминалось время, проведённое на охране штаба дивизии. Тогда мы не просто хорошо ели, у нас были настоящие деликатесы: американские галеты, австралийский свиной шпик, аргентинские четырёхугольные двух и четырёх килограммовые консервные банки, начинённые говяжьим мясом. Мы всё это ели с превеликим аппетитом и находились хоть сравнительно близко от передовой, но всё же в тылу, куда не долетали немецкие пули.

Сейчас мы на передовой, неужели никому нет дела, в каком состоянии мы находимся? Неужели мы всеми забыты и брошены?

Иногда, когда спускаешься под обрыв к реке, чтобы зачерпнуть воды в котелок, видишь, что под берегом лежат ещё необрунные трупы наших солдатиков, уже начавшие разлагаться. Кругом вонь и смрад, зато нашли хорошее пристанище для себя вороньё да крысы, пирующие останками наших товарищей.

А уж вши, наши законные фронтовые спутники, они как будто помогают нам быть бдительными и не спать слишком крепко по ночам. Ночью их бьёшь на себе, а днём стараешься бороться с ними иными

способами: то в землю зароешь всю свою одежду, то, вытащив одежду из земли и отряхнув от пыли, добываешь оставшихся паразитов руками.

Зато в окопах мы были относительно свободными людьми. Здесь не было офицеров и политработников, поэтому можно было иногда и ремень не надевать поверх гимнастёрки, и пуговицы на вороте не застёгивать, рукава до локтей закатать, даже совсем голому некоторое время разрешалось полежать на солнышке.

Но главное, можно было не слушать политзанятия.

Так нам политруки надоели в тылу, что просто все отдыхали от них! Ну и, конечно, радовались, что нет строевой подготовки. Ведь даже в прифронтной зоне нас обучали ходить строевым шагом и правильно отдавать честь старшим по званию. Лучше бы лишний раз покормили.

***

Глава двенадцатая. Самолёт.

В конце августа всё же нам пришла смена.

После так называемой августовской операции мы так все обовшивели, что рады были залезть в котёл с горячей водой несказанно.

Нас сменили солдаты из Средней Азии. Наш 8-й кавалерийский казачий полк отвели на отдых и в то же время на пополнение. Теперь и мы находились в тылу, где-то в 15-20 километрах от фронта.

Перво-наперво нам устроили фронтную, то есть передвижную, баню. И, самое главное, устроили прожарку всего обмундирования. Даже бурки и попоны и те не избежали этой участи. Всё, где могла скрываться окопная вша, прожаривалось и пропаривалось.

В наш третий эскадрон тоже пришло пополнение. Одновременно нам назначили нового эскадронного в чине капитана с одной шпалой в петлицах. Новый командир, грузин крепкого телосложения, ещё нигде не участвовал в боях и мы внимательно присматривались к его первым шагам в эскадроне.

Штаб полка находился в соседней деревне, неподалёку от какой-то железнодорожной станции. Это была последняя станция перед фронтом и станция эта была, видимо, большого стратегического значения: по ночам сюда подходили эшелоны для разгрузки разных боеприпасов и военной техники. Вот почему сюда днём налетали тучи немецких самолётов, бомбивших всё и всех вокруг. В том числе и нас.

Был я в это время уже связным при штабе полка от нашего 3-го эскадрона. В первом взводе я был более чем другие казаки приметный для командиров: во-первых, грамотный; во-вторых, самый молодой; в-третьих, хорошо ориентировался по карте; в-четвёртых, мог работать с компасом и легко определял своё местоположение на местности, в-пятых, был обстрелянным бойцом, ну и так далее.

Короче, я оказался на примете у нового командира и он определил меня в связные. Хотя был и у меня большой недостаток - я не был

комсомольцем. Но и этот вопрос решился как-то сам собой.

Однажды нас, молодых бойцов, оставшихся в живых из ставропольского казачьего полка, собрали у начальника штаба подполковника Аракеляна.

После краткой лекции о положении на фронтах, о новшествах в Красной Армии - введении генеральских званий и ношении погон во всех частях армии, присвоении нашему полку звания Гвардейский и прочее, нам выдали по листку чистой бумаги и положили перед нами образец заявления о вступлении добровольцем в комсомол. Затем подполковник вышел, сказав перед этим, что вернётся через полчаса и чтобы все заявления были уже написаны.

Вот так нас приняли в комсомол.

Комсомольских билетов так мы и не получили, потому что наши кавалерийские части быстро меняли место дислокации и даже почта за нами подчас просто не поспевала.

Особенно доставалось нам, связным. Мы мотались по всему переднему краю без сна и без отдыха сутками под постоянным обстрелом со стороны противника. Потери среди нас были большие, но на место выбывших сразу же назначались новые казаки и наша служба работала без перерыва.

Мне часто приходилось находиться при штабе полка. У нас, у связных из разных эскадронов, был там свой бункер. Бывало, конечно, что мы целые ночи проводили в нём в полном спокойствии, отсыпаясь на месяц вперёд, но если нужно было срочно доставить какой-нибудь пакет, нам указывалось на конверте «аллюр» два или три креста, мы быстро седлали коней и мгновенно срывались с места надолго.

Немецкие самолёты часто бомбили железнодорожную станцию, а для бомбёжек делали заходы со стороны деревни, в которой располагался штаб полка. Во время пикирования самолёты пролетали так низко, что можно было видеть сидящего в кабине лётчика.

Нашу зенитную батарею, состоящую почему-то всего из трёх орудий и нескольких спаренных пулемётов, они давно уже уничтожили и потому летали нагло, ничего и никого не боясь.

Я решил отличиться. Показать своё геройство. В огороде, где росла кукуруза и кусты какой-то ягоды, поставил в землю деревянный кол с колесом от телеги, к этому колесу прикрепил ружьё ПТР и приготовил бронебойно-зажигательные патроны. Замаскировался и стал ждать момента, когда начнётся бомбёжка станции.

И вот началось.

Когда самолёт пролетел надо мной, я дал ему вслед два выстрела из бронебойки. Самолёт как-то вздрогнул, пошатнулся, спустился ниже и скрылся за горизонтом, выпустив чёрную струю дыма.

Я выскочил из огорода, забыв всю маскировку, кричу:

- Сбил! Сбил самолёт!

А в это время мне навстречу какой-то оперативный работник из штаба бежит.

Выхватил опер из кобуры свой ТТ и набросился на меня с криком и матом:

- Я - говорит, - сейчас тебя, сосунок, на месте уложу, за то, что ты демаскируешь местность, где находится штаб!

После этого моя служба в штабе закончилась.

Меня отправили в расположение эскадрона.

***

Глава тринадцатая. Монголы.

Наш эскадрон, да и не только наш, а и весь полк, укомплектовали новым пополнением, в основном людьми из Средней Азии.

Первый взвод, в котором я числился, пополнили 15-18 киргизами, абсолютно ничего не понимающих по-русски.

Мне поручили человек пять из них хоть немного научить говорить по нашему.

Я с большой охотой взялся за эту работу. Но промучился с ними несколько дней и отказался от поручения.

Если они сами не хотят учить русский, то их никакими правдами и неправдами не заставишь. А они не хотели учить наш язык. Им многое не нравилось у нас и они ко многому относились совсем по-иному, чем мы.

Например, у нас дополнительным пайком к суточному питанию было несколько граммов австралийского свиного сало. Они наотрез отказывались его есть, оказывается, по мусульманской вере есть сало не положено.

А что у нас можно было есть?

Баланду, которую готовили наши походные кухни?

Ну, был ещё хлеб 800 граммов в сутки, его выдавали два раза в день по 400 граммов на человека. В обед и ужин в солдатский котелок бросали пшённую кашу-размазню или перловку. Что было есть правоверному мусульманину?

Киргизы меняли сало на сахар, который нам давали по 15 граммов в день, а ведь сало было единственным продуктом из жиров в нашем рационе.

Киргизы сильно себя доводили подобным питанием. Некоторые из них даже падали в голодные обмороки на занятиях. Но держались своего, сало не ели.

На строевой подготовке, чтобы научить их отличать правую и левую сторону, им привязывали к рукам пучки соломы и сена. Команда хоть и смешная, но зато получалась уверенная: «Сено-солома»!

Естественно, что о политзанятиях не могло быть и речи.

Так продолжалось до конца ноября, потом тех, кто вообще был неисправим, как говорили наши политруки - симулянты, тех отправили

кого в штрафные роты, кого куда.

Одним словом, все были отправлены под Сталинград, где выживал один из ста.

Однако, наша фронтовая жизнь и служба, какими бы трудными они не были, продолжались.

Как я уже говорил, после августовских боёв наш полк получил право на отдых и пополнение в живой силе и технике.

Как таковой техники у нас не было вообще, нас выручали только лошади.

На конной тяге передвигались все артиллерийские орудия, а также тяжёлые и лёгкие миномёты. Естественно, все повозки тоже были на конной тяге. Наши строевые лошади к такой работе были не приспособлены и часто выходили из строя, но более крупные лошади, тяжеловозы, почти все погибли во время бомбёжек.

Как-то подняли наш полк по тревоге. Дали задание: за два часа мы должны преодолеть расстояние в 75-80 километров и выйти на встречу с представителями Монгольской республики.

Монголы должны были передать кавалерийскому корпусу генерала Белова, то есть нам, несколько тысяч своих монгольских лошадей. Встреча намечалась где-то в Калужской области, у памятника героям войны 12-го года и Бородинского сражения.

Нам дали тридцать минут для приведения себя и лошадей в идеальный порядок и после этого мы ушли в марш-бросок.

Встреча состоялась вовремя. Подарок или помощь был с большой благодарностью принят нами.

Монгольские лошади, хоть на вид были незавидные, но зато выносливые. Они в основном применялись как вьючная тягловая сила.

По возвращению в расположение полка мы получили наши фронтовые 100 граммов водки и хороший мясной обед.

***

Глава четырнадцатая. Самострел.

В 1942 году зима началась рано. Полк разместился, как нам было объявлено временно, на опушке леса. Хорошие поляны с выпасом для лошадей, всё это было рядом. Для нашей эскадронной полевой кухни посылали дежурных солдат подкосить ночью сена для лошадей, а для кухни заготавливали днём щавель, Иван-чай, как говорили - «противоцинготный витамин Ц». С питанием было всё-таки плохо.

Пока стояли тёплые солнечные дни, все были довольны такой погодой. Потом начались холода, дожди слякоть. Наше окопное жильё, к сожалению, не было приспособлено к таким погодным условиям. В ноябре-декабре прижали сильные морозы, выпало много снега. Мы ютились в наспех вырытых землянках, у которых вместо крыш были брёвна, но зато не было ни одного окна и дверей, никакой печки для

отопления, просто углубление метра на полтора было всё устлано еловыми ветками по полу и по стенам.

После отбоя мы залезали в землянку как в нору, и каждый занимал ему отведённое законное место. Спали в полной темноте. Подъём в пять часов. Где-то далеко заиграет трубач, дневальный по землянке в это время зажигает изоляционный провод для освещения и в это время нужно быстро одеться и выскочить из своего бомбоубежища, иначе прокоптишься резиновой сажой. Дальше путь лежит на конюшню, также наспех устроенную, где каждый занимается своим конём: водопой, чистка, уборка, получение порции овса для лошади и кормление.

А в сильные морозы, когда каждому неохота вылезать на холод, нерасторопным попадали и подзатыльники и наряды вне очереди, можно было схлопотать даже гауптвахту. За этим строго следил старшина эскадрона.

Часто бывало, и сам эскадронный прилетал во время подъема, и худо приходилось тому, кто ещё спал. Капитан раздевал провинившегося в землянке до белья и вытаскивал за шиворот на улицу. Я бы сказал, что он просто издевался над подчинёнными, особенно над нацменами. Сам-то он был грузином, разговор у него не чисто русский, как разойдётся, не поймёшь его, на каком он языке разговаривает.

Так наш комэск налаживал армейскую дисциплину. Стыдно было на всё это смотреть со стороны.

Другая комедия начиналась во время завтрака. Хлеб выдавали сразу на целое отделение несколько булок. Резать его ножом было нельзя, потому что булки были мороженные, поэтому мы приспособились пилить его поперечной пилой. Получалось много отходов. Пайки не соответствовали нормам. Возникали скандалы и даже драки между солдатами.

Между нами было много верующих среди мусульман. Они исчезали во время обедов, забивались во все дыры, чтобы помолиться аллаху и даже не видеть, как мы едим сало. Постепенно они слабели. Появились самострелы во время чистки оружия. Делалось это под прикрытием неосторожного обращения с оружием или неумением обращаться с ним. Ранения были в руку или в ногу. В нашем эскадроне такой случай тоже произошёл.

Один из тех новичков пополнения, которые прибыли к нам в августе, уже получил боевое крещение, понюхал порошу и покормил вшей в окопах, а вот на отдыхе не выдержал и пошёл на такой страшный риск, прострелил себе ступню. А может быть, у него действительно всё вышло случайно, как он говорил. Но те, кто был с ним в этот момент рядом, забрали его и отвели в штаб полка. А там есть кому в этом деле разбираться: случайно или нарочно.

Мы уже почти забыли этот случай, но через месяц нас подняли по тревоге, мы быстро оседлали своих коней и вскоре выехали на

большую поляну в лесу. Построили полк на поляне поэскадронно буквой «П». Тут уж некоторые догадались и вспомнили тот случай месячной давности, который произошёл в нашем эскадроне.

Вскоре подвезли на повозке солдата-казаха, подвели к яме, заранее выкопанной, установили здесь же конвоиров и часовых.

Подъехали и спешили со своих лошадей высокие чины из оперативных отделов. Один из них, видимо самый старший, вынул листок бумаги из папки и стал зачитывать приговор. Что там написано, что он там бубнил перед строем, вряд ли кто услышал и понял. У каждого бойца в это время были свои думки в голове. И свой взгляд на происходящее...

***

Глава пятнадцатая. За что боролись.

После этого страшного события, когда полк уже направился в своё расположение, мне показалось, что все мы думали об одном и том же: как это просто пустить солдата, защитника своей родины, в расход. Может быть, действительно он по ошибке прострелил себе ногу. А если и нарочно, то, как его винить? Ведь само отношение к нам, рядовым, от командира отделения до самого высокого начальства - просто отвратительное. Я бы сказал даже скотское. У солдата одно питание - сухарь да селёдка, и смерть на передке в перспективе. Не у каждого нервы выдержат такое напряжение. Небось, у тех, кто вёл дело казаха-самострела в трибунале и потом зачитывал приговор перед полком, перспективы отрядней, да и со жратвой не так позорно унижительно для человека. И вряд ли кто из этих сытых офицерских морд представлял себе, что у этого солдата из далёкого кишлака есть мать и отец, а может, и любимая девчонка, которую он так и не успел поцеловать. Вряд ли когда-нибудь родственники молодого казаха узнают, как он умер, и как его похоронили. А похоронили его не в могилке, а просто бросили в яму как собаку, не оставили даже и следа на месте его захоронения на той поляне.

Так нас под страхом смерти гнали в атаки, в которых мы не кричали «Ура!» и «За Сталина!», как это показывают в кино, зато кричали самым страшным матом, как люди, доведённые до самой крайней степени отчаяния.

И вот теперь, через столько лет, хочется спросить самого себя и своих друзей, живых и мёртвых: за что же мы воевали, и что себе и своим детям завоевали тогда?

Нет, ничего мы, простые солдаты, себе не завоевали. Это те, кто вёл наши дела в трибуналах, зачитывал нам приговоры перед строем и в тиши кабинетов, они завоевали для себя счастливую жизнь, хорошую пенсию и кучу боевых орденов, даже не видя передовую. Это они, крушившие православные храмы, вырубавшие христианскую веру под корень на Руси, теперь молятся в наших поруганных храмах, а их дети и внуки, директора и управляющие банков и заводов, кидают щедрой

рукой копейки на восстановление порушенных отцами и дедами церквей. Интересно, зачем им это нужно? Уж не затем ли, чтобы превратить Христа в подобие Карла Маркса, а попов в политработников?

***

Глава шестнадцатая. Солдатские кладбища.

Ещё до прибытия наших частей на передовую, за день или за два, здесь прошли сильные бои. Кое-где ещё валялись неубранные трупы наших бойцов. И было жутко от этого соседства, и кошки скребли на душе.

Немцы своих убитых не оставляли на поле боя, они их сразу убрали любыми способами и хоронили на солдатских кладбищах недалеко от передовой, в отдельных могилах, под крестами, на которых вешали каски убитых.

Вместе с покойником в могилу они клали половинку металлического солдатского жетона, на котором был выбит порядковый номер и буквенное обозначение звания, а также наименование воинского подразделения, в котором убитый солдат проходил службу. Так что найти могилу и стопроцентно опознать захороненного в ней можно хоть через сто лет, потому что вторую половинку жетона канцелярия подразделения отправляла по инстанциям в Германию, подтверждая ею факт смерти и указывая точное место захоронения солдата. Конечно, так у немцев было не всегда, но они старались быть и в этом деле точными. И у них многое получалось. Впоследствии я в этом сам убедился не однажды.

Наши же похоронные команды почему-то всегда не успевали не только хоронить убитых по-человечески, а элементарно стаскивать трупы в общую кучу и просто засыпать их в первых попавшихся больших воронках от авиабомб, чтобы их не расклёвывали вороны и не ели крысы, чтобы от них не шло никакой заразы к ещё живым. О каких-то «смертных пеналах» и точном указании на картах мест захоронения вообще речи не шло. Большинство убитых уходило на тот свет безымянными. Убит и убит, похоронен - значит хорошо, нет - на нет и суда нет. Документы у покойников частично забирались и затем пропадали в штабах различного ранга, частично оставались в кровавых гимнастёрках и шинелях. Поэтому так много у нас после войны оказалось без вести пропавших.

Говорят, что государству это было даже выгодно, потому как если нет извещения о гибели, «похоронки», то нет вдовам и родителям пенсии по убиенному воину. А это многие и многие миллионы рублей экономии в бюджете государства.

Наблюдать за разлагающимися трупами наших солдат было неприятно.

Практически всегда после каждого боя, все свежие трупы летом моментально облепливала мухота, откуда-то вдруг налетало голодное воронье, крысы и вся эта мразь начинала своё пиршество над уже беззащитными героями войны, не боясь ещё живых. Воздух, кроме до приторности знакомого порохового дыма, наполнялся вонью и смрадом разлагающихся человеческих тел.

Солдат, привыкший к фронтовой обстановке, порой даже не замечает сии прелести переднего края, Это только для необстрелянного новичка подобный пейзаж - шокирующая картина, для опытного солдата-окопника - рядовые будни. И в том, что люди привыкают к смерти на войне - самое страшное, что может быть вообще на свете.

***

Глава семнадцатая. Атака.

При наступлении все уцелевшие от противника окопы, разные бугорки, воронки от снарядов и мин, все эти уже готовые или почти готовые укрытия занимают бойцами, углубляются и поправляются таким образом, чтобы солдат чувствовал себя в относительной безопасности на новом месте.

На том участке, который заняли мы, были расположены в основном казаки нашего полка. Я находился возле командира своего эскадрона, он вновь назначил меня связным, и я должен был теперь держать постоянную связь с нашими соседями. Телефонной связи у нас не было, поэтому мне приходилось передвигаться под огнём противника где перебежками, где по-пластунски, но я справлялся с поставленной задачей - поддерживал связь между командирами эскадронов непрерывно.

На переправе реки Жиздры мы потеряли много убитых и раненых, утонувших вместе с боеприпасами и вооружением. Теперь на правом берегу мы обосновались капитально, но о наступлении, пока не подойдёт подкрепление, думать было нечего. Все ждали сибиряков. О них нам говорили уже много дней подряд, и мы все с нетерпением ждали этих чудо-солдат, спасших Москву и Ленинград в 41-ом.

Переправу через Жиздру наши всё также не могли наладить как следует. Немцы обстреливали её и днём и ночью. Пристрелялись и били на поражение с первого залпа. Столько ребят положили! И били в основном из миномётов. Иногда даже из своих знаменитых шестиствольных. «Ванюш». Тогда мины падали не только в реку, но доставалось и нам. Разброс мин у «Ванюши» был большим, а прицельности никакой. Приходилось зарываться в землю всё глубже и глубже.

Доставка к нам боеприпасов и продуктов питания была никудышная. Но однажды, каким-то чудом, удалось переправить всё, что нам тогда требовалось и даже чуть больше того. Даже разливную водку доставили в расчёте 100 грамм на человека. Но так как потери у нас были большие, то водки живым перепало гораздо больше, чем

полагалось.

В тот же день пришло и долгожданное подкрепление, но это были не сибиряки, как ожидалось, а снова новобранцы из Средней Азии.

Теперь мы точно знали, раз водку выдали, подкрепление подошло, значит скоро в бой.

И действительно, вскоре заработала наша артиллерия, несколько залпов дали наши знаменитые «Катюши». Впервые мы услышали такой потрясающий шум и грохот с нашей стороны. Канонада длилась 45 минут. Мы думали, что после такой артподготовки на той стороне ничего живого не осталось. Такая сила и мощь была в нашей артподготовке, что душа радовалась!

Артподготовка закончилась. Взвились над головами ракеты. Я, как связной, оповестил своих командиров-соседей о предстоящей атаке, снова взвились сигнальные ракеты и по всей линии фронта, насколько было слышно, разнёсся не то крик «Ура!», не то сплошной мат и слился в один страшный шелестящий шум.

Этот шум-крик длился вместе с трескотнёй автоматов, ручных пулемётов и одиночных винтовочных выстрелов не более десяти минут. Немцы нарочно подпускали нас к себе поближе и как только мы подошли достаточно близко, ударили по нашим войскам кинжальным перекрёстным огнём со всех сторон и из всех уцелевших стволов и орудий.

Мы залегли.

Многие тогда навсегда прижались в последний раз к родной земле.

Особенно много погибло среднеазиатов.

В бою эти восточные люди действовали как бараны. И жалко их было до слёз и злость против них просто закипала в крови, когда лежишь и видишь, что они творят во время атаки.

Едва кого-нибудь из них убьют, остальные сразу кучкой собираются вокруг убитого и начинают читать над ним молитвы и выть по-бабьи... Тьфу! Буквально через несколько секунд всю эту гоп-компанию немцы отправляли к праотцам или к Магомету, как считали сами азиаты.

Так захлебнулась наша опрометчивая атака.

Мы отступили и снова заняли свои старые позиции.

***

Глава восемнадцатая. Национальный вопрос.

В нашей окопной фронтовой жизни, где заклятые «друзья» солдата только вши под рубахой, чего только и о чём не передумаешь, сидя на дне какой-нибудь ямки, спасающей тебе жизнь!

Взять хотя бы вот этих самых нацменов, солдат, которых нам подбросили на подкрепление перед самой атакой. Я, простой солдат, и то видел, какие они были неподготовленные к этой бойне, а что же думали отцы-командиры, бросая их на наше направление, как неодушевлённый предмет?

После этого боя я ещё больше понял и увидел, как жестоко относятся

к своим подчинённым наши верхи. Ведь кажется, что именно они-то и должны были заботиться о нас, идущих в смертельный бой, защищающих не только свои дома и своих родных, но и этих самых начальников и их семьи, и их дома, их имущество... Вместо того, чтобы беречь и лелеять нас, например, как вещь вполне нужную в хозяйстве страны, они бросали нас в гибельные атаки и просто обворовывали при каждом удобном случае, унижали и оскорбляли, под страхом жестоких репрессий, заставляли добиваться требуемого им результата любой ценой.

В основном ценой жизни солдат и низших офицеров...

Я думаю, что и наши казачьи части они специально посылали на самые опасные участки фронта, чтобы добить нас до конца, коли не удалось это сделать в гражданскую войну и во время коллективизации. Мы всегда были им бельмом в глазу.

К примеру, кавалерийский корпус генерала Доватора был сформирован в самом начале войны исключительно из казаков Дона и Кубани. Их послали в глубокий тыл немецких войск, где они, с относительно малыми для себя потерями, били немцев и нанесли им колоссальный урон, а при выходе с территории противника столько казаков сложили головы из-за непродуманного финала операции!..

Сколько казаков в те дни сложили свои головы в дремучих смоленских лесах - один только Господь Бог знает!

Да и сам генерал Доватор не уцелел.

Оставшиеся в живых доваторовцы пополнили ряды нашего полка и нашего эскадрона. Они-то, очевидцы этой бойни, и рассказали нам о неграмотных действиях командования. Конечно, нам везде и всегда нужна была только победа и мы её всегда достигали, но какой тяжёлой ценой? Немцы потеряли в этой войне 8 миллионов, а мы 24 миллиона человеческих жизней. Есть небольшая разница.

***

Глава девятнадцатая. Фронтовые будни.

Вот так сидишь в окопе, а мысли сами лезут в голову. Как же так получается, что после такой сильной артиллерийской подготовки немцы всё же выжили и смогли отбить нашу атаку? Как?

Во время этого боя рядом со мной тяжело ранило моего командира взвода. Я даже не знал, как его звали, и какая у него была фамилия. Товарищ лейтенант - он и есть товарищ лейтенант! Зачем ему ещё какая-то фамилия?

Лейтенант стонал и просил помощи. Но откуда её ждать, если рядом нет ни санитаров, ни медсестры.

Я подполз к нему и осмотрел.

Лейтенант был ранен разрывной пулей в локте. Пуля прошла руку навывлет и вошла ему в туловище между рёбер. Такая рана требует много бинтов и ваты, а у нас всего только два индивидуальных пакета:

у него и у меня.

Всё же я сделал перевязку, кое-как уложил командира на плащ-палатку и утянул его под берег реки.

Больше я его никогда в жизни не видел, до сих пор не знаю, остался ли он в живых или же нет. Подобрали ли его санитары или же остался он под тем самым крутым берегом навечно.

Рядом с ним лежали в воде трупы давно утонувших и недавно всплывших солдат, на берегу валялись только что убитые и раненые, стонавшие и просившие помощи. И было их много. Очень много. На это зрелище было страшно смотреть. Никто не знал, кто должен был заниматься ранеными. И где их, этих ответственных за это, можно было искать.

Я снова вернулся на своё место, сообщил командиру эскадрона о случившемся и стал ждать приказаний.

Весь день казаки выносили раненых к реке, стараясь переправить их на тот берег. Убитых почти не трогали, не хватало людей. Стояла жара, и к вечеру от покойников стало тянуть смрадом - кровь в открытых ранах быстро портится на свежем воздухе. Похоронных команд не было видно, наверное, где-то делали свою обычную тяжёлую работу, забыв о нас напрочь.

Дня через два трупы вздулись и уже всюду тянуло в нашу сторону вонью разлагающейся плоти. Появились первые крысы. Казаки стали просто засыпать ночью убитых землёй и хорошо, если кто-то из них догадывался нашарить в карманах трупа солдатский медальончик. Значит, семья получит похоронку, и будет знать, где погиб и где похоронен их родственник. Но большинство хоронились без документов и становились без вести пропавшими, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы отказались от наступления и стояли в жесткой обороне. Переправа как следует так и не была налажена и поэтому снабжение боеприпасами и продовольствием не улучшилось со временем. Бывало, мы по двое-трое суток не получали ни горячей, ни холодной пищи. Выручали только всегдашние сухари и надоевшая всем селёдка, которую, однако, тоже не всегда можно было достать на нашем берегу. Воду брали из реки, больше неоткуда, а в ней разлагающиеся трупы... И всё равно пили, другой не было.

Под конец августа наша фронтовая жизнь закончилась. Нас сменила какая-то пехотная часть и мы с радостью сдали им свои вшивые окопы. Для нас было настоящим счастьем уйти с этого страшного места.

Оставалась последняя опасность - перебежка до переправы и сама переправа через Жиздру.

Из окопов уходили ночью. Мы старались незаметно перевалить через

бруствер окопа и осторожно по-пластунски уползти к обрыву.

Всё прошло без стрельбы.

Солдаты из заградотрядов нас видели и не гнали, как при прошлой переправе, не палили в нашу сторону и мы спокойно переправились на левый берег.

Переправились степенно, без суеты, потому что каждый понимал, что идём в тыл, на отдых и получаем хоть короткую, но всё же отсрочку от возможной гибели.

***

Глава двадцатая. Тыл.

В тылу, хоть и недалёком от передовой, нам дали некоторое время отдохнуть, помыли в бане и прожарили наши обовшивевшие одежды. Началась солдатская перекличка. Каждый хотел знать о своих товарищах и потому спрашивали кто и кого вытащил с поля боя, где перевязал, куда отвёл или где похоронил.

Вот тут и появилось много путаницы и неясности с убитыми, ранеными и утонувшими. Но всё же, вместе с офицерами, сделали приблизительную сводку и стали писать извещения родным.

Если точно знали, что человек погиб и были очевидцы этому, писали похоронку.

Если никто не видел солдата убитым, то извещали о нём, как о без вести пропавшем.

Извещения были стандартные, в них не было места ни словам о причинах смерти, ни описания его подвига, если он таковой совершал, не было и указания места захоронения. Писали просто: «Ваш сын (брат, муж) погиб смертью храбрых, защищая Родину». И ставилась дата гибели солдата.

Больше всего было извещений о пропавших без вести. Их и после войны было больше, потому что до сих пор миллионы моих сверстников лежат не захороненные и безымянные по всей русской земле, где шла та жуткая война.

Военные действия наши временно закончились.

От линии фронта нас оттянули в тыл километров на 15-20. Доукомплектовали всё тем же необученным молодняком из Средней Азии, а лошадей выделили монгольских, выносливых. Не полк - сплошной интернационал!

На отдых, обустройство лагеря и прочее дали ровно десять дней.

Землянки для себя, коновязи для лошадей и прочие хозяйственные постройки делали в ударном стахановском темпе. Вокруг территории лагеря выкопали окопы, ходы сообщений, между ними ячейки пулемётных гнёзд и всё это тщательно маскировали, несмотря на то, что часть наша находилась в калужских лесах.

Военная обстановка требовала от нас не только землю копать, но и лес валить и распиливать его на доски... Короче, что требовалось от

нас, мы всё сделали по полной форме, на совесть, как говорится. А вот с питанием снова было туговато. Солдатский паёк как был неважнецким, так и остался никаким. Мне-то ещё ничего с моим росточком в метр с папахой, а вот как терпели ребята под два метра ростом - просто не знаю. Еды всегда не хватало всем. И не хватало самой разнообразной пищи, порой даже и сухарей не было вовсе. Поневоле вспоминался штаб и золотое время, когда наш взвод охранял его, питаюсь со штабной кухни ресторанной едой.

Голодный желудок будил мысли и мечтания. Всё чаще слышались разговоры о том, чтобы скорее пойти на передовую, там уж сразу убьют или ранят, что грозит бедному солдатику только одним - госпиталем, в котором будет возможность отожраться властью.

Госпиталь - счастливый билет, о котором мечтали многие. Попасть в него, прокантоваться в нём как можно подольше на чистых простынях, рядом с молоденькими санитарками, а там... А там, глядишь, и война закончится.

Эти разговоры доходили и до начальства (Не глухие же они!), но солдатские разговоры так разговорами и оставались. Война продолжалась, и никому из командиров не было дела до проблем нашего желудка, до проблем людей, которые через день-два могут оказаться молчаливыми покойниками, которым уже ничего в этой жизни будет не нужно. В том числе и госпиталей с жалостливыми медсёстрами.

Военная обстановка на нашем участке фронта была такая, что не давала нам возможности долго засиживаться на одном месте. Вскоре мы покинули наше мало-мальски обжитое место и нас перебросили на новый участок, где всё начали снова: землянки, коновязи, траншеи, окопы... И так было много раз, пока мы были во втором эшелоне фронта. Подвижки наши происходили в сторону западных границ Калужской области, в район города Сухиничи.

Вскоре мы снова оказались вблизи передовой, но в открытые боевые действия не вступали, хотя и у нас случались перестрелки с противником.

Во время передвижения кавалерии по тылам у самой передовой бывали иногда короткие бои с неизвестно откуда взявшимися немецкими пехотными группами солдат вермахта. Для немцев они всегда заканчивались одинаково трагично. Всё-таки пехота против кавалерии не имеет преимущества даже при наличии автомата и гранат. Да и нас, если правду говорить, всегда было значительно больше немцев. Брали массой.

Город Сухиничи наши как-то довольно быстро и удачно освободили. Говорили, что взяли его малой кровью. Если судить по нашему эскадрону, то это было действительно так. У нас не было не то что убитых, но даже и раненых, хотя мы активно приняли участие в бою и

проявили себя в атаке достаточно хорошо. Взяли много военнопленных, автомашин и прочее военное имущество, которым сразу занялись специальные команды, взяв всё под свою охрану. Но мы всё же дорвались до бесплатного, наткнувшись на продовольственный склады.

Вот где мы гульнули, так гульнули!

Всё произошло благодаря местным жителям. Это они нам сказали про склады. Немцы и не думали даже, что мы можем двинуться в этом направлении и появление нашего кавалерийского полка, в расположении складов было для них полной неожиданностью.

Трофеи были богатые и приятно тяжелили наши вещевые мешки, подсумки и кабуры, что привязывались тренчиками к сёдлам.

Наши пехотные части через некоторое время двинулись на запад, а нас почему-то задержали в районе освобождённого города. Опять нужно было обустраиваться, окапываться, рубить и пилить лес...

Нам, простым солдатам, тактику военного командования трудно понять, да и знать просто не положено, но нас снова стали мучить муштрой, тактическими занятиями с учётом зимних условий, политзанятиями...

Особенно доставалось нацменам из Средней Азии. Они плохо понимали по-русски и не хотели ничего понимать. Их упрямство бесило младших командиров и они, втихоря, начали заниматься рукоприкладством. Пожаловаться азиатам было некому. Посмотришь на этих бедолаг со стороны, кровью сердце обливается, какое всё же у нас скотское отношение к солдату! И не только к одним нерусским. Всем доставалось понемногу.

За время боевых действий полка у нас от наших добровольцев из Ставрополя осталось половина личного состава. Много погибло настоящих казаков, боевых товарищей. Их место заняли нацмены-среднеазиаты. Наш 1-й взвод пополнили доброй половиной киргизов.

Так я сдружился с одним парнем из Чуйской долины, со странным именем Талант. Он был неплохим человеком и мы стали с ним неразлучной парой. Нам с ним было по девятнадцать лет. У нас были общие интересы и он очень быстро научился говорить и понимать по-русски. Он вскоре стал одним из первых во взводе по всем видам обучения, даже по политической подготовке. Ему одному из первых киргизов заменили винтовку на автомат ППШ. Мы многое и о многом с ним говорили в те дни и пришли к одному мнению: главное нам сейчас нужно выжить. Выжить, во что бы то ни стало.

***

Глава двадцать первая. ВНОС.

Вскоре меня вызвал к себе наш командир эскадрона и сказал:

- Ты боец молодой, но грамотный. Умеешь с картой работать и компасом пользоваться можешь. Обстрелян. Не раз участвовал в боях...

Вот тебе и поручает штаб полка несение службы в глубоком тылу. Будешь руководить постом ВНОС, следить за появлением в воздухе вражеских самолётов с возможным десантом и вообще за всем передвижением вражеских войск в округе. Естественно, обо всём сразу же будешь докладывать нам.

Мне отобрали 12 бойцов нашего эскадрона, кто уже участвовал в боях и проявил себя с хорошей стороны, и ночью, по тревоге, при полном боевом снаряжении мы выехали на указанное на карте место. Оно было где-то между Сухиничами и Калугой. Место, конечно, было секретное и находилось оно в каком-то маленьком селении в глухом лесу. Лучшего места для скрытного несения «службы воздушного наблюдения, оповещения и связи» не придумать.

Мы подобрали для себя удобный небольшой домик на окраине селения, расположили лошадей, накормили их и в первую очередь после этого стали строить наблюдательную вышку.

Служба мне показалась очень интересной: наблюдать небо в бинокль и днём и ночью очень красиво и увлекательно. Тем более что бинокль был настолько сильным, что можно было даже в ночное время на большом расстоянии распознавать марки пролетающих самолётов.

Ещё у нас были две вьючные монгольские лошадки, которых мы приспособили для разных работ: подвезти дрова или сена местным жителям. За это нам давали продукты: хлеб, картошку, молоко, даже масло перепадало.

Через каждую неделю я приезжал в штаб полка и делал подробный доклад обо всём, что происходило за это время на вверенном мне участке.

Правда, я так и не понял, зачем нужны были эти сведения командованию с опозданием ровно в неделю, хотя может, это и имело какое-то значение для штабистов полка или дивизии, однако для нас это было поводом для откровенного сачкования от военной службы.

Перво-наперво, по приезду, я заезжал в свой эскадрон, передавал своему эскадронному грузину немного масла, в виде подарка за хорошее место службы, ну, а своему товарищу-киргизу - хлеба, сала и картошки.

Сало он уже ел, молодой - жить хотел.

Талант, так звали киргиза, меня ждал и скучал по мне. Он уже хорошо говорил по-русски, настолько хорошо, что я, еще, будучи в эскадроне, вызнал у него всё о его житье-бытье в Киргизии до войны.

Мы, смеясь, вспоминали, как впервые стали засматриваться на девчонок, мечтали, что после войны обязательно заведём большие семьи и будем ездить друг к другу в гости...

Судьба распорядилась по-иному. В Киргизию я попал аж 1955 году, сразу же после освобождения из ГУЛАГа. Пытался несколько раз через военкомат отыскать однополчанина Таланта Чупиева из Чуйской долины, но ничего из этого так и не получилось.

Но это совсем другой рассказ, о другом времени...

***

Глава двадцать вторая. Новое направление.

Вскоре наша служба во ВНОС закончилась, а вместе с ней и наше райское житьё.

В декабре мы покинули наше глухое селение и возвратились в расположение своей части. Там опять началась та же муштра: строевые, тактические и политические занятия. Опять мы сели на полуголодный паёк и ежедневное рытьё окопов.

Что ж, придётся вновь затягивать пояса потуже, и будьте вы прокляты тактические учения с лопатой в руках!

За полтора-два месяца вольности я как-то отвык от армейской дисциплины и с трудом входил в обычный жизненный ритм подразделения. Зато мой киргиз совершенно обрусел без меня и стал душой всего взвода. Талан быстро ввёл меня в курс всех последних событий, произошедших в полку и в нашем эскадроне. И, как оказалось, не только в полку, но и в стране произошли большие перемены.

В армии, например, ввели во всех войсках погоны. Все командиры автоматически получили повышение в звании на одну звёздочку. Теперь начальники и командиры назывались офицерами, начиная от младшего лейтенанта и выше. Наш эскадронный вместо капитана сразу стал майором и совсем взбесился от этого, пытаясь жестокостью довести дисциплину в эскадроне до идеально-палочной. Но об этом чуть позже.

От вышестоящего командования, вскоре после моего прибытия в полк, пришёл приказ о переброске кавалеристов по железной дороге на юго-западное направление.

В конце декабря 1942 года, под покровом ночи, по тревоге, при полном боевом снаряжении, эскадроны нашего полка подошли к станции, где нас уже ждал эшелон.

Как и в прошлый раз, в каждый вагон по обе торцевые стороны заводили по 4 лошади. В пространстве между дверями, остающееся свободным от животных, размещали сёдла и всякие солдатские пожитки, а для лошадей, стоявших в разных концах вагона, бросали тюки с сеном и фуражное зерно. Для кормления и присмотра за лошадьми сразу же назначали двух дневальных, а остальные казаки располагались в соседних вагонах-теплушках.

В течение двух-трёх часов погрузка закончилась и эшелон тронулся в путь.

На третьи сутки мы достигли конечную точку нашего маршрута - станцию Лиски, где благополучно и разгрузились.

По дороге нам повезло и мы смогли проскочить весь путь без единой бомбёжки. И это несмотря на то, что в 42-ом году немецкая авиация

ещё господствовала в нашем небе и от её пиратских налётов страдали не только военные, но и гражданское население. Правда, несколько раз на нас налетали одинокие бомбардировщики, но от сбрасывания бомб с большой высоты проку было мало и они улетали, не солоно хлебавши, отгоняемые зенитками и пулемётами нашего эшелона.

***

Глава двадцать третья. Новый противник.

Разгрузка на станции много времени не заняла. Всё случилось быстро, слаженно и без лишней суеты.

Лошадям отвели хорошие конюшни из красного кирпича, стоящие неподалёку от станции. Просторные, светлые, построенные ещё при царском режиме для кавалерийских частей, частенько курсировавших по железной дороге, они чудом уцелели во время последних боевых действий. А нас, казаков, разместили неподалёку в казармах.

Наутро, перед наступлением, нас ознакомили вкратце с положением дел на фронтах, сделав упор на наш участок фронта.

Оказывается, нам противостояли венгерские и румынские части. Об этих вояках мы уже кое-что знали из рассказов местных жителей, но это были сведения ещё летнего периода, когда они шли по России вместе с немцами налегке, занимая почти без сопротивления наши города и сёла. А сейчас на дворе стояла зима и многое за последние месяцы изменилось на фронте не в пользу агрессоров.

От станции Лиски, через заснеженный и скованный льдом Дон, наши кавалерийские эскадроны пошли в наступление, почти не чувствуя сопротивления противника. Целыми взводами и ротами румыны и венгры сдавались в плен, а нашим передовым частям совершенно не было времени заниматься ими, поэтому конвоирование пленных взяли на себя наши хозяйственники и обозники, совместно с местным населением.

Смотреть на этих вояк было иногда просто смешно. Они уже давно побросали где-то своё оружие и отсиживались в тёплых и укромных местах, обвешанные для тепла всяким тряпьем, смиренно ожидая своей дальнейшей участи. Вылезать на мороз им не хотелось и некоторых, наиболее нерасторопных, приходилось вытаскивать из их нор и укрытий не слишком учтиво.

Что поделаешь, на то война!

Местные жители активно участвовали в переобмундировании пленных даже без нашего вмешательства.

То, что было поновее, они снимали с них, а взамен давали всякое непотребство. Порой трудно было даже представить себе, кто же перед тобой - мужик или баба, не то, что солдат или офицер.

Так наши кавалеристы, продвигаясь на запад, подошли к Днепропетровску.

Я, как связной, носился с пакетами срочного донесения днём и ночью И в мороз, и в пургу, и галопом и на рысях...

По дороге я видел, как при отступлении румынских и венгерских войск, они частенько вымерзали целыми взводами и ротами, беззаботно устроившись накануне на ночлег. Трупы замёрзших были одеты ещё в летнюю форму, и лежало их вдоль дорог уйма! Слегка припорошенные снегом, прижавшись друг к другу, словно живые, с оружием в руках, они будто только ждали команду «Подъём!».

Одеты вначале они были прилично, но вскоре местные жители, скорее всего в ночное время, снимали с них всё, что можно было снять вплоть до нижнего белья.

Среди солдат находились и офицеры, в добротных хромовых сапогах. Сапоги у них вырубали вместе с ногами, а потом отогревали и выбрасывали ноги на мороз, подальше от жилья.

Собаки бегали по деревням жирные, с лоснящейся густой шерстью...

Днём похоронные команды складывали трупы раздетых солдат и офицеров в штабеля, словно поленья в поленнице, обливали горючкой и поджигали. Сладковатый чёрный дым стлался по окрестностям, казалось, не вызывая ни у кого никаких эмоций.

Вместе с солдатскими похоронными командами работали и местные женщины. Они тоже раздевали пленных, складировали одежду и трупы, тоже обливали штабеля обнажённых замёрзших мужчин горючей жидкостью и тоже поджигали их.

И я думал, глядя на работающих женщин: «До чего же мы, люди, дошли, если женщины, чьё предназначенье рожать, выступают могильщиками своих потенциальных мужей?»

И ещё думал, что нет у людей никакой совести и жалости друг к другу, даже уважения к покойникам нет.

И вместе с тем я понимал, что живые выполняли обычную ежедневную работу, трудную и малоприятную, но за неё платили и они делали её старательно, чтобы получить свой паёк и накормить им свою голодную семью.

Наверняка у каждого погибшего, лежащего в штабелях и ожидающего своей очереди на сожжение, была своя женщина - мать, девушка, жена, дочь и трудно было представить их за подобной работой где-то там, у себя на родине, за многие тысячи километров от этого ужасного погребального костра. Но, как оказалось впоследствии, я глубоко ошибался. Везде люди одинаковы.

По закону войны, кто что должен был получить, то и получал. Мёртвые - погребальные костры и могилы, живые - ужасы военного бытия. И неизвестно, кому можно было завидовать в те времена: живым или мёртвым.

***

Глава двадцать четвёртая. Перед броском к морю.

Продвигаясь вперёд, мы, вместе с пехотными частями, вскоре дошли до станции Синельниково, что в 50 километрах от города Днепропетровска. По разведанным на этом участке фронта

сосредоточились большие силы немцев, представляющие серьёзную опасность для выдыхающегося наступления наших войск. Понимая это, наше командование приостановило наступление и стало накапливать силы для решительного броска на Синельниково и дальше, вплоть до самого Чёрного моря.

Народу в это наступление подвозили не меряно.

Личный состав шёл с большим избытком в каждом подразделении, а вот техники почти не было никакой.

На нашем направлении противником нам были венгры и румыны. Кавалерия легко справлялась с ними и это вселяло уверенность в дальнейших успехах. Но не-мецкое командование не зря подставило нам своих сателлитов, а наши командиры, не обдумав последствия, рвались на плечах отступающих к заветной цели, сами, создавая себе котёл, и залезая в него по самое некуда. Вот и поплатились в итоге за свою дурь потерями нескольких армий.

И всё бы, возможно, было ещё терпимо, даже в этой поганой ситуации, да вот беда - не можем мы жить без шумихи и ярких подарков к великим праздникам. Наше наступление назначили на 23 февраля 1943 года.

В районе железнодорожной станции наши сконцентрировали большое количество пехоты и в итоге получили нечто похожее на весенний затор у моста в разгар ледохода на реке.

Народ под станцией колыхался всей своей колоссальной многотысячной массой и эта масса шумела, пучилась и внутренне трепетала перед предстоящим смертным испытанием. И невозможно было не поддаться скрытому ритму жизни этой однообразной серой шинельной толпы, ожидающей решения своей участи у высших небесных сил, отдавших их судьбы на откуп безжалостному Богу Войны.

В момент начала наступления я находился возле своего свирепого грузина, командира нашего эскадрона, совсем недавно ставшего майором. Нам до крайности нужна была бесперебойная связь не только со штабом полка, но и со всеми соседними эскадронами, и с единственной нашей батареей из четырёх лёгких 45-ти миллиметровых пушек, поэтому к нам, связным, внимание было особое.

Рано утром 23 февраля, я получил устное приказание от самого командира полка: подтянуть орудия конной тягой как можно ближе к передней линии окопов и ждать сигнала ракеты о начале ведения огня прямой наводкой.

До пушкарей мне пришлось добираться то перебежками, то попластунски, но я точно выполнил приказ и вскоре артиллеристы были на своей позиции.

Так начался для меня тот день и я его запомнил надолго.

Везде ощущалось перенасыщенность пехоты. В каждом дворе и в

каждом доме, в каждой небольшой балке находилось множество солдат, вооружённых винтовками образца 1900 года. В основном молодые и, как видно, необученные деревенские парни. Желторотики.

И я подумал, как же мы будем наступать без поддержки механизированных частей? Разве можно с одними винтовками идти на штурм хорошо укреплённых позиций? Немцы так просто не сдадутся. Это не румыны и не венгры! Немцы умеют драться до последнего.

И только я так подумал, как со стороны немцев раздалось несколько орудийных выстрелов и два наших орудия, не сделав ещё ни одного выстрела, были подбиты. Лошади рванули в сторону и рухнули тут же, вместе с ними попадала в снег и орудийная прислуга.

В ответ с нашей стороны началась какая-то паническая стрельба. Пустили в ход ротные миномёты, но они не давали никакого эффекта, мины не долетали до намеченных целей и рвались у всех на виду в чистом поле. Но истеричная стрельба продолжалась и даже увеличивалась по своей мощи.

Явная глупость командования, попусту тратившего боезапас, была видна всем видевшим это и не прибавляла боевого духа бойцам. Все они понимали, что каждый снаряд, разорвавшийся не на позициях противника, это лишний труп в предстоящей атаке.

Немцы тоже не оставались без ответа и молотили нас грамотно и умело. Снаряды рвались в самой гуще приготовившейся к атаке пехоты.

Я кое-как добрался до своего командира эскадрона и увидел, что он тяжело ранен в голову. Пуля видимо срикошетила и прошла около его уха, задев висок.

Позднее ребята говорили, что это кто-то свёл с ним счёты за его жестокий характер. Но кто знает, так ли это было на самом деле? Вокруг уже начинало твориться столпотворение и откуда что летело, невозможно было разобрать.

Пока эскадронный был в сознании, я всё же сделал ему перевязку и доложил об этом политруку, старшему лейтенанту Романенко. Он и принял на себя командование эскадроном, как старший по званию офицер.

Стрельба усиливалась, и появилось ещё больше раненых и убитых, только, почему-то, некому было их перевязывать и относить в тыл. Медперсонала вообще среди нас не оказалось. Места эвакуации раненых не были подготовлены и никто не знал, где они могут быть. Перевязочных средств почти не было. Перевязывали раненых, кто чем мог или вообще оставляли лежать истекающими кровью, без какой бы то ни было помощи и не потому, что были такими бессердечными, просто пацаны были необстрелянными и видели кровь в таких количествах впервые.

Шок. Вот что было у готовившихся к атаке парней в солдатских шинелях. Шок и ничего больше!

Где-то в тылу подтянулась тяжёлая артиллерия и наши начали серьёзную артподготовку. Но вот только неизвестно было, куда же ложились их снаряды? На передовой мы не видели этих разрывов, хотя зади нас всё гремело и грохотало от мощных выстрелов батарей.

И всё же наши передовые части с трудом начали продвигаться вперёд. Это было видно по перемещению человеческих фигурок по белому полю нейтральной полосы.

Над нашими головами появились вспышки сигнальных ракет. Это был сигнал к атаке и для нас.

По цепи наступающих прокатилось минутное громкоголосное толи «Ура!», толи мат, но тут же и заглохло. Его заглушил шум с немецкой стороны, это били по наступающим крупнокалиберные пулемёты и миномёты.

Разрывы мин были настолько густыми, что о продвижении вперёд не было и речи. Поддержка артиллерии с нашей стороны нам ничем не помогла и пехота залегла, истекая кровью.

Истерично начатое наступление закончилось паническим бегством с поля боя. Отступающие бросили и своих убитых, и своих раненых. Их судьба была ужасной. Пули, осколки снарядов и мороз не давали раненым никаких шансов на выживание.

Да и положение отступивших было не радостным. Солдаты оказались брошенными на произвол судьбы своими командирами, как овцы пастухами. Они сбивались в кучки, измотанные страхом первого неудачного боя, голодные, замёрзшие и духовно истощённые. Их моральный дух был на нуле.

Немцы, тонкие военные психологи, понимали, что могло происходить с нашими частями и пустили им в догонку свою бронетехнику.

Бронетранспортёры пулемётным и автоматным огнём окончательно добивали наших солдат и морально и физически.

Наши казаки, кто остался жив после атаки и кто вообще смог добраться до коновязи, спешно подтягивали подпруги на сёдлах и уходили на рысях подальше от обстрела.

В первом крупном населённом пункте, селе Вешневецкое, оказался сборный пункт нашего полка. Тут же я увидел и нашего бывшего эскадронного. Всё же кто-то вынес с поля боя нашего грузина и его участь, слава Богу, могла оказаться лучше, чем у большинства раненных казаков эскадрона.

Следом за нами к нам подтянулся и наш обоз, подошли полевые кухни. Командиры произвели перекличку по взводам и эскадронам. Определили по спискам, кто ранен, кто убит, кто пропал без вести и кто всё ещё оставался в строю. Потом поели. Поели до отвала каши с варёной кониной, которую у нас после каждой атаки, арталёта или бомбёжки было навалом.

***

Глава двадцать пятая. Отступление.

Наш 8-й кавалерийский полк расположился в селе, где только мог, максимально соблюдая правила маскировки. На случай высадки десанта с воздуха или появления противника своим ходом, нами были выставлены боевые дозоры и секреты. Казаками были наспех вырыты окопы и пулемётные ячейки, установлены и замаскированы два противотанковых 45-ти миллиметровых орудия. Мы успели на всякий случай подготовиться к возможной обороне села, но всё, к счастью для нас, обошлось.

Отдохнув в светлое время суток, к ночи мы задали драпака на восток.

Отступление не самое радостное время в жизни солдата. Тяжёлые мысли постоянно точат мозг и душу, и я не раз задумывался, качаясь в седле, почему немцы нас гонят по родной земле и колотят в хвост и в гриву? Наверное, так думали все, шагая на восток дорогой поражения и унижения нашей русской гордости, нашего национального достоинства.

Так мы дошли до самого Днепропетровска. Сколько всего было потрачено для того, чтобы пройти столь тяжкий путь до этого города и вот теперь мы снова драпаем, бежим, спасая себя и бросая мирное население на поругание врагу.

Кавалеристы отступают хоть с малыми потерями, а пехота почти вся остаётся на поле боя, отходят только легкораненые и редкие невредимые счастливики.

Не дай Бог оказаться в пехоте!

За ночь мы прошли километров 50-60. На пути крупный рабочий посёлок Раздоры. Здесь наш полк должен занять оборону и хоть как-то попытаться сдержать наступление противника.

Меня снова послали связным в штаб полка для поддержания связи между эскадронами, другой связи у нас не было.

Наши ребята заняли оборону в домах посёлка, в основном на вторых этажах, откуда был хороший обзор возможной стороны наступления немцев.

Немцы не заставили себя долго ждать и вскоре в бинокль я уже видел километрах в полутора от нас немецкие танки и бронетранспортёры с белыми крестами, переполненные улыбающимися солдатами, вооружённых автоматами.

Взметнулись сигнальные ракеты и наши открыли огонь из пулемётов, миномётов и даже дали несколько залпов из противотанковых орудий. Но наша стрельба не дала никакого эффекта, а лишь обозлила немцев. На нас обрушился бешенный шквал огня из танковых орудий и крупнокалиберных пулемётов. Наши бойцы сразу

же спустились со вторых этажей на землю и в их рядах почувствовалось какое-то замешательство.

Пока я продвигался между домов, устанавливая связь между эскадронами и пытаюсь узнать обстановку на каждом направлении их действий, связи как таковой уже ни с кем не было. Каждый действовал в этой обстановке полагаясь только на себя самого, не согласуя свои шаги с мнением штабов и командиров.

Бой в городах и посёлках не сравнишь с атакой в чистом поле.

Это было в первых числах марта 1943 года. Ещё как следует не растаял снег, кругом стояла непролазная грязь, обстрел наших войск с каждой минутой нарастал всё больше и больше. Видимо к противнику подходили свежие подкрепления и сходу вступали в бой. Приходилось пробираться короткими перебежками, ловя безопасные секунды в промежутках между взрывами. Чаще передвигался по-пластунски.

Мокрый, грязный, я всё же добрался до коновязи, где держали наших лошадей.

Коновод кричит:

- Все наши на рысях ускакали, если мы с тобой сейчас задержимся, то попадём к немцам. Поторопись!

Обстановка действительно сложилась очень скверно для нас. В посёлок сходу уже ворвались немецкие танки, а немецкая пехота из автоматов и пулемётов обстреливала улицы, дома и всё живое, что им попадалось на глаза.

Я второпях схватил за повод свою лошадь. Коновод сразу галопом рванулся от меня на улицу, но тут же попал под автоматный огонь и тотчас был убит вместе с лошадыю. Труп лошади ещё некоторое мгновение дёргался в агонии, ёрзая по безжизненному телу коновода.

Всё это произошло в какие-то считанные секунды. На какое-то мгновение меня парализовал дикий страх, да и лошадь бесилась в поводу. Я настолько вдруг обессилел, что не мог даже засунуть ступню сапога в стремя, а когда всё же мне это удалось сделать, то при посадке в седло, из-за того, что подпруги ночью сильно ослабели, а времени у меня подтянуть их просто не было, я вместе с седлом оказался под животом лошади.

Обстрел продолжался. Где-то стала слышна немецкая речь.

Трясущимися руками и ногами мне удалось поправить седло на спине лошади, подтянуть и закрепить подпруги и я с таким лихачеством вскочил на лошадь, что висевший у меня за спиной автомат ППШа так шарахнул меня по голове, что я подумал, это меня оглушило взрывной волной.

Я, может быть, сам и не решился бы выскочить на улицу, мой мозг говорил мне, что это верная смерть, кругом уже были немцы, простреливающие улицы насквозь и кричавшие где-то недалеко «Хальт! Хальт!», но за меня всё решила моя лошадь. Она выскочила на

улицу так быстро, что я даже не успел как следует взять её за повод. Второпях я вцепился за гриву, прижался к её шее, и она понесла меня, потому что видела и чувствовала своим лошадиным умом лучше меня, куда ей скакать.

Вдогонку нам была выпущена длиннющая пулемётная очередь трассирующими пулями, и мне были видны ярко-красные точки пуль, огибающих меня то слева, то справа, как в замедленном кино. Казалось, вот-вот очередной пулей я буду прошит насквозь, но этого не случилось. Моя лошадь по кличке «Лана» несла меня на галопе всё дальше и дальше от выстрелов, от немцев и от посёлка.

Вскоре я увидел, что она, бедная, настолько вымоталась и выдохлась, что пришлось с бега перейти на рысь. Через некоторое время ей полегчало, да и сам я стал приходить в себя, и мы с ней замедлили своё горестное бегство из очередного земного ада.

Часа через два-три я догнал полк в каком-то селении аж километров за тридцать от места боя.

Хорошо драпали однополчане! Ох, хорошо!

Этот случай мне запомнился на всю жизнь. Как же мне должно было везти на фронте, чтобы вот так проскочить на волоске от смерти и даже не быть раненым! Как я должен быть благодарен своей лошади, спасшей меня из-под такого огня! Видно, у меня ангел-хранитель добрый и жить мне грешному долго на этой земле.

***

Глава двадцать шестая. Засада.

На день полк остановился в каком-то селении, чтобы сделать передышку: проверить личный состав, лошадей и всю интендантскую службу. На скорую руку строились оборонительные рубежи, выставлялись дозорные посты. Здесь мы узнали, что попали в немецкое окружение и «клещи». Это произошло не только с нами, но и с другими пехотными частями. Такое страшное событие всегда на войне держится в тайне, но всё равно слух распространяется молниеносно и деморализует солдат.

Немецкая «Рама» постоянно висит над нами и нагло снижается настолько, что кажется можно её снять даже из автомата. Но этого делать нельзя под страхом расстрела.

Во-первых, потому, что самолёт-разведчик бронирован и его из стрелкового оружия не возьмёшь.

Во-вторых, нельзя себя демаскировать. Днём мы строго соблюдаем маскировку всех наших объектов.

Наступает ночь. Объявляется боевая тревога и всё приходит в движение. В полку порядок и дисциплина. Строго соблюдаются все правила передвижения в боевой обстановке в ночное время. Каждый в полку знает своё место.

Наш 3-й эскадрон назначается головным в колонне, а 1-й взвод выделяется головными и боковыми дозорами, продвигающимися на

таком расстоянии, чтобы не нарушалась связь между дозорными и эскадром.

Начало светать.

Впереди показались отдельные строения и дома.

Кругом тишина.

Как только подъехали ближе к домам, на нас вдруг обрушился ураганный огонь со всех сторон и из всех видов оружия. Наверняка в этой деревне был заранее высажен немецкий десант, давно поджидавший такую колонну, как наша.

Мгновенная паника внесла в наши ряды замешательство и хаос.

Меня как ветром сдуло с седла. Лошадь от внезапных выстрелов забеспокоилась и рванула в сторону. Я кое-как удержал её за повод и быстро повёл в сторону небольшого пригорка у дороги

Залегли.

Некоторое время я старался не высовываться, плотность огня была сильной. Фонтанчики пыли и земли со свистом и чмоканьем поднимались то тут, то там вокруг нашего естественного укрытия.

Уже совсем рассвело и в воздухе появилось несколько «мессершмиттов». Они на бреющем полёте начали обстреливать всё, что двигалось в поле и на дороге. Сразу же слышались предсмертные хрипы и ржания издыхающих лошадей, а вместе с ними крики и стоны солдат, звавших на помощь.

В такой трагической ситуации помощи ждать было неоткуда и не от кого. Каждый думал только как бы ему самому спастись под двойным губительным огнём, под которым мы оказались.

Естественно, что связь с эскадром была прервана. И никто даже не думал о её возобновлении.

На какое-то мгновение обстрел прекратился. Видимо немцы делали перегруппировку своего десанта.

Воспользовавшись этим затишьем, я завёл лошадь в более надёжное укрытие, потом по оврагу спустился подальше от места засады, взобрался в седло и на галопе поскакал туда, где по моим расчётам должен был находиться наш эскадрон.

Но в предполагаемом месте никого не оказалось. Только кое-где виднелись блуждающие безлошадные всадники да бегающие очумелые лошади.

В это время на горизонте опять появились самолёты и вновь на бреющем полёте начали обстреливать из пулемётов наших солдат, затем включили свои сирены, усиливая панику и страх. Лошади просто шалели от звуков этих сирен, несущихся прямо с неба. Ведь они-то не знали и не понимали, что нужно бояться не раздирающих барабанные перепонки звуков, а маленьких, запрятанных в медной оболочке, свинцовых пуль, вылетающих из стволов крупнокалиберных пулемётов и разящих насмерть и людей и животных.

Я тоже оказался под этим обстрелом, но меня ни одна из трасс не

задела и на этот раз, хотя я был более чем заметным объектом для лётчиков.

На мне была чёрная бурка, с которой я никогда и нигде не расставался. Она все месяцы на фронте была мне и матрасом, и одеялом, и подушкой. Я спал на ней и укрывался ею в непогоду. Но в этот раз она меня просто подвела. Я для лётчиков был прекрасной живой мишенью. И если от первого захода и бомбёжки я остался невредим, а они это видели, то со второго круга они решили меня точно уничтожить.

Вероятно они решили, что раз скачет кто-то в чёрной бурке на лошади, то это непременно какой-то важный чин и поэтому решили меня добить во что бы то ни стало.

Сделав второй заход, они спустились чуть пониже и стали поливать меня пулемётным огнём и даже сбросили несколько мелких бомбочек. Одна из них разорвалась метрах в десяти от меня и каким-то чудом вновь ни один осколок, ни одна пуля меня не задела. Весь удар пришёлся на мою бедную лошадь.

Один большой осколок попал ей в голову между ушами. Он, размером в рукавицу, прилетел с таким громким и страшным шуршанием и с таким жутким хрустом проломил ей череп, застряв в его костях, что я сам ощутил по дрожи её тела всю тяжесть и ужас мгновения смертельного ранения.

Я в долю секунды увидел вмятину и кусок металла в задранной кверху голове моей спасительницы и почему-то подумал, что нет крови. И в тот же миг во все стороны хлынула кровь.

Моя лошадь, моя спасительница по имени Лана, ещё сильнее рванулась вперёд, я даже не мог удержать её за повод, пробежала в смертельной горячке метров десять-пятнадцать, я в это время едва успел освободить ноги из стремян, как она рухнула со всего маху на землю вместе со мной.

Освободившись из-под неё, я первым делом хотел было снять седло, потом сра-зу пришла мысль: зачем оно мне теперь?

Я подполз к морде лошади, посмотрел в её стекленеющие глаза и увидел, как у неё из глаз покатались большие слёзы, смешивающиеся с кровью...

Не помню, сколько времени я пролежал возле Ланы и плакал, обнимая её за шею, так мне её было жалко. Ведь это мою смерть приняла Лана на себя вместо меня. Эта её пробитая голова спасла мне жизнь. И я даже подумал грешным делом, что лучше бы уж меня убил этот осколок, потому что я теперь не знал, как мне быть без моей лошади. Что мне делать безлошадному?

Я поднял голову к небу и увидел, что «мессершмитт» делает третий заход. Значит, прошло не так уж много времени с момента гибели моего друга, а кажется, что прошли часы.

Сделав большой разворот, постреляв куда-то в сторону и сбросив

несколько мелких бомб, самолёт удалился, видимо лётчик решил, что свою задачу в этом районе он выполнил до конца.

Я сел на свою бурку и стал горестно обдумывать своё положение.

Вдруг послышался приближающийся шум моторов. Присмотрелся, оказывается, в мою сторону движутся немецкие бронетранспортёры с солдатами, которые простреливают из автоматов и пулемётов всё поле. Добивают оставшихся в живых.

Огляделся.

Невдалеке увидел небольшие неровности на земле. Бежать дальше некуда, да и бессмысленно. Ползком подобрался поближе, и оказалось, что это были воронки от авиабомб, ещё тёплые и пахнущие взрывчаткой.

Залез в одну из них и присыпал себя со всех сторон мягкой землёй.

Лежу, жду своей участи.

Шум и стук моего бешено бьющегося сердца заглушает звук приближающегося бронетранспортёра и крики солдат на немецком языке, из автоматов, обстреливающих местность.

Я слышу и ощущаю всем телом, как возле меня прошла очередь из пулемёта, и земляные фонтанчики от пуль ещё больше забросали меня землёй.

Лежу, уткнувшись лицом в землю, и только слышу, как удаляются от меня и голоса и шум бронетранспортёра, а вместе с ними удаляется и мой страх.

Так я пролежал в воронке до темноты.

К вечеру стрельба затихла и переместилась куда-то в сторону.

В вечернем небе уже стали хорошо просматриваться выстрелы сигнальных ракет. Значит, решил я, там находится линия фронта. Там ещё идут бои.

И я пошёл по направлению к фронту.

По дороге встретил ещё пять человек. Двое были наши казаки из 8-го полка, тоже, как и я, безлошадные, а трое - пехотинцы из какой-то стрелковой части, соседствовавшей с нами.

Теперь мне было не так страшно. Всё-таки нас уже почти половина отделения. Все вооружены. Все могут поддержать друг друга в трудную минуту. Все надеялись, что пробьёмся к своим.

***

Глава двадцать седьмая. Дорога к фронту.

Днём мы скрывались, где только могли, а ночами двигались на восток.

В одной деревне хотели отдохнуть, подкрепиться, но напоролась на немецкие посты. Наверное, и здесь укрепился немецкий десант. Между нами завязалась короткая перестрелка, в которой мы потеряли двух наших товарищей, а один был легко ранен.

Теперь мы остались вчетвером.

Вера, что мы скоро сможем догнать фронт, стала покидать нас

вместе с удалением звуков фронтальной артиллерии и исчезновением вспышек сигнальных ракет. Да и сама местность вокруг нас не располагала к радужным надеждам. Куда ни глянь, везде были только поля, без единого лесочка и возвышенностей. Правда, кое-где торчали неубранные скирды соломы, но это были готовые мышеловки. Ночевать в них ещё можно было до рассвета, а вот днём оставаться в них было смертельно опасно. Немцы рыскали по полям на машинах, бронетранспортёрах, мотоциклах и для потехи обстреливали скирды, где могли скрываться наши солдаты. Кого-то из них пули настигали в соломе, у кого-то нервы не выдерживали и они выскакивали из своего убежища прямо под стволы смеющихся победителей, где их тут же со смехом расстреливали. Вот так и увеличивался список безымянных могил наших без вести пропавших солдат.

Было ещё несколько попыток перейти линию фронта, но всё кончалось поспешным и позорным бегством в поля. Проводить ночь в скирдах в марте месяце, когда ещё были сильны заморозки, малоприятное удовольствие. Да и наша солдатская одежка изрядно поизносилась в такой обстановке. Обувь поистрепалась и требовала починки. Вши стали одолевать неимоверно, и нечем стало от них спасаться. Костёр не разведёшь, ночью немцы засекут, а наутро выловят как зайцев по первому снегу. Днём сидим и прячемся в укрытиях, как мыши, и носа боимся высунуть, не то, что огонь разводить.

По сложившейся обстановке чувствовали, что наши войска на этом направлении фронта отступают и догнать нам их вряд ли удастся. Что делать? Выход один: пробираться в какую-нибудь деревню, прибываться к людям, а там, будь что будет!

Вот как у нас с нашей группой получилось.

Ночью ещё все были вместе, а утром боевая единица из четырёх человек словно растворилась в темноте и исчезла с рассветом навсегда. Каждый из нас сам распорядился своей судьбой и своей жизнью. И Бог нам судья в этом.

***

Глава двадцать восьмая. Одиночество.

Оставшись один, я почувствовал, что нервы мои не выдерживают неизвестности и самоубийственного одиночества, что я нахожусь на грани губительного срыва. Решив коренным образом сломать ситуацию, я зарыл автомат в солому и подался в ближайшую деревню.

В деревне и люди бывают разные, одни тебе посочувствуют, другие сдадут куда следует, потому что в военное время никто ни с кем не считается, все и всех боятся и ненавидят друг друга.

Мне всё же повезло, постучал в один дом на краю какой-то деревни, хозяйка на мой стук откликнулась, вышла, выслушала меня и больше, говорит, я ничем тебе помочь не могу. Всё же показала, в какой дом мне можно постучаться, где меня могут принять.

В этом доме жила одна старушка, она меня с удовольствием впустила, приютила и с жалобным выражением лица выслушала мою историю.

Она мне рассказала, что в эту деревню немцы часто приезжают на мотоциклах и делают облаву. Всех подозрительных мужиков забирают и увозят, а тех, кто занимается укрывательством, расстреливают без предупреждения. Об этом даже висят объявления на заборах. Старосты и полицейских в деревне ещё нет. Не успели назначить.

Живу в этой деревне неделю, дружую...

Немцы точно постоянно приезжают на облавы и прочёсывают с обысками все селение, выискивают наших солдат и отправляют их в лагерь в город Барвенково.

Как-то зашли они и к нам с бабкой, спрашивают:

- Зольдат есть?

Я сижу на скамеечке, ни жив, ни мёртв, починяю старый валенок.

Подходит ко мне немец, высокий, в прорезиненном плаще и с автоматом на шее. Знак подаёт: собирайся! Бабушка в слёзы, говорит:

- Это мой внучек, самый младший. Один-единственный остался из всей родни, а вы его забираете. Какой из него солдат, он ещё школу не закончил. Я без него совсем помру. Не трогайте его.

Я действительно на солдата не был похож: маленький, худой... Одним словом, бабушка уговорила немцев не трогать меня, и они оставили нас в покое. За это старушка дала им «яйки» пять штук...

Через месяц власть в деревне немцы всё же установили.

В Семёновке, так называлась наша деревня, выбрали старосту и назначили полицейских. Обстановка стала сложнее. В деревне все и всегда на виду, все друг про друга всё знают. Никуда не денешься от чужих взглядов и от завидующего глаза.

Староста стал ходить по дворам и переписывать всех трудоспособных на предстоящие земляные работы. Нужно было делать ремонт дороги у деревни и рыть окопы. За это немцы обещали давать хлеб и кое-какие продукты питания.

Пришёл он и к нам. Посмотрел на меня и сказал:

- Ну вот что, бабка, ты это немцам можешь мозги засорять... Всю твою родню я до седьмого колена не хуже тебя знаю.

И обратился ко мне:

- Ты прости, парень, не сам я по себе в эту кабалу попал. Если в деревне что не так будет, меня немцы к стенке поставят без разговора. Давай, подтягивайся к остальным мужикам и иди, работай. Может, и правда, какой-никакой паёк дадут. И тебе и бабке подспорье будет.

К утру все переписанные старостой мужики собрались у колхозного правления.

Вскоре подъехали грузовые машины, накрытые брезентом, а в них полно вооружённых немцев.

Нас всех пересчитали, загрузили в машины и под охраной солдат

привезли в Барвенково, в лагерь военнопленных.

***

Глава двадцать девятая. Лагерь.

Везли в закрытых брезентом машинах, заранее подготовленных для перевозки заключённых и военнопленных. В кузове, у самой кабины, отгороженные железной решёткой, сидели два немца, вооружённые автоматами. Мы сидели в кузове строго рядами. Перед выездом из Семёновки нас заранее проинструктировали как себя вести: сидеть смирно, не шевелиться и не разговаривать. За нарушение конвоиры будут применять оружие без предупреждения.

Мы без ЧП добрались до лагеря. Никто из арестованных не хотел раньше срока отправляться к праотцам, и все сидели тихо, строго выполняя инструкцию.

До войны на месте лагеря была двухэтажная средняя школа, построенная на окраине города. Довольно обширная для школы территория, с давно белёным извёсткой штакетником, была внутри ограды огорожена колючей проволокой, натянутой на прочные деревянные столбы. Дополнительно внутри лагеря было протянуто ещё несколько витков колючки. Между проволокой земля была вспахана и тщательно проборожена. По углам лагеря стояли вышки с часовыми, вооружёнными пулемётами и прожекторами.

Где-то недалеко лаяли собаки...

Позднее выяснилось, что в ночное время дополнительно выставлялась охрана, с собаками и эти твари гавкали в своих вольерах.

Внутри школы располагались наши тяжелораненые солдаты.

Территория для лагеря, густо напичканного военнопленными, была переполнена. Если бы всю эту массу людей выстроить и пересчитать «по порядку номеров», то на полнокровную дивизию мужиков точно бы хватило.

В лагере контингент людей был разномастный. Здесь были люди разных национальностей, воинских званий и возрастов. И все мы были равны между собой. Все мы были в одинаковом положении.

На особом месте были только тяжелораненые. Им оказывалась посильная помощь самими же военнопленными, среди которых был и медперсонал. Правда, не хватало медикаментов и перевязочного материала, а про усиленное питание и говорить нечего. Смертность поэтому и среди больных и раненых, и даже среди внешне здоровых была большая.

Хоронили умерших сами пленные под охраной немцев в общей могиле неподалёку от лагеря. Естественно, ни о каких документах и смертных медальонах и речи не было.

И снова пришла на ум мысль о том, что никто и никогда из родных и близких не узнает, где сложил голову их сын, брат или муж. Вот она большая братская могила, в которой сотни и тысячи без вести

пропавших солдат нашли свой конец. И никто не отпел их по-христиански, никто не выпил на помин их душ...

Ворота в лагерь были всего одни и сделаны на скорую руку, поэтому перед ними дежурил сдвоенный наряд автоматчиков.

Военнопленных поставляли в лагерь на машинах, а больше всего пешим строем. Когда нас привезли, то перед тем, как запустить в лагерь, тщательно обыскали.

При обыске у меня нашли немецкую складную алюминиевую ложку: вилка и ложка вместе. Её, конечно, отобрали, и за это я получил по хребту несколько ударов резиновой дубинкой от самого господина коменданта лагеря, в чине полковника.

Этот немецкий офицер, с крестами на груди, на фронте был контужен и сильно заикался, но был страшный самодур и добивался строжайшей дисциплины и порядка при помощи резиновой дубинки и других, не менее экзотичных и жестоких мер. Особенно он любил присутствовать при нашей кормёжке.

Кормили нас один раз в день. Кухни походные были тут же при лагере. У нас на глазах варили баланду неизвестно из чего и этим ничем кормили.

Мы выстраивались в очередь группами строго по десять человек, подходили к раздатчику баланды, тут же брали консервные банки, сложенные предыдущей группой возле кухни, наливали в них свою порцию варева и прямо на ходу, отходя от раздатчика, выпивали содержимое жестянки и тут же передавали её следующему в очереди.

Конвейерная кормёжка шла весь день.

Всё это происходило под жёстким контролем немцев, а подчас и самого коменданта в чине полковника вермахта.

Если полковник приходил на кормление, то наводил нужный ему порядок при помощи всё той же своей резиновой дубинки, тряся, при ударах по головам и спинам военнопленных, всеми своими боевыми наградами: крестами, медалями, значками за военные кампании...

***

Глава тридцатая. Работа.

В лагере, чтобы не подохнуть с голоду, нужно было быть очень проворным и даже пронырливым, чтобы, получив порцию баланды, ещё успеть попасть куда-нибудь на работу.

К нам в лагерь каждое утро приходили так называемые «покупатели» рабочей силы. Они отбирали наиболее здоровых людей в основном на земляные работы, на рытьё окопов, ремонт дорог, мостов и так далее.

Многие пленные старались попасть куда-нибудь в подобную бригаду, лишь бы только вырваться за колючую проволоку. Они знали точно, что там, на воле, хоть что-нибудь из жратвы да добудут.

Местные жители, у кого родственники были в армии, приходили каждый день к лагерю и выкрикивали у забора фамилии своих мужчин.

Изредка им удавалось найти кого-нибудь и тогда, если им улыбалось счастье, они даже могли вызволить родственника из лагеря. Но чаще их крики оставались без ответа и тогда, если охрана была добрая, они, накричавшись вдоволь, передавали первому попавшемуся заключённому свёрток с едой, приготовленный родному и любимому человеку.

И, наверное, как всегда, русский человек, передавая милостыню униженному и оскорблённому, думал, что, возможно, где-то и его родственника так же при случае приветят, обогреют и накормят совершенно чужие, добрые люди. Но только молили Бога, чтобы это происходило не так как у них: у колючей проволоки немецкого лагеря для военнопленных.

Главная задача для всех заключённых была в том, как выбраться из лагеря? Как уйти из-под колючей проволоки? Поэтому желающих вырваться на работу было даже слишком много. У ворот лагеря выстраивалась огромная толпа и подчас случалась такая давка и неразбериха, что охрана пускала в ход все средства, чтобы навести порядок.

Как всегда в этом больше всех преуспевал сам господин полковник, начальник лагеря.

Зрелище было неприятное и даже страшное. Немцы, смеясь, иногда фотографировали это безобразие «на долгую память», а нам было не до смеха. Всем хотелось жить. И есть хотелось...

В апреле-мае настало облегчение, погода пошла нам навстречу, стало пригревать солнышко, ночь уже можно было провести и на улице, потому что в школе мест не хватало на всех.

Некоторые в лагере находились уже несколько месяцев и наиболее слабые духом стали терять человеческий облик и человеческое достоинство. Они постепенно, от нечеловеческих условий содержания в заключении, превращались в животных, от которых все сторонились и все ими брезговали. Поэтому, глядя на опустившихся до нельзя, грязных, оборванных, вечно плачущих и жалующихся на свою незавидную долю, все старались вырваться из этого ада, чтобы не стать со временем такими же.

Однажды мне чудом удалось попасть в бригаду, которую набирали для работы в хозчасти какого-то подразделения вермахта. Работа была для меня знакомой - уход за лошадьми и коровами.

На работе мне выдали пару немецких лошадей, которых мы называли битюгами, вместе с лошадьми выдали фургон и полную сбрую. Эта работа мне сразу понравилась, я ещё не забыл свою службу в кавалерии Красной Армии и с радостью принялся за порученное дело.

Всё хозяйство я довольно быстро привёл в порядок. В первую

очередь почистил лошадей, напоил водой, накормил овсом, задал сена. Перебрал и почистил сбрую, в фургоне смазал колёса. Одним словом, подготовил своё маленькое хозяйство к выезду.

Подошёл переводчик, похвалил, и сказал, что меня, вместе с парой лошадей и фургоном, поручили немцу-охраннику для поездки на склад.

На складе я загрузил в фургон фураж, сено для лошадей и скота. В часть вернулись только к вечеру.

Я всё разгрузил, уложил, куда было приказано, потом, перед уходом в лагерь, ещё раз покормил лошадей. Меня тоже перед возвращением в лагерь покормили. Очень хорошо покормили, я даже не помню, когда я так хорошо ел за последний год. В лагерь мне дали с собой целую булку хлеба и сказали, чтобы завтра в восемь утра я был наготове, за мной снова приедут.

Моя работа понравилась немцам и с той поры они стали каждое утро забирать меня к себе.

К вечеру, когда работа заканчивалась, меня кормили до отвала и почти ритуально давали в лагерь булку хлеба. Да ещё мне разрешалось подбирать со стола недоеденные хлебные куски и брать с собой котелок супу с кашей. Всё это я, конечно, съесть уже не мог и с радостью отдавал еду нашему пленному военврачу, который в бывшем школьном помещении заведовал лазаретом для тяжелобольных и раненых.

Так продолжалось целый месяц. Мне многие завидовали, говорили, как это у тебя здорово получается: и сам сыт, и немцы довольны, и лошади в отличном состоянии и нам кое-что перепадает.

И тут произошло ЧП, едва не стоившее мне жизни.

***

Глава тридцать первая. Кража.

Однажды утром, когда я пришёл из лагеря на своё рабочее место, оказалось, что у меня кто-то украл сбрую. Для меня это была настоящая трагедия! Лошадиная сбруя была действительно превосходная! Красивая, прочная, из натуральной говяжьей кожи. Из такой кожи хоть обувь шей

Я понял, что попал в очень серьёзный переплёт и сразу же побежал к переводчику. Я объяснил ему, что произошло, и мы вместе с ним пошли к моему начальнику, фельдфебелю, заведовавшему всей хозяйством подразделения.

По разговору между ними я понял только одно немецкое слово: «Шиссен!», несколько раз упорно повторяющееся фельдфебелем. Я знал, что это слово переводится на русский, как расстрел и мысленно стал готовиться к самому худшему. Но спасибо моему немецкому переводчику, он сумел переубедить несговорчивого фельдфебеля и меня простили. Простили за хорошее отношение к труду и любовь к лошадям. Простили, хотя я был совсем невиновен в этой краже.

Меня снова оставили при лошадях и даже в лагерь не стали больше

отводить на ночь. Я стал жить при этой хозяйственной части, днём занимаясь своей основной работой - перевозкой грузов, а ночью, иногда, даже занимался охраной вверенного мне хозяйства.

Возможно, кто-то меня может спросить: почему же ты не бежал к своим? И вопрос этот вполне уместен. Действительно, почему я не бежал?

Да потому, что о побеге и думать даже было нечего, если тебе была ещё дорога жизнь. Не спорю, находились среди нас такие смельчаки, которые бежали, но их быстро ловили и показательно расстреливали перед строем, наглядно указывая всем на конец подобных мечтаний и начинаний. Это первая причина, по которой я не бежал.

Во-вторых, линия фронта от Барвенково отодвинулось так далеко на восток, что не только перейти линию фронта, но и добраться туда просто было невозможно. Я это уже один раз испытал на себе в марте месяце.

Ну и, в-третьих, я прекрасно знал, что, добравшись до своих, я буду тут же расстрелян, как враг народа.

В годы войны существовал такой приказ Сталина, по которому все бывшие военнопленные автоматически считались врагами народа и подлежали немедленному уничтожению. Об этом нам довольно часто с издёвкой в голосе говорили немцы.

Вот три причины, по которым у меня не было желания бежать из плена. Думаю, что и у большинства моих товарищей по несчастью мысли были созвучны моим. Душою мы все рвались домой, но что нас там ожидало? Всё та же смерть, но только от своих.

Выхода у меня не было. Для наших я больше как бы и не существовал на земле, для немцев был всего лишь рабочей скотинкой, так для кого же я жил на этой земле? Исключая родных, только для себя. И только сам я должен был решать, как мне поступить со своей никчёмной жизнью в настоящем и будущем.

И я решил: будь, что будет, а уходить от работы, дающей хлеб и относительную свободу, глупо и неразумно. Чем смерть в лагерной грязи, лучше призрачная, но надежда на лучшее. Тем более, что это возможное лучшее могло наступить достаточно скоро.

***

Глава тридцать вторая. Зазеркалье.

Летом 1943 года Красная Армия перешла в наступление по всем фронтам и немецкие войска отступали, довольно поспешно уходя из наших городов.

Нас, военнопленных, работающих у них в вермахте, они старались увести подальше от надвигающегося фронта, даже быстрее, чем свои собственные войска.

Я со своими лошадьми, нагруженный скарбом, о содержании которого порой и понятия не имел, гнал свой фургон, куда мне

приказывали. Во время коротких остановок мне не было времени ни на что другое кроме работы с лошадьми. Нужно было битюгов накормить, напоить, проверить подковы, а главное держать в целостности, сохранности и рабочем состоянии конскую сбрую.

Если разбираться беспристрастно в моей судьбе, то мне, можно сказать, даже повезло. Это если рассматривать человеческую жизнь, как средство для познания окружающего нас мира, организованное провидением или самим Господом Богом. Я прочувствовал на своей собственной шкуре весь ужас. Второй мировой войны со стороны двух основных враждующих сторон: со стороны Красной Армии и со стороны Германского вермахта.

Ещё в 42 году мне довелось вполне испытать и нутром прочувствовать страх живого ничтожного существа перед мощью человеческого гения, придумавшего пикирующий бомбардировщик «мессершмитт». Я испытал настоящий ужас при виде наших искалеченных солдат, разорванных буквально в клочья вместе со своими лошадьми авиационными бомбами, продырявленных пулями крупнокалиберных пулемётов, душевно надломленных превосходством авиации противника в воздухе, который должен был быть нашим и только нашим, как обещал Великий Сталин.

В 1943-м, при отступлении немецких войск, я тоже испытал этот же страх, но уже от своих самолётов: от «Илов», «Яков», «МИГов» и прочих модификаций фронтовой авиации.

Так же, как и у нас на фронте в 42-м, на моих глазах гибли солдаты вермахта, а вместе с ними и наши военнопленные, разорванные авиабомбами, покалеченные снарядами и крупнокалиберными пулемётами...

Разница была только в том, что немцы своих убитых и раненых сразу забирали с собой, а наших оставляли на произвол судьбы, просто бросая на дорогах.

Мы никому не были нужны. Даже своим хозяевам. Мы жили только для самих себя и сами о себе должны были заботиться в этом жесточайшем мире.

Мы никому не были нужны, разве только местные жители проявляли к нам какую-то жалость, хороня наших покойников в уже вырытых кем-то до них окопчиках или же в наспех открытых неглубоких ямках. И никто на этих могилах креста не поставит и имени не напишет, чтобы знали прохожие, кто здесь покоится. А лежит здесь обыкновенный русский военнопленный и имя ему легион.

Удивительно, сколько разных памятников поставили в России за последние годы, но я не помню, чтобы поставили хоть один памятник неизвестному погибшему русскому военнопленному.

А всё потому, что мы действительно никому не были нужны, кроме, пожалуй, Особого отдела, в который, после прихода наших, попадал

раненый пленный, подобранный и выхоженный при немцах местными жителями.

И тут уж разговор был коротким: раз был в плену, да ещё сотрудничал с немцами, работая на них в хозчасти, десять лет в лагерях на севере бедняге было обеспечено.

Так со своими битюгами я проехал почти всю Европу, оккупированную немцами. Проехал на лошадях в обыкновенном фургоне, начав с Украины, от города Барвенково Днепропетровской области, где находился наш лагерь для военнопленных, затем проехал Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и Германию...

Конечная остановка у меня была в северной Франции, где союзниками намечалась высадка военно-морского десанта через пролив Ла-Манш и открытие ими долгожданного второго фронта.

***

Глава тридцать третья. Второй фронт.

О высадке военного десанта в этом районе немецкое командование давно знало, поэтому стягивало сюда, в район Нормандских островов, все свои оставшиеся резервы, в том числе и нас, военнопленных, которые служили в хозяйственных частях, работая от темна и до темна, укрепляя оборонные рубежи фашистов.

Мы подвозили на своих лошадях разные грузы, в основном дроблёную крошку с каменных карьеров, арматуру для строительства береговых укреплений и прочее. Всё это происходило под постоянными бомбёжками и днём и ночью, но только теперь уже английскими и американскими самолётами.

По прибытию на место назначения нас разместили в давно выстроенных деревянных бараках с двойными нарами, выдали постель - матрасы и подушки, набитые соломой, ну и, конечно, в придачу нам достались вечные солдатские спутники: крысы и клопы, которых я просто не мог переносить.

Рядом находились конюшни, где размещались наши лошади, повозки, сбруя и все остальные подсобные хозяйства. Вся территория была обнесена колючей проволокой с наблюдательными вышками, на которых были прожектора. Нас, так же как и в обычном лагере для военнопленных, днём и ночью охраняли часовые с готовыми в любую минуту стрелять пулемётными точками. Порой нам казалось, что неизвестно в кого же они будут стрелять вначале: в союзников или же в нас? Так ещё были свежи воспоминания о лагерях, из которых нас вытащили «покупатели» живой рабочей силы.

Со стороны Ла-Манша каждый день в одно и тоже время на нас налетали самолёты и производили бомбёжку. В конце концов, мы так к этому притерпелись, что уже заранее знали и время налёта и даже примерный разброс бомб.

Хотя, я зря так сказал - притерпелись. Притерпеться к бомбёжкам нельзя. Когда на твои позиции налетают одновременно сотни самолётов, летящих одной большой группой, когда от разрывов слышится один сплошной страшный гул, вместо привычных звуков, когда кажется, что ещё немного и сама Земля провалится в тартарары... К этому притерпеться невозможно!

На наш лагерь как-то меньше других падало бомб, зато сыпалась нам на головы масса шрапнельных осколков от разрывов немецких зенитных снарядов. Во время налётов авиации, надо признаться, немецкие зенитчики всё же мастерски отстреливались и сбивали не однажды союзнические самолёты, под ликующие возгласы немецких солдат пожилого возраста, прикреплённых к нашей хозчасти в основном для нашей охраны.

И всё равно у нас потери были и среди немцев и среди военнопленных. Чувствовалось, что время высадки англо-американского десанта приближалось. Бомбёжки побережья усиливались, особенно там, где были укрепления с разнообразными дотами и дзотами.

Во время таких налётов день и ночь как бы менялись своими местами. Ночь иногда становилась светлее дня, а день от пыли и дыма чернел. Весь этот кошмар заставлял человека прятаться в любую щель, в любую дыру, лишь бы было, где укрыться и спрятаться. Выскакивать и метаться по открытому пространству, в поисках укрытия было весьма рискованно. Можно было попасть и под взрывную волну от авиабомбы или шального снаряда, или поймать на свою голову какой-нибудь предмет наподобие осколка. Бывало, что по воздуху летали и кирпичи, и фуры, и даже целые автомобили... Приходилось лежать там, где тебя застала бомбёжка и ждать, когда всё кончится. И это было самое трудное. Не у всех выдерживали нервы, и они погибали первыми. Слабонервные вскакивали и металась по лагерю в поисках более надёжного укрытия и, естественно, тут же находили свою ужасную смерть.

Бомбёжка прекращалась, самолёты, в основном так называемые «летающие крепости», улетали на свои базы, но их гул ещё долго не смолкал в воздухе пахнущим сгоревшим порохом, пылью и дымом пожаров.

Но однажды, вслед за улетевшими самолётами, через некоторое время послышался другой шум, это начался артобстрел из всех видов тяжёлого морского вооружения, как с больших, так и с малых судов флота союзной эскадры.

Под прикрытием артподготовки на берег стали высаживаться англо-американские войска на своих плавсредствах. Со всех сторон и сразу они высаживались на берег, беспрестанно поливая его свинцовым дождём из всех видов автоматического стрелкового оружия. Мы поняли, что пришёл для нас решающий час, за которым возможно

спасение из плена и совсем иная жизнь. Какой она будет эта жизнь, нас не интересовало. Главное, вырваться от немцев.

Во время короткого и относительного затишья, многие наши военнопленные бросились к своим лошадям, стоявшим в надёжном укрытии. Я тоже не остался в стороне и пробрался к битюгам, с которыми прошёл всю Европу.

Лошади были взволнованы не меньше людей. Они крутили головами, били стреноженными копытами в пол и готовы были сорваться со своих цепей, но оказались надёжно привязанными и закрытыми на хорошие немецкие замки.

Среди лошадей мне было спокойнее и надёжнее. С самого начала войны они всегда спасали меня, и я тянулся к ним. Лошади тоже почувствовали себя несколько спокойнее в моём присутствии, и мы стали с ними вместе пережидать конец боя, который для меня лично значил окончание войны и конец немецкого плена.

Я чувствовал, что для меня всё обошлось хорошо и на этот раз, что я остался в живых, несмотря ни на что, и теперь самым главным была предстоящая встреча с союзниками.

Кто они? Что это за люди? Как они отнесутся ко мне, русскому солдату, служившему у немцев?

***

Глава тридцать четвёртая. Союзники.

Как только наступило затишье, я вывел из стойла своих битюгов и запряг их в фургон. Невдалеке от лагеря я заметил группу солдат в необычной форме и направил фургон в их сторону.

Это оказались американцы. Я объяснил им на смешанном русско-немецком языке, кто я такой. Они меня на удивление быстро поняли.

Переговорив о чём-то между собой, они сразу же дали мне задание. Нужно было проехать по всей территории нашего лагеря, собрать всех раненых и, вместе с сопровождающим меня солдатом, отвезти их в ближайший медсанбат, где им должны были оказать первую медицинскую помощь и сделать перевязки. Затем, мне нужно было собрать тела всех погибших и доставить их в другое отведённое для этого место, где их обследуют и наведут о них справки, кто есть кто. Если же у тех, у кого не будет при себе никаких документов, обнаружат «жетоны смерти», которые должны быть у каждого немецкого солдата, то, со временем, и о них сообщат их родственникам. Если же ничего не будет, то всех похоронят в единой безымянной братской могиле, как и многих на этой войне. Таков порядок в европейских армиях.

После окончания работы с ранеными и трупами, мне дали выпить бокал хорошего французского вина и до отвала накормили, хотя, честно говоря, поначалу пища в горло лезла с трудом - в глазах стояли рваные куски человеческого мяса и кровь. Много крови. Но видно французское вино подействовало на мой желудок положительно и я

благополучно насытился.

Потом мне предложили вымыться в походной бане.

После мытья выбросили всю мою старую одежду, вплоть до нижнего белья, и выдали новое американское обмундирование. Я стал почти полноценным американским Джимми, таким бравым покорителем пустынь, прерий и саванн.

У американцев я зажил капитально на широкую ногу!

Не знаю уж почему, но ко мне они относились с уважением. Однако ночевать я упрощил их отпустить меня только на конюшню, где рядом со своими битюгами-путешественниками укладывался спать на сено, укрытое попоной. Ни одеял, ни простыней я не признавал. Если ночи были холодные, то я укрывался второй попоной и так коротал в одиночестве тёмные ночи августа 1944 года.

Лошади для меня - это вся моя вторая жизнь. На войне они меня и спасали, и выручали и подкармливали в голодное время. Если вспомнить некоторые религии, в которых люди переселяются после смерти из одного живого существа в другое, то я, наверное, по их представлениям, до этого был лошадьё. Такая у меня к ним любовь, что и словом не сказать! Поэтому-то я и боялся с ними расстаться. Они все эти годы были моей палочкой-выручалочкой, моими друзьями и моей единственной семьёй. Я чувствовал, что недолго нам осталось быть вместе с ними, и хотел на прощание сделать для них что-нибудь хорошее, чтобы и они надолго запомнили меня.

Я всё делал как всегда в эти годы: и поил, и кормил, и чистил их вовремя и сбрую подправлял, когда она где-то ветшала или рвалась. Каждый вечер проверял фургон, чтобы на утро всё у меня было готово на случай выезда из части.

Сопровождающий мой, я его называл «Командир», к утру получал задание и мы направлялись с ним в путь-дорогу.

Командир был настолько болтливый, что всю дорогу что-то мне рассказывал по-английски, при этом ему очень хотелось, чтобы я его понимал, но я, конечно, не понимал, что он лопочет, но старательно делал вид, что всё понимаю, вот только говорить не могу. И я всю дорогу, в знак одобрения и понимания его болтовни, исправно кивал головой и смотрел ему в глаза умным взором, почти как собака.

Вскоре он понял, что у меня с английским туговато и перешёл на немецкий. Тут более мене стало всё ясно. Мы, может быть, не совсем и не во всём понимали друг друга, во всяком случае, догадывались о том, что хотим сказать друг другу.

Работа наша делалась хорошо и вовремя, и это Командиру нравилось во мне больше всего. Он понял, что я люблю работу и готов работать в любое время с удовольствием.

Как-то мы заехали на склад получить продукты питания для своей части.

На складе был беспорядок, везде валялись разбитые ящики из-под

консервов, разбросаны какие-то доски под ногами... При погрузке в фургон я, по неосторожности, наступил на одну из них, в которой торчал гвоздь, и проколол ногу.

Сначала как будто было не больно, а потом стало становиться всё хуже и хуже.

Командир уговорил меня по пути в часть заехать в медсанбат, там был знакомый ему русский военврач, он посмотрит и окажет необходимую помощь.

***

Глава тридцать седьмая. Русский врач.

В медсанбате Командир доложил, что привёз русского раненого «Алешку», как он называл меня после первого дня нашего знакомства и попросил русского врача посмотреть, что у меня с ногой.

Русский военврач, скорее всего сын белоэмигрантов, осмотрел мою рану, промыл, чем-то смазал и забинтовал. Потом уже по-русски, с большим акцентом, сказал, улыбаясь:

- Ну всё, Алёшка! Можешь идти. До свадьбы заживёт.

И так мне понравились эти простые русские слова, сказанные русским человеком, пусть и не бывавшем никогда в России, что я едва не прослезился.

Врач тоже был рад нашему знакомству.

После перевязки он засуетился, сказал, что по русскому обычаю, да ещё в такое военное лихолетье, встречу нужно срочно обмыть. И если уж здесь нет русской водки, то нужно выпить американское виски.

Виски закусывали аргентинской колбасой.

Мой Командир тоже был рад этому знакомству, особенно когда появились первые бутылки и закуска.

Так мы просидели втроём часа два или три.

Военврач радостно рассказывал, как сложилась его судьба в Америке. Но рассказывал больше не о себе, а о своём отце.

Отец его родился на Кубани, в районе города Армавир, в старинной казачьей семье. Учился в Москве, служил, как я и предположил с самого начала, в Добровольческой Армии, под командой генерала Деникина. До 1918 года командовал казачьим кавалерийским полком. Его дивизия была разбита в Крыму, под Перекопом. Очень много казаков его полка погибло, но добрая половина сумела погрузиться на пароход и по Чёрному морю добраться до берегов Турции...

Я слушал его с большим вниманием и интересом. Для меня это была совершенно неизвестная история русской Добровольческой Армии, ушедшей за границу России после своего разгрома в Крыму. И я не хотел перебивать его, думаю, пусть выскажет всё, что наболело у мужика на душе, больше ведь некому рассказать бедняге о себе и о мытарствах его отца. Даже если бы и нашёл кого среди англичан и американцев русский военврач для разговора по душам, то вряд ли кто из его соотечественников мог понять его так, как я - бывший русский

гражданин, а теперь лицо неизвестного гражданства и подданства.

Я лишь однажды прервал рассказ врача, сообщив ему, что тоже родился в казачьей семье в Ставрополе, а город Армавир находится по соседству с нами. Значит, мы с ним самые настоящие земляки и к тому же - казаки, а значит, брат-казак, мы почти родственники.

Командир тихо радовался нашей встрече, но, не понимая ни слова по-русски, молчал все три часа, исправно подливая виски в наши стаканы.

К концу встречи мы так втроем набрались, что я и не помню, как я попал в часть.

Видно я сильно отощал в последние месяцы у немцев на их эрзац-харчах, да я и никогда не пил так много раньше, тем более американского виски, крепкого как наша водка.

Как бы то ни было, но утром я уже был на ногах, а мой транспорт, с запряжёнными лошадьми, был при полном параде.

Потом была ещё одна встреча с военврачом, так уж ему хотелось досказать историю своего героического батька, что он не утерпел и сам нашёл меня, под тем предлогом, что хотел лично убедиться, что моя нога пошла на поправку.

Я вновь с удовольствием слушал его красивую русскую речь с американским акцентом и узнавал историю Белой Армии через превратности судьбы его отца. И снова мы пили виски, но не так много, как в первый раз. И снова передо мной открывались страницы неизвестной истории русского народа, спрятанные от него большевиками за напыщенными и фальшивыми фразами страниц сталинской «Истории ВКП (б)».

Никто, конечно, на турецкой земле белоэмигрантов не ждал, и никому они там нужны не были. Но и плыть им дальше было некуда. Это был тупик. Конец военный и политический, созданный не только русскими, но и нашими западными союзниками. И изгнанники это сознавали.

Турецкое правительство, скорее всего, подчиняясь нажиму стран бывшей Антанты, отдало им в аренду какой-то остров для временного проживания всей Русской Армии и на этом прекратило до поры всякие контакты с эмигрантами.

Временное правительство, сформированное русскими в изгнании, ещё надеялось сохранить личный состав армии, но жизненные условия для них были настолько тяжёлыми, что они стали вымирать в массовом порядке.

На этот остров иногда заходили корабли по службе «Красного креста», с какой-то мизерной помощью, но её было явно недостаточно для целой армии. Войска и гражданские жители жили впроголодь. И дело было не только в плохом питании, бытовые условия были ужасающими. Каждый, как мог, приспособливался, чтобы выжить. Кто имел с собой драгоценности, тем было проще, у них было больше

возможностей покинуть и этот несчастный остров, и негостеприимную Турцию и вообще предавшую русских Европу. Кто не имел ни драгоценностей, ни денег, чтобы дать взятку чиновникам и уехать в другую страну, те пускались на всяческие хитрости и даже преступления, лишь бы выбраться с этого проклятого Богом и людьми острова. Они нелегально пробирались на пароходы, устраивались кочегарами на судна, грузчиками или просто прятались в трюмах, где хранился уголь. Беглецы уплывали со слезами на глазах всё дальше и дальше от последнего пристанища некогда лучшей армии мира и от своей родной земли. Через некоторое время они оседали кто где: кто в Болгарии, кто в Югославии, а кому-то удавалось уехать на самый край света - в Америку или в Австралию...

Казачи-белогвардейцы уже не надеялись на то, что кто-нибудь и когда-нибудь сможет вновь собрать в единый кулак все разрозненные силы, противоборствующие большевикам, и сможет вновь переправить их на родину, в Россию. Они поняли, что все их предали, и сейчас их жизнь и судьба зависит только от них самих. И они стали искать выход из положения каждый по-своему, сообразуясь со своими представлениями о совести, чести и о христианской морали.

Когда военврач, гражданин США, рассказывал о приключениях своего отца, бывшего русского полковника, его глаза становились влажными. И я понимал его. И мы пили с ним виски за это понимание.

Конечно, у господина казачьего полковника, командира полка, были кое-какие сбережения на чёрный день и он смог уехать не только с острова, но даже из опостылевшей лицемерной Европы за океан, дальше было просто ехать некуда. Земной шар для политических изгнанников всегда мал, если у них в груди всё ещё горит огонёк ненависти и любви к родине, отрёкшейся от них...

Я уже и не помню в подробностях всего, что ещё там говорил русский американец о своём отце, но было ясно одно, что прежде, чем устроить свою жизнь на чужбине, он хватил немало лиха. И всё же счастье улыбнулось ему. Как сказал Николай, так звали военврача, с Божьей помощью. (Отец и сын оба были верующими людьми и ходили в православную церковь.)

Итак, с небесной протекцией, бывший полковник нашёл работу по душе, стал ещё где-то подрабатывать, приделся, осмотрелся в новой стране и стал искать себе спутницу жизни. Удачно женился, обзавёлся влиятельными родственниками жены и нашёл много новых друзей, приобрёл усадьбу с домиком, а тут вскоре и Ник на свет появился, наполовину русский, наполовину американец. Отец выучил сына русскому языку, помог получить вначале среднее, а затем и высшее медицинское образование. В армию Николай отправился дипломированным врачом и, напутствуя его, отец говорил, чтобы он всегда помнил о Боге и о том, что он наполовину русский человек, казак.

Николай никогда не забывал слов отца и поэтому очень обрадовался встрече со мной, не только потому, что можно было поговорить, наконец, по-русски, но и потому, что хотелось увидеть настоящего русского, родившегося и выросшего в большевистской России, стране, из которой бежал его отец.

- Потом, - говорил Ник, - когда я буду рассказывать отцу о тебе и о том, что мы с тобой запросто пили виски, он мне не поверит. Он до сих пор считает, что большевики вас превратили в монстров, только и умеющих петь Интернационал и читать вслух газету «Правда» на митингах.

Николай очень гордился своей профессией врача и был благодарен отцу за помощь в её получении. Свою службу на войне считал огромной практикой и большой наукой, способной укрепить его положение в будущем.

- Работы здесь много. - говорил он. - И люди поступают к нам разные. Даже по цвету кожи. Почти как в Америке. И со всеми нужно быть одинаково ровным и терпеливым в обращении, несмотря на то, что среди европейцев слишком много людей разных политических взглядов.

Ник считал, что хотя его родитель лишился своей родины из-за большой политики, зато они, его совершенно аполитичные дети, приобрели новую родину в лице Америки и она ни чем не хуже России.

- Конечно, хотелось бы побывать на родине отца, на Кубани. Он много рассказывал разных историй о богатых кубанских просторах, о страшной гражданской войне между белыми и красными. Отец говорит, что побывать ему в родных краях вряд ли снова придётся. И я с ним согласен. Хотя мы в настоящее время союзники, но политический строй у нас разный. Это только война, горе наше общее, заставила нас сблизиться друг с другом, а так... Отец говорит, если бы я вдруг вернулся туда даже с паспортом американского гражданина, то меня взяли бы в НКВД сразу же, как только я переступил бы границу СССР. Офицер, казак, воевал против Советов в гражданскую... Дела таких людей по сто лет хранятся в архивах НКВД.

Что я мог ему на это сказать? Всё верно. У нас на родине не очень-то жалуют бывших белогвардейцев. Власти их не любят по политическим мотивам, а многие местные за то, что ушли белые казачки за кордон, бросив жён и детей на потеху красным, и живут за границей припеваючи. Ведь и его отец, командир полка и сам полковник, разве не имел жену в России? Наверняка имел. И дети, возможно, имелись. Вот тут и посуди, кто прав, а кто и виноват.

Но я ничего не стал говорить Нику, тем более, что он вдруг стал говорить уже обо мне.

- Вот и ты, Алеша, приедешь в Россию после войны, и тебя тоже будут судить, потому что сдался в плен, да ещё и сотрудничал с немцами. А тут ещё и мы... Наверняка получишь 58-ю статью. А она

гласит: от 10 до 25 лет лагерей, да ещё без права переписки с родными. Дай Бог, чтобы я был не прав, но, зная ваших правителей, не советовал бы я тебе возвращаться в Россию. Поедем со мной, в Америку, Алёшка. Я тебя познакомлю с отцом, мы найдём тебе работу на ферме, хорошую девушку сам отыщешь...

Вот такая у нас с ним была последняя наша встреча. С тех пор мы больше не встречались

Рана моя на ноге зажила и меня взяли на работу вместе с лошадьми в «Красный Крест».

***

Глава тридцать восьмая. Советская военная миссия.

На новом месте работы было очень много, и сопровождающие были у меня теперь разные: и англичане, и французы, и русские эмигранты, и мужчины, и женщины.

Разъезжать приходилось на довольно большие расстояния, получать со складов продукты питания, одежду, постельное бельё и медикаменты, потом развозить всё это по лагерям для военнопленных и гражданских лиц. Работа мне была по душе, а, главное, что я был сыт, одет, обут, у меня было где помыться и где спать лечь.

За это время я настолько привык и приспособился к своей новой жизни, что стал подумывать о том, как всё это узаконить, да, может, и, действительно, остаться навсегда здесь.

Вскоре в наших местах появились представители советской военной миссии. Позже я узнал, что эта миссия должна, по договору между союзными государствами, бывших советских военнослужащих собрать всех до единого и отправить на родину.

Кто сопротивлялся этому и старался каким-нибудь образом увильнуть от возвращения домой, то таких насильно отлавливали и отправляли к нашим под конвоем. Для «невозвращенцев» и места в оккупационной американской зоне для лагерей отводили особые и держали под усиленной охраной.

Работники миссии, наверняка штатные НКВДэшники, каждый день приходили в лагеря перемещённых лиц и уговаривали бывших солдат добровольно вернуться в строй советских граждан и в ряды советской армии.

Уговаривали по-хорошему, тихо-мирно, без ударов кулаков по столу и зуботычин. Говорили, что война ещё не окончена, что народу погибло много и страна готова простить всех пленных, если они вновь пойдут на фронт, добивать фашистских захватчиков на западе и японцев на востоке. Одним словом, для всех и каждого находились правильные и честные слова, хорошие перспективы. Гражданским и инвалидам сулили непочатый край работы в разрушенном хозяйстве, встречу с родными, восстановление всех прав и даже льготы... Многие верили, но это были обманные слова и обещания. Едва поверившие в обещания советского правительства пересекали границу СССР, как

мгновенно оказывались в лагерях ГУЛАГа.

Как не было мне грустно расставаться с людьми, с которыми я уже подружился и сблизился за это время, но и мне нужно было уезжать. Меня многие жалели, особенно ухаживающие за ранеными в госпиталях пожилые француженки, с которыми я делал иногда многочасовые поездки по складам. И мне было жалко бросать благополучную Францию, и страшно было возвращаться домой, а ещё было жаль расставаться со своими лошадьми, с которыми я проехал через всю Европу, начиная от украинского города Барвенково.

Пришлось сдать всё своё хозяйство и присоединиться к большой группе репатриантов, так нас теперь стали называть. Наша группа состояла в основном из тех, кто хотел быстрее возвращения, чтобы - не дай Бог! - не попасть в ряды отказников. Все понимали, что всё равно всех переловят и отправят в Россию, но только отношение к «невозвращенцам» будет совсем иное. И все догадывались, какое.

***

Глава тридцать девятая. Италия и Египет.

Нас, репатриантов, собирали со всей Франции, грузили в автомашины, под контролем советской военной миссии составляли списки личного состава и отправляли в портовый город Марсель. Потом небольшими группами грузили на военные американские катера и, в сопровождении подводных лодок, по Средиземному морю доставляли в Италию, в город Неаполь.

В то время переправа «живого груза» была ещё очень опасна, война продолжалась и немецкие самолёты, а также и подводные лодки, частенько прорывались в этот район, и неожиданная встреча с ними грозила бы нам весьма большими неприятностями.

При прохождении между островами Корсика и Сардиния на нас обрушился сильный шторм. Началась морская болезнь. Слава Богу, я перенёс её гораздо легче, чем другие, наверное, сказалась привычка качаться сутками в седле.

Наконец прибыли в Неаполь. Пока до него добрались, некоторых так укачало, что пришлось выносить на носилках.

С пристани нас автомашинами доставили в палаточный город, где было таких как мы уже несколько тысяч. Все были в томительном ожидании предстоящей поездки к конечному пункту неизвестного всем маршрута и жили, несмотря на прекрасную погоду, в каком-то неподдающемся описанию волнении.

После кратковременного карантина нас погрузили в вагоны и эшелонами по железной дороге отправили на юг Италии в город Таранта. В Италии оказалось ещё больше русских и военнопленных других национальностей, чем во Франции. И всех нужно было одеть, обуть, накормить. Всем этим занимались наши союзники, совместно советской военной миссией.

Когда, наконец, все формальности были выполнены, началась погрузка на пароходы.

На этот раз плавание прошло без штормов и непогоды, и мы благополучно достигли берега.

К нашему удивлению, нас привезли не в Россию, а в Египет, в порт Саид. Потом, по железной дороге, на окраину Каира, где нас уже ждал такой же палаточный городок, как и в Италии.

Это было последнее пристанище на чужбине для всех репатриантов, собранных со всей Европы и выезжающих в СССР. Трудно поверить, но наши люди оказались даже в Северной Африке. Среди них были не только советские военнопленные и советские гражданские лица, но очень много было эмигрантов так называемой первой волны, как их сейчас именуют. Они покинули Россию ещё в 1918-20 годах, но так, оказывается, и не смогли приспособиться к заграничной жизни и теперь пожелали снова вернуться на родину, через столько лет разлуки и унижений на чужбине. Тоже думали и надеялись, бедняги, как и мы, что, после окончания такой кровопролитной и губительной войны, их простят за их, возможно, не такие уж и большие вины перед страной и народом, и возвратят хотя бы часть того, что отняли в начале советской власти.

Все эти бедолаги, по приезде сразу попали за решётку, а потом, осуждённые как шпионы и диверсанты, отправлены в самые отдалённые лагеря ГУЛАГа, чтобы никто и никогда не смог услышать и узнать от них, как же они жили в изгнании все эти годы.

Среди репатриантов оказалось много командного состава всех рангов, поэтому из бывших военнопленных, годных к строевой, сразу приступили к формированию боевых частей. Начали проводить занятия по несколько часов в день, вновь стали мучить строевой и тактикой. Почти каждый день привозили свежие газеты, проводили политзанятия, знакомили с положением на фронтах. Настроение у людей приподнялось, все поверили, что действительно, нас простили и мы снова будем воевать, кровью смывая своё позорное пленение. Нам даже выдали трехмесячное солдатское жалование в египетских пиастрах.

Жизнь в лагере была мало похожей на службу в наших воинских частях.

В свободное время, кто хотел, тот уезжал на экскурсию по Каиру, смотреть всякие восточные достопримечательности египетской культуры. Бывали у пирамид разных фараонов, смотрели их гробницы и нам даже разрешали залезать на двадцатиметрового сфинкса, у которого на человеческом лице был отбит нос.

Экскурсовод нам объяснил, что это во время войны с Наполеоном выстрелом из пушки статуе повредили лицо, отбив нос.

Экскурсоводы были в основном армяне и азербайджанцы, они нам рассказывали все подробности о жизни местных арабов.

После экскурсии мы на автомашинах возвращались назад в палаточный городок.

В каждой палатке городка размещалось одно отделение - десять-пятнадцать человек.

На каждого была кровать, чистая постель, верблюжьи одеяла.

Между кроватями у каждого стояла тумбочка, посреди палатки стол, на столе свежие газеты, журналы на русском языке.

Палатки разбиты строго по линейке. Между палатками асфальтированные дорожки. Рядом размещалась столовая с кухней. Питание было отличное. Везде стояли душевые, в которых можно было мыться хоть каждый день по два раза. Бытовые условия были такие, что нам и во сне такое раньше не могло привидеться. В вечернее время можно было смотреть кино или спектакль, а можно было поиграть в бильярд. Кто чем хотел, то тем и занимался.

Несмотря на то, что по местным понятиям было зимнее время, нами это никак не ощущалось. В тумбочке у каждого хранились купленные свежие фрукты: апельсины, мандарины, бананы...

У нашего крыла палаточного городка арабы организовали свой базар, Здесь можно было купить всё: пиво, фруктовую воду, даже вино и водку, хотя продажа крепких вин и пьянство наказывалось очень строго и местными властями и нашим палаточным начальством.

Были здесь и иные развлечения, о которых даже стыдно вспоминать, но, если уж вспоминать, то всё и хотя бы одним небольшим штришком, чтобы было понят-но, что же мы, в основном бывшие военнопленные, чудом избежавшие смерти на фронте и в лагерях смерти, увидели там и прочувствовали.

А были там публичные дома. Естественно, что наши ходили туда.

Однажды ребята захватили и меня с собой.

Не буду хвастаться, но первое знакомство с женщиной для меня не было ни радостным, ни приятным.

Как-то всё тогда получилось не так, как нужно...

После этого единственного случая, я встретился с женщиной в постели только через много-много лет...

***

Глава сороковая. Возвращение.

В феврале 1945 года большой транспортный корабль, под флагом английской империи, отшвартовался, загруженный «живым грузом», от причала порта Суэц и взял курс на восток, через Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море и дальше на нашу Родину, СССР.

По договорённостям советского правительства с правительствами союзных нам государств Англии и США, всех бывших советских военнопленных всех национальностей собрали со всей Европы и Африки и отправили в СССР.

Путь наш в Россию был трудным и опасным, потому что война ещё продолжалась, и немецкие подводки плавали по всем морям и океанам,

выискивая лёгкую добычу. Поэтому наш корабль сопровождали две подводные лодки и самолёты, готовые вступить в бой с немецкими воздушными пиратами в любую минуту, если те окажутся в нашем районе.

Проходя мимо греческих островов, всё же сыграли тревогу, как оказалось, на всякий случай, все надели спасательные пояса и пробковые поплавки. Но ничего не произошло, тревога была тренировочной.

За всё время пути, а мы шли сутки или даже двое, мы почти не слезали с палубы в свои каюты.

Мы же все сухопутные крысы. Речку в пять метров шириной некоторые до этого видели только в кино, а тут столько воды и столько простора!

Такой красоты я никогда раньше, да и потом тоже, не видел!

Какой поразительный восход и заход солнца! Такой на суше не увидишь.

Особенно поразило всех Мраморное море, когда на восходе солнца за кораблём появились играющие дельфины...

Они так близко подходили к кораблю, словно выпрашивали что-нибудь для себя вкусенького и сладенького. Они выпрыгивали из воды и выделяли такие акробатические выкрутасы, что дух захватывало от этого удивительного зрелища!

Когда подошли к Босфору, корабль дал приветственный гудок и остановился. Нужно было улаживать какие-то международные морские формальности. Это была наша предпоследняя стоянка. Мы с любопытством рассматривали турецкие берега по обеим сторонам пролива. Хорошо были видны минареты и мечети и другие крупные здания, выложенные белым камнем.

Прощай, Ближний Восток! Прощай, Турция! Больше я вас уже никогда не увижу.

Что ждёт нас в Одессе?

Перед выгрузкой в Одесском порту нас почти сутки выдерживали на рейде. Решали, что с нами делать. Ведь такую массу людей нужно было где-то и разместить, и накормить и всё прочее.

После разгрузки нас построили поротно, побатальонно и в сопровождении конвоя, мы двинулись по улицам до места назначения пешком.

Одесситы нас встретили не особенно приветливо. Некоторые женщины со слезами на глазах старались пробиться в наш строй, чтобы хоть что-то узнать о своём пропавшем муже, сыне или же брате, но конвой быстро и жёстко наводил порядок, действуя строго по уставу внутренних войск.

Пока проходили по улицам Одессы были и неприятные случаи.

Вслед нам выкрикивали:

- Ведут предателей, изменников. Отсиделись в плену, не хотели воевать, вот и сдались.

Некоторые, «особо патриотично настроенные граждане», даже пускали в ход обломки кирпичей. Вряд ли это было истинное проявление чувств простых граждан. Скорее всего, это была «домашняя заготовка» местного отделения НКВД.

Всё же, с горем пополам, но мы добрались до предназначенного нам места и разместились в помещении бывшего заводского цеха, чудом уцелевшего от бомбёжек и артобстрелов.

В этом новом нашем жилище нас поражало всё: и высокие окна, с железными решётками, и бетонные полы, ровными рядами устланные соломой, и высоченные потолки...

Мы стояли в проходах и не решались некоторое время заходить на солому, она нам напоминала пшеничное поле во время жатвы. Будто прошла лобогрейка или косилка и ровненько уложила снопы соломы, а тут и мы подошли...

Пшеничная солома и была нашей постелью в эту и последующие ночи, проведённые в Одессе.

У некоторых репатриантов, правда, была своя постель и хорошая одежда, запас продуктов, но большинство, кроме того, что было на них надето, ничего не имело.

С нами прибыло много семейных. Они все побросали где-то в Европе или в Африке свои хозяйства, дома, всё нажитое за эти трудные и непростые для них годы, в надежде начать новую жизнь на родине.

Большинство людей рассуждало так: раз война идёт к концу и Советский Союз победил, значит, дадут теперь жить всем. Хотя у каждого была своя небольшая вина перед советской властью, но верили люди, что всё будет хорошо в России. Всё будет нормально дома. Здесь же свои, нашенские... Все рвались на Родину.

Несмотря на то, что я мало верил в безнаказанность моего пребывания в плену и службу у немцев, я тоже хотел вернуться домой. Мне хотелось увидеть отца, мать, брата... А ведь я мог запросто остаться, если бы только захотел. Мне и французы предлагали оказать помощь в этом. Нет, упрямылся я, только вперёд, только на Родину, в Россию.

Перво-наперво, нас начали водить небольшими группами под обязательным конвоем в баню, с последующей прожаркой наших вещей.

Бани были походные, в железнодорожных вагонах, которые стояли в тупиках. Воды и мыла - жидкого, чёрного, вонючего - давали строго по норме. С мытьём долго не задерживались, зато мы долго потом ожидали свою одежду после прожарки. И кое-кто при этом недополучал своей одежды, особенно хорошей.

Поднимался шум, скандал... Конвой быстро всех успокаивал, строил в колонну и торопился отправить нас к месту ночлежки. Мол, там

разберёмся во всём.

Это было первое массовое ограбление на родине.

Второе ограбление происходило более культурнее и скорее походило на добровольное раздевание перед сильным противником.

Вторично нас грабили уже офицеры НКВД. Вызывая нас на допрос, они доверительно внушали нам, что нас вот-вот отправят на фронт и потому лучше наиболее хорошие вещи отправить родным, а если таковых нет или адрес их неизвестен, то лучше вещи оставить здесь, на складах.

Никто долго таким уговорам не сопротивлялся. Понимали, себе дороже!

И вот наша дивизия наконец-то была окончательно сформирована. Только нас отправили не на западный фронт, а на восток, добивать «японскую гадину».

Но на Урале нашу 30-ю стрелковую дивизию «почему-то» задержали на некоторое время. Неувязка какая-то получилась. Задержали нас в Башкирии и разгрузили на станции Алкино.

Дивизию тут же ликвидировали и расформировали.

***

Глава сорок первая. Трудармия.

Село или станция Алкино в Башкирии небольшое. Наш приезд увеличил население тысяч на десять. Разместили такую огромную массу в бараках, построенных ещё в тридцатых годах при коллективизации, для поселения в них кулаков и прочих контрреволюционных элементов и врагов народа. Бараки длинные, просторные, вместительные, только построены на скорую руку. Одна половина их уходила в землю, вторая возвышалась над поверхностью земли. Скорее их можно было бы назвать землянками или полуземлянками, но никак не бараками.

И всё же они назывались бараками. И каждый такой барак был длиной в 50 метров. С торцевой стороны была одна дверь и два окна. Снаружи окна упирались прямо в землю, зато внутри они были подняты над полом почти на два метра.

Пол земляной, утопанный не одной тысячей человеческих ног. По всей длине барака сплошные двухъярусные нары, посередке две печки, сделанные из железных бочек с таким расчётом, чтобы в зимнее время при их помощи можно было отапливать помещение дровами, а в летнее, за ненадобностью, печки просто выбрасывались.

Эти допотопные бараки были самым настоящим рассадником клопов и тараканов. Заходишь с улицы в барак, сразу ощущаешь неприятный запах, напоминающий запах прелого дерева, соединённый с запахом протухшей человеческой крови. Или мне, нанюхавшемуся человеческой кровушки поверх головы, всё это уже чудилось?

Небольшой участок земли, на котором располагались бараки, вмещал в себя раз в десять больше населения, чем в Алкино.

Столпотворение было огромное. Мне эти бараки напоминали немецкие концлагеря, в которых я бывал, уже находясь в составе американской армии. Разница была только в том, что наши бараки, из-за наших морозов, оказались глубже врытыми в землю, а что касается охранных вышек по углам и обнесённой по периметру колючей проволокой территории, то разницы здесь не было ни какой.

Наш распорядок дня тоже был похож на немецкий: подъём в пять тридцать, заправка нар (матрасы и подушки набиты или соломой или стружками), дальше оправка и туалет.

Завтрак - самое ответственное и важное дело утром.

Дежурный по взводу приносит в барак на весь взвод ведро баланды, неизвестно из чего сваренной, кипятков, по десять граммов сахарного песка на человека и пайку хлеба в 400 граммов весом.

После завтрака обязательно начинаются политзанятия. Их проводит политрук в чине не ниже капитана и сразу видно, что это энкавэдешник. Очень важный, выхолненный офицер, чисто выбритый, в очках пенсне, чем-то напоминающий своего шефа - Лаврентия Павловича, которого мы могли довольно часто видеть на фотографиях в каждой газете.

На нас он смотрел поверх своих очков с такой презрительностью, что становилось противно и на него самого смотреть, и мы старались слушать его лекции, не поднимая голов. И, мне кажется, его это устраивало. Мы были для него людьми второго сорта, до которых его чекистское «высокоблагородие» опускалось только потому, что так было приказано делать свыше.

На политзанятиях тема обучения была всегда одна и та же: десять мощных ударов, нанесённых немецко-фашистской армии доблестной Красной Армией, ныне Советской, под руководством отца народов Иосифа Виссарионовича Сталина.

Чекист так зазубрил свою лекцию, что тарабанил наизусть и даты, и названия частей, и количество убитых, раненных и пленённых фашистов. Того же требовал и от нас.

На таких политзанятиях обычно нормального человека всегда одолевает сон, да ещё с храпом, а руководителя, обычно, от этого храпа кидает в дикую ярость и он начинает командовать всей роте: «Встать! Сесть! Встать! Сесть!». И так раз десять к ряду, пока не разгонит сон.

После политзанятий всей ротой идём с песнями делать до самого обеда саманные кирпичи. Идти далеко, километра два-три. Но налегке это расстояние преодолевается на едином вздохе. Гораздо хуже идти по этой дороге с грузом просохших саманных кирпичей, которые мы носим на себе по два кирпича сразу: привязываем кирпичи верёвками или ремешками и перекидываем их через плечо, один спереди, другой - сзади. Каждый такой кирпич весит килограммов 7-8. Носим кирпичи для строительства жилья офицерам. Всю работу выполняем по команде и под строгим контролем офицера-энкэкэдэшника, который не просто

за нами наблюдает издали, а даже прислушивается, кто, с кем и о чём разговаривает.

На отдых у нас час. Потом обед.

Дежурные приносят в ведрах суп-баланду, кашу-размазню или картошку-пюре, 200 граммов хлеба, похожего на кору от старого дерева, даже хлебом не пахнет, ну и кипятку, которого пей, сколько влезет.

Некоторые умудряются пить на ночь кипятков с солью, а утром встают все опухшие, на них даже страшно смотреть. Таких называют симулянтами, их быстро куда-то увозят, чтобы не портили остальных своим видом и поведением.

После обеда строем и с песнями под конвоем снова идём на работу, сушить и носить саманы в военный городок.

Мы обязаны сделать свою норму с обязательным перевыполнением, потому что вся страна так делает.

Наша работа продолжается до самого ужина.

Перед ужином ещё один час отдыха.

На ужин дежурные приносят кашу-размазню или картошку-пюре, ржавую селёдку или десяток солёных килек, ну и, конечно, опостылевший всем кипятков.

Затем, после такого «питательного ужина», начинается личное время для бойца, в которое мы можем привести себя и свою одежду в порядок.

После всех удовольствий рабочих будней, приходит самое главное мероприятие дня для командиров и самое нудное для солдат: мы учимся петь наизусть гимн Советского Союза.

Оказывается, находясь в плену, мы даже и не представляли что это такое - государственный гимн. И вот, чтобы мы не отставали от жизни всего советского народа, нас заставляли разучивать новую музыкальную агитку.

Порядок был такой: перед отбоем мы выстраиваемся всей дивизией на плацу и начинаем петь гимн Союза Советских Социалистических республик. Это напоминало старорежимное время, когда вот так же наши отцы и деды пели перед отбоем «Боже царя храни!».

В каждой роте был свой запевала, он и запевал, а все подхватывали. Но простому солдату были до фени лавочки все политруковские заморочки с гимном и воспитательной работой, поэтому пели они кое-как и ничего путного из этой затеи не получалось. Вместо пения по плацу разносился какой-то звериный рык.

Вот было в это время работы для политруков! Они рыскали между взводами, ротами, батальонами и полками и вслушивались, кто и как поёт, кто и как рот разевает. И если кто-то им не нравился, то ночью его тащили на допрос.

За всё время нашего пребывания в Алкино ни разу нам не показали ни одного кинофильма или концерта армейских артистов. Только один

раз, 9 мая, в День Победы, на плацу провели торжественный митинг в честь окончания Великой Отечественной войны и мы получили выходной день.

Слава Богу, что хоть остались живы в этой войне!

***

Глава сорок вторая. Ишимбай.

Наша дивизия, раз уж оказалась невостребованной ни на войне с фашистами, ни на войне с японцами, пригодилась на фронте трудовом. Понемногу нас начали расформировывать побатальонно, поротно и повзводно в разные концы нашей необъятной родины. Кого на рудники, кого в шахты, кого на лесоповал. Рабочие руки после войны везде требовались.

Наш взвод получил разнарядку в город Ишимбай, на нефтяные промыслы. Это тоже была Башкирия, так что далеко ехать не пришлось.

Работа была в основном земляная. Нужно было рыть траншеи для укладки нефтяных трубопроводов, от скважин, которые давали нефть и далее, вглубь страны. Некоторые скважины давали нефть самотёком, а некоторые при помощи качалки-насоса. Условия работы были невыносимо тяжёлые, можно сказать каторжные. Вольных людей (рабочих) сюда не допускали. Работали только мы - «бывшие», как нас называла охрана.

На промыслах была большая загазованность из-за большой утечки нефти и газа. Кругом на несколько километров стоял невыносимый смрад. Всё живое, что когда-то находилось в этих районах, ушло или погибло. Земля, настоящий чернозём, также была загажена и загублена. Никакая экология не соблюдалась. И только мы, «бывшие», как каторжники жили и работали на этой гиблой земле.

Нам запрещалось свободное хождение в окрестностях месторасположения, а если такое с кем-то и случалось, то это приравнивалось к дезертирству.

Продукты питания привозили из Ишимбая сразу на целый месяц и получали мы их по карточкам, кому сколько полагалось.

Как бы мы не экономили продукты, всё равно до конца месяца их не хватало.

Жили мы в лёгких передвижных вагончиках на деревянных полозьях. Условия были тяжелейшие, удобств для жилья никаких. Начинались морозы, одежда наша не соответствовала зимним условиям. Мы мёрзли и простывали.

Для отопления соорудили печку из железной бочки, она была наша спасительница от мороза. Вместо дров или угля топили мазутом, а мазута, слава Богу, здесь хватало, но и копоти после него тоже было достаточно. Утром вставали как шахтёры, вышедшие из забоя - грязные и чёрные.

На печке-бочке стояла ещё одна бочка, в ней мы растапливали снег

для чая, варева, стирки и мытья.

Один раз в месяц нам разрешалось устраивать банный день. И это был большой праздник тела и души.

За эту нелёгкую зиму я так отошал, что на мне осталась одна шкура да кости. Думал, ещё немного и ноги протяну. Но тут, на моё счастье, под самый конец зимы, приехало к нам какое-то высокое начальство из города и медицинская комиссия. Проверили они наши условия и отправили почти всех на головной участок, который находился в самом городе Ишамбае. Многие, как и я, отощавшие и простуженные, сразу же попали в больницу.

Меня определили в ремонтно-механический цех тракторов-подъёмников, которые тогда использовались на промыслах.

И вновь мне повезло, что я попал в бригаду дяди Стёпы, он был сам из бывших ссыльных и многие наши горести испытал на себе.

С первых дней он стал внимательно присматриваться ко мне.

Работа была очень грязная, трактора с участков приходили поломанные и всё, и везде у них было залито загустевшей нефтью, а перед ремонтом необходимо было всё очистить от грязи и промыть соляжкой, только после этого начинали ремонтировать.

Хотя я был сильно истощён, но я всё же старался. Боялся, что если буду плохо работать, могут снова отправить на промыслы, а в мастерской всё же хорошо: крыша над головой и тепло.

Бригадирю дяде Стёпе я понравился, потому что свою работу выполнял добросовестно, за это он меня всячески поддерживал и даже приносил из дома варёной картошки, подкармливал.

Я был рад его участию в моей судьбе и его дружеской помощи. Давно не встречались мне люди с такой доброй душой.

Спустя некоторое время я даже немного прибавил в весе. И вот однажды, бригадир говорит:

- Хочешь, Алёша, я сделаю из тебя классного специалиста? Ты парень стоящий. Во-первых, образованный, во-вторых, старательный и кое-что понимающий в технике. Нам такие люди нужны. А там, глядишь, и в институт направим учиться.

Конечно же, я хотел стать классным специалистом! Правда, мыслей о высшем образовании даже не допускал, прекрасно понимая, что с моей военной биографией института мне не видать, как своих ушей, но всё равно было приятно хотя бы в мечтах иметь такое намерение.

Дядя Стёпа пристроил меня в токарный цех, к пожилому токарю, тоже из ссыльных, учеником токаря. После основной моей слесарной работы в бригаде дяди Стёпы, я оставался в токарном цехе для учёбы ровно на два часа, чтобы учиться вытачивать болты, гайки, разные шпильки для ремонта тракторов. Я старался, и это заметили. Даже станок токарный марки «ДИП-200» закрепили за мной.

Я очень обрадовался такому щедрому подарку и с первого дня станок почистил, помыл и всё время содержал его в идеальном порядке

и чистоте. За это меня ставили в пример другим, менее радивым рабочим.

В цехе ко мне стали относиться с уважением, появились новые друзья и товарищи. Я стал входить в нормальную рабочую колею, потихоньку забывая и нефтепромыслы, и войну, и плен... Я чувствовал себя таким же человеком, как и мои новые знакомые. Единственное, что меня отличало от них, так это моё неопределённое положение в обществе и проживание в вагончиках, куда я каждый вечер после работы приходил ночевать.

Наверняка не без помощи дяди Стёпы, меня перевели в рабочий барак, где наших, из дивизии «бывших», тоже находилось достаточно много.

Здесь было теплее, больше походило на человеческое жильё, но условия жизни были почти такими же кошмарными, как и в вагончиках.

Приходя в барак, рабочие зло ругались, называя наши бараки, наполовину врытые в землю и потому совершенно не дающие солнечного света, дореволюционными клоповниками, а самих себя добровольными рабами. И в этом они были абсолютно правы. Некоторые наши жилища действительно были построены ещё до революции 1917 года, а уж клопов и тараканов в них водилось видимо-невидимо! Да и с питанием у нас дело обстояло не лучшим образом.

Продукты мы получали по карточкам, часть отоваривали сухим пайком, а часть получали в столовой. Полученные продукты хранили при себе: кто в тумбочках, кто на постели, на нарах под подушкой. Случались и случаи воровства друг у друга. Но хуже всех своих воров были ночные воры - тараканы. Их были полчища. Они нападали в огромном количестве и моментально съедали всё, что могли съесть. А ещё нам не давали покоя клопы. Эти твари лезли на нас, спящих, изо всех щелей. И вместо полноценного, восстанавливающего силы сна, начинался ночной кошмар. Каждый по несколько раз за ночь вставал и начинал давить клопов в постели, на себе, на стенках барака... За ночь эти стены так разрисуют кровяными следами от клопов, что и художник-абстракционист не нарисует таких ужасов.

После ночного «покоя» на утро в бараке стоял страшный смрад, смешанный с запахом раздавленных клопов, человеческого пота и газов, запахом гниющих портянок и давно не мытых ног.

Если с улицы человек попадал к нам в барак, то ему в первые секунды казалось, что его втолкнули в какую-то газовую камеру, не иначе.

От таких жизненных условий люди озлобляются, возникают непонятные и необъяснимые при нормальной жизни поступки: люди могут ни с того и ни с сего вдруг наброситься друг на друга с кулаками, могут воровать друг у друга вещи и продукты, а ещё хуже того - «стучать» друг на друга. Причём всегда это неправда, всегда это

ложь, но ложь сделанная под напором жизненных условий и прямых понуждений со стороны начальства.

Вот тут-то и зачастили к нам в бараки никому неизвестные аккуратно одетые гражданские лица на крытых машинах, будто привозящие нам продукты питания. На самом деле эти молодчики выдёргивали из барачных бывших солдат расформированной дивизии, бросали их в свои машины и увозили в неизвестном направлении. Мы никогда их больше не видели у нас вновь. И мы понимали, что пошли повальные аресты рабочих-солдат.

Дошла очередь и до меня.

Теперь я уже точно знал, что эти машины и были те самые знаменитые «чёрные вороны», о которых столько вполголоса говорилось до войны, а гражданские люди - работники НКВД или МГБ, не помню, как они уже тогда назывались точно.

***

Глава сорок третья. Арест.

Помню, что из машины вышли два гражданских лба, спросили мою фамилию, взяли меня под руки, затолкали в свой «ворон» и увезли в районный отдел. Сутки продержали в изоляторе, покормили один раз вонючей баландой, но не трогали. На допрос не вызывали. Зато меня ночью мучили здоровенные откормленные крысы и я до утра давил по стенкам голодных клопов.

На следующий день меня, под конвоем двух здоровенных офицеров, отправили в Уфу.

На реке Белой только что прошёл ледоход. Деревянный мост через неё сорвало, а переправляться через неё всё равно нужно. Паром ещё не работал и мы стали искать лодку. Один офицер вскоре где-то нашёл лодчонку с двумя вёслами, но потому, как они спускали лодку на воду и как стали грести, видно было, что они с этим делом совершенно не знакомы. А переправа не шуточная.

Вот меня мои конвоиры и спрашивают:

- Вёслами умеешь грести?

- Садитесь. - говорю. - Я и себя и вас доставлю на другой берег.

Им деваться некуда, у них срочное задание: доставить опасного преступника в Уфу, к следователю по особо важным делам.

Уселись в лодку втроём.

Я потихоньку гребу, лодка потихоньку плывёт.

Посредине реки Белой течение очень сильное, я выбиваюсь из сил и нас начинает сносить.

Впереди сидящий конвоир достаёт свой пистолет ТТ из кобуры и говорит мне:

- Смотри, штуку какую не сотвори с лодкой, а то враз кончу.

Это он за себя испугался, видя, что я выдыхаюсь и не справляюсь с течением. А плыть нам оставалось ещё метров пятьдесят, не меньше.

Вот тут-то я окончательно и начал сознавать своё положение на

сегодняшний день, понял, что они имели ввиду.

Эх, если бы я знал тогда в лодке точно, что в Уфе мне дадут десять лет и что отбывать их мне придётся где-то у чёрта на куличках, на Печёре, за Полярным кругом, где один зэк смеётся, а десять плачут, я бы этих чекистов точно похоронил в реке Белой, пусть бы даже и сам потонул вместе с ними.

Но я этого не знал и благополучно довёл нашу лодку до противоположного берега.

Конвоиры доставили меня на какую-то железнодорожную станцию и я опять провёл ночь в изоляторе, отданный на съедение клопам. Меня вновь покормили только один раз тюремной баландой, но снова никто меня не допрашивал и даже не спрашивал ни о чём.

На следующий день меня погрузили в «чёрный ворон» вместе с другими арестованными и после долгой тряски по разбитым дорогам всё же доставили в Уфу, в назначенное для нас учреждение.

Выйдя из машины вслед за остальными арестованными, я увидел закрывающиеся за нами железные ворота, выкрашенные в коричнево-желто-зеленую краску, с большими ярко-красными звёздами в металлических кольцах. Слева и справа многоэтажные серые здания, с небольшими окнами, заставленные железными козырьками. Это была внутренняя тюрьма НКВД, куда привозили арестантов со всей Башкирии, а выхода назад из неё уже не было никому.

Я почувствовал на себе сильное давление неведомых мне сил, даже воздух, которым я дышал, стал вдруг для меня противным, напоминающим запах человеческой крови.

Конвой «чёрного ворона» каждого из нас в отдельности, под роспись в документе, сдал надзирателям тюрьмы и нас стали разводить по камерам.

Мой надзиратель повёл меня по затемнённым коридорам куда-то в подземелье, по обеим сторонам которого находились тюремные камеры, с железными дверями, «украшенными» разными защёлками, откидными окнами, смотровым глазком и, самое главное, с пудовыми висячими замками.

При открывании и закрывании камерных дверей создавался особый шум, наводящий страх на вновь прибывающих, особенно на тех, кто впервые переступал порог камеры.

Тюремный надзиратель завёл меня в светлую небольшую камеру, заставил раздеться до гола и приступил к обыску.

Перед этим меня ещё и остригли «под ноль».

Обыск был тщательный, начиная с совершенно лысой головы. Затем осмотрели подмышками, заглянули между ног, заставили нагнуться и раздвинуть ягодицы и так далее... Из ботинок вытащили шнурки, обрезали все металлические пуговицы на верхней одежде и забрали брючной ремень. Вот и всё моё хозяйство, которое было конфисковано

при обыске в бараке.

Потом меня завели в одиночную камеру, она напоминала совершенно пустое складское помещение для хранения каких-нибудь особо ценных продуктов.

С одной стороны стены, на высоте двух метров, находилось маленькое окно, огороженное изнутри мощной железной решёткой, а снаружи мелкой металлической сеткой, с металлическим козырьком. Посредине камеры, вверху, тускло светила маломощная электрическая лампочка, огороженная металлической сеткой. Напротив двери, прямо в бетонной стене вмонтирована железная койка с матрасом и подушкой, набитых деревянной стружкой. Кровать открывается и устанавливается только на ночь, после отбоя.

Вот, пожалуй, и всё моё новое тюремное хозяйство, которое будет сопровождать меня по жизни неизвестно сколько времени.

Я ещё раз огляделся.

Помещение камеры всё бетонное, надёжное, но стены влажные, сырые. Размер нового моего жилья примерно метра два на три и высотой три метра. В углу, над кроватью, проделано маленькое отверстие, как-то я сразу даже не обратил на него особого внимания, но зато потом, ночью, из него стали вылезать незваные гости - крысы и я стал с ними вести постоянную и беспощадную войну днём и ночью.

Скучать в этой одиночной камере мне не пришлось.

Запах в камере был мало что сырой, так ещё какой-то удушающий.

И я часто молил Господа Бога, чтобы меня хотя бы скорее на допрос вызвали.

За десять дней, проведённых в этой душегубке, я потерял ориентир во времени. Для меня исчезло понятие дня и ночи, всё смешалось в одну временную ленту одинаковых событий, происходящих в однообразной полутьме. Солнечный свет сюда не проникал вовсе, как, впрочем, и свежий воздух. На прогулку меня не выводили, не положено. Одним словом, морально обрабатывали так, чтобы зэк с первых шагов в этой тюрьме и с первых дней, проведённых в заточении был покладистее и покладистее.

Время дня и ночи я научился позднее угадывать по тюремным правилам. Если опускают и устанавливают кровать, значит, наступила ночь, если кровать убирают - день. Выводка на оправку - утро, кружка воды и 150 граммов хлеба, неизвестно из какой муки испечённого - завтрак, Миска вонючей баланды, ложка каши-размазухи или картофельное пюре со 100 граммами хлеба - ужин. Кружка воды на ночь - вечер.

После прохождения этого своеобразного «курса молодого заключённого», меня, для дальнейшего подавления воли, переводят в другую камеру.

***

Глава сорок четвёртая. Тюремные университеты.

По сравнению с одиночкой эта камера просторней. По обеим сторонам стоят деревянные двухъярусные нары. Режим слабее, можно даже лежать в дневное время, если есть место. Камера заполнена до отказа. Зэки почти все уголовники. На верхних нарах режутся в карты, тут же стоит деревянная параша, но я даже и не ощущаю её вони. От усталости в одиночке я быстро заснул. Слышу во сне, возле меня кто-то копошится, я проснулся.

Уголовник подсел ко мне и что-то говорит на каком-то детском шепелявом языке.

- Сымай пиджак, я его проиграл.

Я, долго не размышляя, ткнул его в морду ногой, он и упал.

Другой уголовник со звериной быстротой набросился на меня и они уже вдвоём так обработали меня, что без труда после этого сняли с меня всю верхнюю одежду, а на сменку дали своё тряпьё и посадили на парашу, за моё неповиновение.

Позже я узнал, что тюремное начальство специально держит уголовников для обработки политзаключённых. Это их опора для наведения порядка среди строптивых и запугивания новичков в первые дни их пребывания во внутренней тюрьме.

И ещё я заметил, что во время драки никто даже не пытался открыть дверь камеры, чтобы узнать, что же тут происходит, что за шум и крики, а ведь в глазок дежурный наблюдал всё и видел, что идёт избиение и ограбление новичка.

Так я начал вживаться в новый быт и принимать все тюремные порядки, какие мне навязывали блатные.

За какой-то месяц в тюрьме я настолько отощал от плохого питания и морального опустошения, что не просто думал, но уже мечтал о том дне, когда меня вызовут на допрос, понимая, что иначе сдохну в камере от всего этого.

Я прекрасно знал, что если будет суд, то приговор будет только обвинительным. За нарушение воинской присяги и службу у врага ещё никому не давали благодарственные грамоты, так чего ждать в этой помойке? Лучше сразу и навсегда.

Через несколько дней впервые услышал, как ночью гремит замок на двери, щёлкают разные засовы, защёлки, открывается дверь и заходит вертухай, так в тюрьме называют дежурного надзирателя.

Вертухай называет мою фамилию и уводит меня на допрос. Перед этим в коридоре заставляет поднять руки вверх и обыскивает с головы и до ног.

Мы пришли в просторный, хорошо освещённый кабинет моего следователя. Возле огромного окна с открытой форточкой, заделанного красивой железной решёткой, стоял стол, накрытый красным сукном. За столом сидел следователь, мужчина средних лет, на груди, с левой стороны, в два или три ряда теснились наградные колодки. Был он в звании майора. Морда выхоленная, чисто выбрит, глаза маленькие,

свинячие, с противным взглядом и нехорошим прищуром.

С первого знакомства он дал мне понять, что я попал во внутреннюю тюрьму НКВД и назад без обвинительного заключения мне ходу не будет.

И ещё сказал:

- Нарушение воинской присяги, это уже само по себе для солдата является преступлением, а если ты ещё и сотрудничал с немцами, то это уже двойное преступление.

И тут же посочувствовал:

- Тебя по ошибке посадили в камеру с уголовниками. Больше ты туда не пойдёшь. Сейчас тебя отведут в другую камеру, и ты хорошенько обо всём подумай, перед тем, как тебя снова вызовут на допрос.

На этом первое свидание со следователем закончилось. Он нажал специальную кнопку где-то у себя на столе, вошёл вертухай и меня увели в другую камеру.

Во внутренней тюрьме все камеры стандартные, ничем друг от друга не отличаются, разве только размерами и количеством и качеством заключённых, содержащихся в них. Везде одинаковые железные двери, одни и те же огромные висячие замки, везде одинаковые задвижки, засовы, защёлки, одни и те же окна в дверях для кормёжки и тот же смотровой глазок. Под потолком висят две электролампочки, одна даёт днём слабый свет, другая, высокого накала, ночью даёт сильный и яркий свет. От такого света трудно укрыться, а ещё труднее с ним уснуть. В камерах по одному маленькому окну высоко под потолком. Окна везде зарешечены с двух сторон так, чтобы в них не проникал дневной свет и свежий воздух. Потолки, стены и пол - всё бетонное, серое и влажное. Вместо деревянных нар - железные кровати, вмонтированные в стены. Кровати каждый день убирают на день, чтобы на них не ложились и не садились. Так положено. Матрасы и подушки набиты деревянными стружками. На ночь каждому выдаются простыни.

Пока нас в камере три человека. Все бывшие военнослужащие, солдаты из бывших военнопленных. Мои новые соседи также побывали в камере с уголовниками, прошли «прописку» во внутреннюю тюрьму по полной программе, с таким же, как и у меня, печальным опытом, и оказались здесь для решения своей дальнейшей судьбы.

Условия содержания и вообще режим дня у нас гораздо строже, чем у уголовников. Это признают все.

Здесь мы целый день на ногах. Одна тумбочка и одна табуретка на всю камеру, но и они намертво вмонтированы в пол. Сидим на табуретке по очереди, потому что на холодном бетонном полу сидеть невозможно.

Полная оторванность от внешнего мира.

Пока находился под следствием никаких книг и газет не читал.

Естественно, что и переписки не было никакой. Целые дни проходили в камере с соседями, мерно расхаживающими перед глазами.

С нетерпением ждали наступления ночи, сигнала «отбой», чтобы скорее лечь на кровать и отдохнуть от многочасового стояния на ногах. Отдохнуть, забывшись сном, от всей этой убийственной безысходности нашего положения.

Однако, покой нам даже и не снился, потому что то одного, то другого из нас таскали на ночные допросы, мешая спать всем остальным.

Следователи уже годами отработали тактику ведения следствия и действовали так, чтобы психически и морально уничтожить подследственного.

Они действовали жёстко. Если видели хотя бы малейшее несогласие со следователем, хотя бы малейшее сопротивление, применяли свои методы: лишали прогулки, причём иногда не только конкретного заключённого, но и всю его камеру, сажали в изолятор, лишали пайки хлеба. А если будешь буянить, добиваться своей правды и требовать справедливости, то могли накинуть на тебя и смирительную рубашку.

Нам в камеру подкинули ещё двоих арестантов. Посреди камеры поставили для них две койки и, таким образом, нас уплотнили до нельзя. Теперь передвигаться по камере днём стало почти невозможно.

Эти койки днём стали для нас просто притягательным магнитом, нечто вроде приманки, на которую мы постоянно ловились. При непрерывной ходьбе, от усталости, мы просто иногда падали на них как подкошенные, а вертухай, как только заметит это в свой всевидящий глазок, так сразу начинает греметь замком, открывает дверцу кормушки и предупреждает, что если кому-то сделает подряд три замечания, то на четвёртый отправит его в изолятор или лишит прогулки на свежем воздухе всю камеру. Поневоле приходилось быть всё время настороже, понимая, что всё это делалось специально, чтобы окончательно измучить нас и довести до нервного срыва.

Случайно в камере я обнаружил для себя забавное отвлекающее развлечение. В нижнем углу камерного окошка, между решётками, поселился маленький паучок. Он сплёл паутинку и в неё попадали маленькие мошки. Он их опутывал своими нитями и этим кормился. Для меня было огромным удовольствием наблюдать за паучком. Я отвлекался от страшных мыслей, глядя на него, и постепенно успокаивался. Часами на него заглядывался, даже не чувствовал своей усталости, а иногда и сам ловил ему какую-нибудь живность и отдавал на съедение. Конечно, от этой подачи он не отказывался, но и спасибо не говорил.

Следственные допросы велись исключительно по ночам. За ночь на допросы выводили по несколько раз. Вертухай приведёт от следователя в камеру, не успеешь прилечь на свою холодную постель и немного согреться, как снова гремит замок и щёлкают запоры или у нас, или в

соседней камере. И если не тебя, так другого выдёргивают из постели и не дают спать до самого утра. И только когда вымотают до полусмерти, дают отдохнуть полчаса до подъёма.

Весь организм уже приспособливается к такому образу жизни. Зачастую приводят к следователю, сажают на табуретку против него, и ты сидишь, как очумелый. Пока он заказывает по телефону что-нибудь съестное для себя, ты в это время начинаешь сидя дремать. Следователю, конечно, не нравится твоё поведение, он начинает злиться, заставляет вертухая убрать табуретку. Пока следователь наслаждается едой, ты начинаешь дремать уже стоя. В это время следователь вызывает вертухаев и они уже знают что нужно делать.

Здоровенные мужики молча становятся рядом с тобой и начинают разгонять твой сон кулаками с обеих сторон. Буквально в считанные секунды процедура за-канчивается и тогда следователь, уверенный в том, что теперь ты его слушаешь с большим почтением и должным вниманием, начинает тебя ехидно расспрашивать, задавать разные дебильные вопросы, например, как кормят нас, не обижает ли тюремное начальство, на прогулку выводят регулярно, почему сплю на допросе и так далее. Одним словом, тянет время и тем самым берёт тебя на измор.

Ну, конечно, у них, у следаков НКВД, тактика и методика «работы» с такими как я наработана десятилетиями, нам их «тонкостей» проведения следствия не понять. Как не понять нормальному человеку, почему и вдруг меняется твой следователь, к которому ты уже привык. Они, эти следователи, были разных возрастов и званий, разных характеров и по-разному вели допросы.

Один уговаривает по хорошему во всём признаться и подписать все документы для приговора, другой берёт на испуг, третий изображает из себя конченого мерзавца, говоря, что хлопнет меня сейчас здесь в кабинете, и никто ничего не узнает и не найдёт, куда я делся, а если кто-нибудь когда-нибудь попробует отыскать меня, то ему просто отпишут, что такой-то и такой-то отбыл по литеру «Б», потом ищи ветра в поле.

Во внутренней тюрьме нас очень умело доводят до такого состояния, при котором не хочется жить на белом свете. Вся человеческая мерзость, сконцентрированная в лице следователей и их методах общения с арестованными, становится видна как на ладони.

Всем следователям на их глупые вопросы я отвечал так:

- Вам потерять эту работу, а вместе с нею и все ваши льготы, страшнее, чем мне потерять жизнь, потому что мне терять уже больше нечего. А вам есть что.

Такие слова очень не нравились следакам, поэтому я частенько сидел в карцере.

В конце концов, меня, как несговорчивого и неподдающегося обычным мерам воздействия, передали молодому следователю в чине

лейтенанта. По национальности он был башкир, фамилия его была Татаулин. Он на допросы обычно вызывал меня в дневное время, во время прогулки отпускал подышать свежим воздухом вместе со всеми и никогда не лишал пайки хлеба. Я был этому рад, потому что мне всегда не хватало тюремного пайка, и я всегда и постоянно хотел есть, даже и при получении полной нормы. Зато теперь в ночное время я мог наслаждаться относительно спокойным сном.

Я с этим Татаулиным настолько свыкся, что готов был подписать на себя любые показания. Вот что он напишет, под тем бы я и подписался. Лейтенант даже называл меня по имени - Алёшка.

- Алёшка, - говорит он мне. - давай подпиши в листке допроса, что ты добровольно сдался в плен к немцам, добровольно принял присягу и сотрудничал с ними из трусости. Ну, дадут тебе два-три года за нарушение присяги, потом отправят куда-нибудь на отработку и что? Условия для всех в наших лагерях хорошие. Ты молодой, здоровый, будешь хорошо зарабатывать и скоро будешь на свободе. Чего тебе здесь, в тюрьме, делать, клопов кормить? У тебя ведь мать есть и сестрёнка, им помощь твоя нужна. Так что, Алёшка, давай иди в свою камеру и хорошенько подумай. Как надумаешь, так мы сразу закончим эту нервотрёпку. Всё равно отсюда просто так, без приговора, никто не уходит. Будешь упрячиться - получишь больший срок. Будешь меня слушать - отделаешься малым сроком. Думай, парень, думай! Ты посмотри на себя, какой ты стал доходной, а ведь тебе ещё работать и работать. У тебя же вся жизнь впереди. Тебе ещё жениться нужно будет и детей поднимать. Я ещё раз хочу тебе напомнить, что из внутренней тюрьмы у нас ещё никто и никогда не выходил оправданным. В землю живым закопаем, но не выпустим.

Вот так он меня уговаривал, уговаривал и уговорил.

Однажды во время допроса Татаулин достал небольшое зеркальце из нагрудного кармана и дал мне в него посмотреться.

Я просто не поверил, что это был я, настолько я выглядел в этом проклятом зеркальце старым и худым. Моё лицо, как мне показалось, даже мало походило на человеческое, настолько оно было измождённым и каким-то потусторонним.

И я сдался.

Вот так нас обрабатывали для обвинительного приговора. Такие методы были у НКВД и его следователей.

Если к ним попадал человек пожилой, да ещё интеллигентный, вряд ли он выживал в такой обстановке.

Я частенько вспоминаю Бога и благодарю его за то, что он с самого детства наградил меня отменным здоровьем и закалил моё невеликое тело. И это несмотря на то, что жили мы с моей семьёй в очень непростое время, когда выжить на воле было так же трудно, как и мне в застенках.

Наконец все мои полугодовые следственные баталии закончились. Теперь для меня настало самое ответственное время перед трибуналом - время его ожидания. Статью-то я уже знаю, какую дадут, а вот срок - неизвестен. Какой срок меня ждёт это ещё в моих догадках.

***

Глава сорок пятая. Суд.

Последний раз перед судом трибунала вызвали меня на допрос к военному прокурору в чине полковника.

На полковнике новенькая военная форма, на груди множество наградных колодок и холёная жирная морда торчит над стоячим воротником кителя. Так бы и дал кирпичом по этой харе!

Посадил он меня на табурет напротив себя, уставился ничего не выражающими колючими глазами и вроде бы как гипнотизирует меня.

Удивительное дело, но все тогдашние работники внутренних органов, с которыми мне приходилось встречаться, ходили в очках, некоторые даже в пенсне, наверное, подражали своему начальнику - Лаврентию Павловичу Берия, и носили очки с простыми стёклами. А, может, хотели казаться интеллигентнее, солиднее и умнее? Кто их знает, что у них было тогда на уме?

Так вот, смотрит этот боров в кителе на меня, но только не через очки, а поверх них. И таким пронзительным взглядом смотрит, словно хочет из меня всю подноготную правду вытянуть. И, главное, только хорошую правду про порядки во внутренней тюрьме и про доброе отношение к подследственному со стороны его следователей.

Я сразу сравнил прокурора с тем самым паучком из моей камеры, который кормился мошками. Как тот разбойник ловко и метко набрасывает паутинку на свои жертвы, так и этот холёный тип в круглых роговых очках кормится и живёт припеваючи за наш счёт. Полковник даже внешне, как мне показалось, похож на моего невольного сокамерника.

Вопросы прокурор задаёт простые.

- Какое отношение к вам было со стороны следователей? Вас не пытали? Не издевались? Не заставляли оговаривать себя и других?

Конечно, на все вопросы я отвечал так, как ему требовалось. Об этом мы уже давно и не раз переговорили с лейтенантом Татаулиным.

Я понимаю, что полковник делает вид, что ничего не знает о том, что происходит в тюрьме на самом деле. Судя по его вопросам, он не очень-то и пытается скрыть своё знание, просто, наверное, ему лишний раз хочется обмакнуть меня мордой в дерьмо и указать моё настоящее место в системе ГУЛАГа, в котором мне предстоит жить неизвестно сколько лет.

На все его вопросы я даю конкретные ответы, которые тут же записываются на листок бумаги, после чего я подписываю этот листок.

И вот я снова в своей вонючей и тесной камере. И снова начинаю наблюдать за своим паучком-артистом, разыгрывающим для меня

одного своё нескончаемое и очень жизненное действо.

Чем меньше времени остаётся до суда, тем больше в камере среди зэков толкований, обсуждений, переживаний по поводу того, что и как говорить в своё оправдание. Подходит такой момент, когда независимо от тебя самого решается вся твоя дальнейшая судьба и жизнь. Всех волнует только один вопрос: какой срок тебе наметили прокурор и судьи? Хотя мы все прекрасно знаем, что у судейских за годы советской власти наметился свой стандарт для обвинительных приговоров: рядовому составу от 10 до 15 лет, офицерскому от 15 до 25, но хочется, ой, как хочется быть нестандартным, выбивающимся из всех рамок общепринятого правила и получить минимальный срок. Что делать, человеческая природа неискоренима, ему, человеку, всегда кажется, что самое худшее его обойдёт стороной, а всё лучшее его ещё ожидает где-то впереди, возможно, вот за этим самым поворотом судьбы и даже просто дороги.

И вот я дождался суда.

Вертухай вызвал меня из камеры, провёл в уже известную просторную комнату, сделал тщательный обыск и сдал под расписку двум автоматчикам, которые и ввели меня в зал суда, строго по уставу, молча, став у меня по бокам.

Ждём судей десять минут, пятнадцать, может и больше.

Наконец, двери открываются и в зал вваливаются генералы, люди заслуженные перед партией и советским правительством, это сразу видно по откормленным физиономиям вершителей наших судеб. Золотые погоны выдают в них высочайших знатоков зэков, профессионалов в своём деле. Все трое с портфелями, туго набитыми бумагами.

Не торопясь, усаживаются каждый на своё место.

По их безразличным лицам видно, что они готовы и без разбора дела вынести свой суровый судебный приговор хоть десяти, хоть двадцати жертвам системы, по-стахановски перевыполнив дневной и даже месячный план.

Как сказал мне на следствии мой следователь Татаулин, им тоже сверху спускают разрядки.

- Чем больше раскроем дел, тем больше подследственных осудит трибунал. Значит, больше получим прогрессивку к зарплате. Но главное не в этом, главное в том, что будет больше уважения и почёта от большого начальства. У нас ведь в стране плановое ведение хозяйства, а судопроизводство это хозяйство да ещё какое! И всё у нас идёт на потоке, как и в любом цехе на производстве.

Судьи между тем о чём-то пошептались между собой и самый старший из них и по званию и по возрасту, председательствующий военного трибунала, встал и в течение пяти минут зачитал уже отработанный заранее и напечатанный текст моего приговора.

Из прочитанного я понял, что осуждён по 58-ой статье, пункт 1 б, сроком на десять лет и поражением в правах сроком на пять лет, с отбыванием вышеназванного срока наказания в лагерях Советского Союза.

На этом суд закончился, и судьи молча удалились из зала суда.

Я стоял, потрясённый случившимся.

Никто не задал мне ни одного вопроса, никто из судей даже не услышал в ответ на их приговор моего живого человеческого голоса. Так они могли зачитать приговор и перед пустым залом, а мне сказать об этом где-нибудь в камере или на прогулке. Эффект был бы один и тот же.

Те же автоматчики сопроводили меня до заранее подготовленного «воронка», запихали в кузов, где уже находилось несколько только что осуждённых, как и я, зэков, и нас повезли в общую тюрьму.

***

Глава сорок шестая. Екатерининская тюрьма и этап.

Эта тюрьма была интересна тем, что, говорят, была построена ещё самой Екатериной Второй и так построена, что с высоты птичьего полёта было видно, что здание похоже на букву «Е». С самого первого дня своего существования эта тюрьма предназначалась для политических заключённых, поэтому и была разбита на камеры-одиночки. Ну, у Екатерины тоже были проблемы с населением страны: то Пугачёв сотрясает устои монархии, то свои любимые чиновники, вроде Радищева, начинают своевольничать, ей, как говорится, сам Бог велел строить такие здания.

В Советском Союзе после войны было много осуждённых и камеры-одиночки в тюрьме никогда не пустовали. Ушедших по этапу тут же сменяли другие постояльцы, а на очереди уже стояли следующие. Правоохранительный конвейер работал безостановочно. Это правда.

Когда привезли в эту знаменитую старинную тюрьму, то в камеру-одиночку вертухаи меня просто впихнули на головы сидящих и лежащих на полу людей, а те, как по транспортёрной ленте, сопроводили меня дальше, к месту параши, там всегда найдётся уголок для новичка.

Оказалось, что одиночная камера была до отказа набита людьми.

Камерное население было многоликим и разнообразным по составу. Были здесь люди разных возрастов, национальностей, сословий, профессий и даже статей Уголовного кодекса, по которым были осуждены. И поэтому здесь были свои особые условия и порядки.

Это я чуть позднее узнал, что в каждой такой камере обязательно был свой маленький вор в законе, от которого зависела дисциплина в камере. Он командовал здесь парадом и, прежде всего, старался подавить волю вновь прибывших, чтобы те и не думали посягать на его власть. Шестёрки пахана старались с первой минуты появления

новичка разузнать о нём всё как можно больше: какой срок и по какой статье отбывает, получает или нет передачи из дома, ну и так далее.

По всем перечисленным выше вопросам я не представлял никакого интереса для пахана и поэтому моё законное место оказалось у параши.

Кто был более состоятельный, тех они оберегали и создавали более или менее приличные условия: держали ближе к себе и в общении между заключёнными и по расстоянию от места нахождения параши. И это было по их понятиям правильно: дойных коров нужно беречь.

В общей камере чего только не увидишь, чего не услышишь. Такие пакости и мерзости прошли у меня перед глазами, что язык не повернётся обо всём рассказать, а рука не поднимется всего описать.

Здесь человек становится скотом, едва переступает порог камеры. Его унижают и оскорбляют не только тюремные начальники, но больше всего он страдает от организованного в группы ворья и от уподобившегося им человеческого отребья из числа политических заключённых.

Те люди, которые уже когда-то побывали в тюрьме, быстрее привыкают к ка-мерным порядкам, но всё не так обстоит с новичками, например, с такими как я. Хотя меня тоже не назовёшь маменькиным сынком, за годы войны я увидел и пережил достаточно всего такого, от чего у многих сидящих здесь могла запросто и голова свихнуться, но всё равно время, проведённое в общей камере, осталась для меня на всю мою жизнь тяжёлым воспоминанием, сравнимым с тавро, выжигаемым на теле животного калёным железом.

За полтора месяца пребывания в Екатерининской тюрьме города Уфы я побывал и на нижних и на верхних её этажах, покормил немало вшей и клопов своим телом и кровью в разных камерах сего богоугодного заведения, потому что засиживаться в одной камере заключённому по инструкции долго не положено.

Побывал и в камере с малолетками.

Вот где ломаются мальчишеские души!

Сподобился «погостить» в одиночных камерах для смертников

И везде только один ужас и ничего больше.

Бытовиков с малыми сроками быстрее отправляют на этапы, в ближние колонии.

Большесрочников, в основном осуждённых по 58-й статье, отправляют реже, их накапливают до нужного количества, а затем, вместе с ворами-рецидивистами и откровенными бандитами, загружают в столыпинские вагоны и отправляют в дальние лагеря на север Союза.

В начале ноября, наконец-то, сформировался этап большесрочников на Север, куда попал и я.

Никаких вещей, а также лишней одежды на мне не было. Одет по

летнему, что было лишнее отобрали уголовники. Остались на мне ботинки на босую ногу да рабочая одежда: брюки и куртка, которые выдали мне ещё на нефтепромыслах в Шимбае.

Из тюрьмы нас вывели во двор, построили в колонну и долго проверяли по спискам, строго сверяя по фамилиям, статьям приговора, полученным срокам и так далее.

Оказывается, воры с большим сроком наказания, ухитрились подсунуть на этап вместо себя других зэков. Каким образом они заставляли это делать простых мужиков оставалось тайной, но, зная тюремные порядки, мы понимали, что делалось это малосрочниками не из любви к ближнему. А может быть, как раз именно из-за этого? Ведь у каждого взрослого зэка был дом, и была семья. И каждый из них желал ей только хорошего. Не на этом ли играли преступники, шантажируя несчастных? Долго ли им было порешить всю семью отказника в назидание другим? Возможно, такое и происходило не однажды, и об этом бандиты старались говорить вслух при намеченной жертве, красочно расписывая сам процесс убийства. Всё может быть в этом проклятом мире! Всё!

На все разборки с фамилиями требовалось много времени. Мы устали и стали волноваться. Подошла усиленная охрана автоматчиков с овчарками и колонна притихла. А вскоре мы тронулись в сторону вокзала.

По ходу направления движения колонны охрана заранее оттесняла с дороги всех случайных прохожих, и мы дошли до вокзала по пустынным улицам без происшествий.

Нас погрузили в столыпинские вагоны с зарешёченными окнами. В каждом «купе» было полным-полно народу. Ни сидеть, ни стоять в вагоне не положено. Нам разрешалось только лежать на койках лицом к железной сетке двери, чтобы сопровождающему конвою было видно лицо каждого заключённого.

В дороге кормили в основном протухшей селёдкой, а воду давали только на больших станциях и то очень мало, потому что могла возникнуть проблема с туалетом, а конвою это не нравилось.

Рядом со мной лежал узбек Муминов, после селёдки жажда у него была настолько сильна, что он кричал нечеловеческим голосом «Дайте пить! Дайте пить!».

Своим криком он так надоел не столько нам, сколько конвою, что они, наконец, вытащили его от нас и куда-то увели. С тех пор я его больше не видел.

И никто не видел.

Зато потом мы лежали чуть посвободнее. Можно было хоть почесать свое искусанное клопами тело, не боясь столкнуть с нар соседа и получить за это от конвоя по первое число.

Мы столько перенесли от сопровождающего конвоя издевательств, что описать трудно. Мне кажется, что туда подбирали специально

психически неуравновешенных людей, с извращёнными наклонностями, в основном склонности к садизму.

Но вот мы и прибыли к станции назначения. «Вожа Ель» - конечная цель нашего утомительного путешествия, дальше дороги нет.

Конец ноября в республике Коми это уже настоящая зима, а на мне брюки с пиджачком без головного убора и из нижнего белья только трусы да майка.

На станции опять передача нас новому конвою. Опять проверка и переключка, пересчёт и сверка...

Дальше нас этапируют в пешем строю.

Новый конвой уже одет по-зимнему, а мы, зэки, кто в чём, большинство таких, как я, одетых в летнюю рабочую одежду.

От недоедания и малоподвижного образа жизни, от заболевания разными болезнями люди разучились нормально ходить и даже просто долго стоять на ногах, а тут нам предстоял такой длинный переход по морозу. Через некоторое время начинается настоящий падеж людей прямо в строю. Зэки падали в снег как скот в период бескормицы, а конвой с овчарками то и дело подгоняет: «Давай, давай! Подтянись!».

Вслед за нами плетутся несколько саней в конной упряжке, в них инструменты для нас: лучковые пилы и топоры.

Кто уже совсем не может передвигаться на своих двоих, падают в снег замертво и их подбирают загруженные сани, всё равно обессилевшие окоченеют по дороге, но довести нужно всех, для счёта у пункта сбора.

Гужевой транспорт с санями, идущими позади колонны, был заранее подготовлен начальством, привыкшим к подобным происшествиям.

С нашего этапа потери были большие. Даже очень большие! Точно как на войне, только ещё страшнее, потому что смерть принимали от своих.

И всё же к вечеру мы кое-как доплелись до назначенного нам места, называемо-го по местному «подкомандировка от 18-го головного лагпункта».

Здесь намечалось два вида работы: лесоповал и добыча торфа.

На этой «подкомандировке» стояли одни пустые бараки, а вокруг, как водится, вышки с колючей проволокой. Охрана уже заступила на свои посты и маячила на вышках в ожидании нашего прихода.

Мы спешно разместились по баракам и стали обживать зону.

Нас сразу же всех разбили по бригадам, бригадирами в которых назначили блатных.

Откуда-то прикатили пустые железные бочки и они стали нашими печками. Кое-где сразу же эти печки затопили дровами и в бараки пошло живительное тепло, а это уже было спасение от холода.

Кто хотел жить и выжить, тот через силу стал двигаться и что-то

делать. Только так можно было спастись.

Из тех, кто упал по дороге и лежал на санях, лишь половина выжила, не окоченев на морозе. А из оставшихся в живых через некоторое время ещё много Богу душу отдали.

Всех умерших вывозили за зону и хоронили в снегу, а весной, если они оставались целыми от лесного зверья, закапывали в оттаявшую землю.

В лагере была специальная бригада доходяг, занимающаяся этим печальным делом.

***

Глава сорок седьмая. Зона.

В первый же день прибытия в нашей бригаде произошло ЧП.

Утром, в 6 часов утра, во время подъёма, бригадир из блатных со своим помощником получили на нашу бригаду хлеб, как всегда неизвестно из чего выпеченный, более тридцати паек по 400 граммов каждая. Перед входом в барак, такие же блатные, как и бригадир, воспользовались темнотой, напали на нашего бугра (скорее всего они перед этим между собой сговорились об этом), выбили из рук разнос с пайками хлеба, отчего пайки разлетелись по бараку.

Кто был очевидцем этого случая, кто ближе других находился к разбросанным пайкам, тот воспользовался этим и стал хватать пайки и тут же съедать их. В итоге многие зэки в бригаде остались голодными, в том числе и я.

Для меня это была настоящая трагедия. Хоть этот хлеб был и вовсе никакой, можно сказать совсем никудышный, но им и только им мы и жили в лагерях.

В столовой всё же миску тёплой баланды я в тот день получил, тут же выпил через край и всё равно остался голодным.

На проходной в лагере пробили в рельс - сигнал на развод по бригадам.

На развод я не явился, на работу не пошёл, причина - мне не дали мою законную пайку хлеба, я остался голодный и работать не в силах.

Я ушёл в свой барак, и спрятался под нары. Лежал, пока не прошёл развод, думал, мой номер пройдёт. Однако после развода нарядчик, тоже блатной, вместе со своими помощниками из блатяг, начал операцию отлова беглецов - отказников от работы, и всех без лишних разговоров запирали в штрафной изолятор.

Меня за ноги выволокли из-под нар, отлупили, как следует, сняли с меня бушлат, который я уже успел получить в хозчасти как зимнюю одежду, шапку-ушанку и тоже закрыли в изоляторе, где вместо окон одни решётки и кругом насквозь пронизывающий сквозняк.

Все штрафники сразу заскулили как волки: «Выпускайте нас, мы пойдём на работу. Выпускайте!».

И правда, на работе можно хоть у костра греться, благо тайга кругом и дров хватает. А здесь, на ветру, окоченеешь в два счёта.

На работу нас всё же отправили, но отдельно, под усиленным конвоем, и не в тайгу, а копать торф.

Свою дневную норму никто, конечно, не сделал, поэтому все штрафники опять попали в изолятор.

Обычно за невыполнение нормы виновные получают всего 300 граммов хлеба и кипяток вместо тёплой миски с баландой. Ну что это за еда для взрослого человека?

За несколько дней такого питания и адской работы я дошёл до ручки.

В изоляторе я уже лежал на нарах пластом, потому что не мог самостоятельно передвигаться и молча ждал своего конца.

Утром, вертухаи с нарядчиком и его прихлебателями, доставили меня из изолятора в санчасть, где уже находилась лагерная медицинская комиссия во главе с самим начальником лагеря и ещё какими-то волняшками.

Раздевают всех наголо. Степень пригодности к дальнейшей работе определяют довольно быстро и просто: если на заднице у зэка остались одни мослы, то есть кости, значит, зэк дошёл до последней степени истощения и его определяют на инвалидность.

Так со мной и произошло.

Меня сактировали и зачислили в инвалидную бригаду. Такая бригада только числилась у нарядчика в списках, чтобы мы могли получать свою пайку хлеба и миску баланды, а на работу мы не ходили, считались как вольношатающиеся по лагерю, верные кандидаты на тот свет.

Лёжа на нарах, я много размышлял и пришёл к печальным результатам своих мыслительных изысканий. Если я хочу выжить в этом кошмаре, то должен сам искать для себя в зоне что-нибудь такое, что давало бы мне пропитание и шанс на выживание. Здесь никто и никому не поможет, потому что в зоне существует закон: «Ты подохни сегодня, а я завтра».

Дней через десять я отлежался, кое-как очухался и соображал, что же мне де-лать дальше. Я понимал, что на голодном пайке мне больше не протянуть, а что делать? Многие зэки из инвалидной бригады, такие, как и я бедолаги, начали лазить по помойке, искать что-нибудь съестное. А что там найдёшь, если крысы уже опередили тебя и что нашли съедобного, всё уничтожили.

Если же зэк что-то и находил съедобное, то это была верная погибель. От такой еды у него открывался кровавый понос и уже спасти несчастного не удавалось. Лекарств у нас не было никаких, да и кому это было нужно лечить доходягу-инвалида? В лагере мы нужны были только здоровыми и хорошо работающими.

Воспользовавшись тем, что я был официально признан праздношатающимся по лагерю, я большую часть дневного времени проводил возле кухни.

Бывало, замечу, что кухонный рабочий зачем-то выскочил на улицу, я к нему: «Может помочь что нужно?».

Иногда ему действительно нужен был помощник и я тогда честно зарабатывал свою дополнительную миску баланды, а это уже было кое-что в моём скудном рационе. Так у меня каждый день что-нибудь да перепадало доппайком.

Здесь нужно заметить, что не я один был такой шустрый возле кухни, нас было больше чем достаточно, так что за своё место у котла и нам приходилось бороться не на шутку. Не жизнь, а сплошная борьба за выживание. Совсем как по Дарвину.

Порой голодный и побитый я возвращался в свой барак и лез на нары, едва живой от побоев. После этого отлёживался день-два и снова голодный желудок гнал меня к кухне, с незажившими ещё ранами и синяками.

Звериная жизнь!

Мой желудок ежедневно требовал пищи, пищи и только пищи.

Каждый день, не обращая внимания ни на какие трудности, нужно было находить хоть какое-то пропитание, чтобы восстановить своё тело и силу, а для этого нужно здоровье, которого у меня тогда не было. Я был так истощён, что у меня остались практически только кожа да кости, поэтому любая баланда была мне в пользу, желудок всё перерабатывал, превращая дерьмо в добро.

Через несколько дней я почувствовал, что стал поправляться. У меня стало появляться мясо в теле, появилась силёнка.

Через полтора-два месяца меня снова вызвали на медкомиссию и, осмотрев меня, комиссия решила, что я вполне здоров, то есть на моей заднице не стало видно костей, поэтому могу вновь вернуться на общие работы по заготовке торфа.

Нормы выработки на торфе были как и везде завышены, но их нужно было выполнять любым путём, иначе не получить большую пайку хлеба, а к основной баланде лишнюю ложку магаровой каши-размазни.

На заготовке торфа работа считалась легче, чем на лесоповале, но зато мы целый день находились чуть ли не по колено в воде. Обуви при этом у нас практически не было никакой, кроме верёвочных лаптей или резиновых чуней, сделанных из отслуживших свой срок автопокрышек - чудо местного лагерного производства. Вместо портянок были рукава от старых бушлатов, выдаваемых строго на определённое время носки. И ничего больше.

На заготовке торфа, где я работал первые дни после выписки из инвалидной команды, было так: сделал ты норму или же нет, но подошло время и вертухаи с бригадирами начинают строить бригады и под конвоем гонят нас в зону пока ещё светло.

У них свой распорядок дня и им по большому счёту плевать на твои

выработки.

На вахте, то есть на проходной, у входа в лагерь, нужно ждать начальника смены охраны. Пока разыщут его, чтобы он пересчитал пришедших и сделал шмон, проходят часы ожидания на морозе с мокрыми ногами.

В бараке также хорошего мало. Одна печка-бочка, обложенная камнями, на весь барак. Печкой распоряжаются блатные, а нам, фраерам, доступа к ней нет, так что просушить или хотя бы подогреть одежду и портянки до следующего утра невозможно, поэтому сушили мокрую одежду, подкладывая её на ночь под себя. Но до этого нужно было ещё выстоять с мокрыми ногами очередь в столовой за своей порцией похлёбки, а затем ждать в мокрой одежде вечерней проверки. Пока нас на несколько раз посчитают, пока снова произведут тщательный шмон, столько времени уйдёт, что кости насквозь промёрзнут. Не каждый зэк выдержит лагерные порядки, вот почему вновь прибывающие зэковские этапы со всего Совет-ского Союза, быстро тают и исчезают прямо на глазах у лагерных сторожилов. Люди погибают не только от суровых условий севера, но, в основном, от бесчеловечного лагерного режима.

После вечерней проверки и шмона, несколько ударов в рельс дают отбой.

После отбоя никто не имеет права выходить из барака. Ночное хождение из барака в барак считается преступлением, за которое зэк наказывается штрафным изолятором на несколько суток или, что ещё хуже, охранник с вышки может вести огонь на поражение. Ничего за это охраннику не будет, была попытка побега и он её предотвратил, за это можно только поблагодарить бдительного солдата и отправить его в отпуск домой.

Но отпуск давали не всем. Таких «попыток к побегу» было слишком много и настоящую их суть начальство знало очень хорошо.

В летнее время тоже хорошего мало, все 24 часа светит солнце и все 24 часа в тайге гнус, комары, слепни и прочие кровососущие паразиты. Тепло и полярное лето быстро проходят, но эти твари держатся до самой осени не только в лесу и в болоте, но и в бараках. Во время сна от них нет никакого покоя, да ещё плюс к ним постоянные спутники человека вши, клопы и тараканы...

В зимнее время почти всегда темно и солнышка совсем не видно. Нас освещает только северное сияние в хорошую погоду. Это зрелище настолько интересное, что, кажется, наблюдал бы его всю жизнь и скучно не было бы. Особенно оно прекрасно в морозные дни, а морозы на Печёре порой доходят до 58-60 градусов по Цельсию.

В такие дни сталь топором не выдерживает ударов по мороженому дереву и ломается, крошится. И полотно лучковой пилы становится хрупким, как стекло.

Костёр в такие дни в лесу не так-то просто разжечь, если и удаётся

это сделать, то не нагреешься возле него, скорее только сожжёшь свою убогую одежонку.

***

Глава сорок восьмая. Побег из зоны.

Усть-Вымские лагеря расположены в самых глухих и болотистых лесах. Да и вообще все лагеря для заключённых в республике Коми самое подходящее место для удаления нежелательных элементов от цивилизации и от человеческого общества.

Я думаю, что география расположения мест заключения была кем-то грамотно и верно спланирована на самом вершине власти и одобрена лично Сталиным и Лаврентием Павловичем. Вот в чём угодно можно обвинить руководство страны и НКВД, но только не в отсутствии внимания к лагерям. Действительно, сделано всё на совесть и на века!

Во время этапа по железной дороге, начиная от Челябинской пересылки, как только остался позади город Котлас, мне пришлось украдкой от охраны увидеть и запомнить некоторые весьма интересные детали пейзажа.

По обеим сторонам дороги стояла сплошная стена колючей проволоки, с вышками для охраны и наспех отстроенными бараками для заключённых. Судя по новизне строений, лагеря строились уже после войны, то есть целенаправленно для нас и гражданского населения, побывавшего в оккупации и сотрудничавшего с немцами.

Побегов из этих лагерей практически не было, а если кто-то и пытался бежать, то дальше головного лагеря ему уйти не удавалось.

Во-первых, все дороги и даже звериные тропинки были перекрыты чекистами, а уходить через болота или же лес практически невозможно: в зимнее время глубокие снега и трескучие морозы быстро приканчивали беглецов, летом - мошкара, комары, гнус.

Да и далеко ли уйдёшь без продуктов в этом диком краю?

Населённые пункты, стоящие на расстоянии 100-150 километров друг от друга были настоящей погibelью для эков, потому что их жители специально натравливались на заключённых, за поимку которых получали приличные вознаграждения, превосходящие порой цену редкого таёжного зверя.

И всё же на моей памяти был один побег из командировки, где царил особенно ужасный произвол, чинимый лагерным начальством. И произошло это в зимнее время, да ещё в нашей бригаде.

Правда, я бы, может, и не назвал этот случай побегом, потому что так рискует только тот, кто хочет добыть себе обыкновенный кусок хлеба, чтобы прожить лишней денёк на белом свете, а не тот, кто хочет вообще уйти в бега на всю оставшуюся жизнь, чтобы сделать эту жизнь другой, совершенно не похожей на первую.

Как обычно, в 6 часов утра, на разводе, каждая бригада получала

назначение на работы. Вертухай, принимая бригады, просчитали количество зэков в каждой и громко, скороговоркой прочитали свою «молитву»: «шаг влево, шаг вправо считается побегом, конвой применяет оружие без предупреждения» и повели колонну к инструменталке. Это уже за пределами зоны.

Получаем топоры, лопаты, лучковые пилы, верёвки.

Всё это получают только «мужики», блатным инструмент не положен, да и работать им тоже не положено.

Снова вертухай пересчитывают людей и читают свою «молитву», а затем гонят за несколько километров от лагеря на заготовку торфа.

Идёт сильный снег.

Как только вышли за пределы зоны лагеря, впереди колонны пошли два вертухая для прокладки дороги, третий идёт замыкающим.

И так вот, по проложенной тропиночке, мы идём вслед за охранниками длинной цепочкой, гуськом.

Снег прекратился, покрыл после себя всё пространство леса безумно пушистым белым покрывалом. Особенно маленькие сосенки и ёлочки выглядят нарядно. А с неба ещё и северное сияние всё это подсвечивает и усиливает сказочный эффект своими неземными космическими красками. Маленькие огоньки большого небесного огня, рассыпавшись миллионами отблесков, сверкают, отражаясь от снежинок по всему лесу. Не хватает только рядом с ними Деда Мороза и Снегурочки.

Такая красотища в лесу!

Маленькие деревца только сверху принарядились пышной снеговой шапкой, а снизу, у самой земли, под ними образовалось пустое пространство, похожее на шалашик, в котором ещё кое-где сохранилась засохшая летняя растительность. Вот в этот-то шалашик и сделал прыжок идущий впереди меня зэк.

Всё так получилось молниеносно, что я даже не почувствовал, что же произошло. Ведь это же риск, и какой! Сзади идёт замыкающий вертухай, который имеет законное право прошить одной автоматной очередью и сосёнку, приютившую зэка, и самого беглеца.

Я хорошо знал этого зэка. Это был матёрый рецидивист-большесрочник, у него было несколько судимостей и двадцать пять лет срока. За свои десять или пятнадцать лет отсидки, он побывал во многих лагерях Воркуты, Инты, Ухты и так далее. И везде рисковал по крупному.

В бараке вечерами он говорил, что ему терять уже нечего. Если будут судить, то только добавят к общему сроку ещё одну статью и больше ничего, дальше добавлять некуда, у него и так «четвертак». Хуже, если отобьют почки при поимке или пристрелят. Хотя, последнее, кажется, его больше устраивало из всех возможных вариантов. Он был, как говорят, «отпетый», а такие рискуют всем и всегда.

Пока нас пригнали на объект, прошло довольно много времени. И за это время никто из вертухаев не обнаружил пропажи. Я поражаюсь, как это последний вертухай проморгал, что у него почти под самым носом сидит, притаившись, беглый зэк?

По прибытии на место назначения, бригадиры и блатняки позагоняли нас в ямы, копать торф, а вертухаи начали на всякий случай пересчитывать.

Один раз просчитали, потом второй, на третий раз уже забеспокоились, забегали: одного по счёту не хватает.

Я-то знаю, в чём дело, но помалкиваю, думаю, что же дальше будет?

А дальше хорошего мало было.

Всех нас повыгоняли из ям, согнали в одну кучу, как баранов, выстрелами из винтовки и автомата положили всех в снег и так держали нас до самого вечера в снегу.

Потом на участок прибежала вся лагерная охрана с собаками и начальниками. Настолько все они были злые, что готовы были всех нас, лежавших перед ними лицами в снегу, тут же перестрелять или потравить собаками.

Между собой у них ругань, мат...

Одним словом, началось выяснение обстоятельств побега. Разборки пошли прямо при зэках, хотя старались делать всё аккуратно, чтобы не сильно себя позорить перед нами.

Для вертухаев побег зэка, да ещё с рабочего участка - крупное ЧП. После выяснения всех обстоятельств побега виновный вертухай запросто может оказаться среди нас, то есть тех, кого он только что так бездарно охранял, и по вине которых сломал свою карьеру. Сидеть, правда, ему придётся в другом лагере и с другими людьми, но радостнее ему от этого всё равно не станет.

К сожалению, до этого дело, конечно, не дойдёт, потому что во время побега заключённого эта весть молниеносно распространяется по округе, по всем оперативным группам, постам и железнодорожным станциям и полустанкам, деревням и так далее. На охоту за человеком выходят все чекистские подразделения и просто гражданские добровольцы, желающие подзаработать.

Вся шумиха с погоней заканчивается довольно быстро и однообразно. Наш случай тоже закончился в пользу вертухаев.

Вечером того же дня беглеца доставили к проходной нашей подкомандировки. Перед этим его так избивали, что стоять на ногах он не мог, и его привязали к столбу, как дикого зверя, всем на показ.

Так держали его привязанным до тех пор, пока перед ним не прошли с работы все бригады заключённых.

Нам тоже досталось. Мы всё это время стояли рядом с привязанным беглецом под усиленным конвоем, как особо провинившиеся, и вынуждены были наблюдать всю эту картину средневекового издевательства над человеком молча.

Потом нас всех насильно раздели, с тумачами, с подзатыльниками, и загнали в штрафной изолятор. Перед этим тщательно прошмонали. Отобрали всё, что могло дать огонь или даже искру для огня, чтобы мы не подожгли изолятор, пытаюсь согреться. Да и вообще, зэку, при входе в зону лагеря, ничего при себе иметь не положено. Ничего! Поэтому всё при прохождении через вахту в зону отбиралось.

Страшнее всего для нас, работяг, было то, что вся наша бригада попала в штрафной изолятор, да ещё всех нас наказали, уменьшив хлебный паёк

На ночь нам выдали на каждого штрафную хлебную пайку в 300 граммов. Это была наша суточная норма, не считая поллитра холодной баланды, сваренной и переваренной из чёрных и вонючих листов капусты.

Ночь провели в промёрзших камерах, на голых нарах, лишённые тёплой одежды.

Очень дорого нам обошёлся этот побег из «штрафной подкомандировки 18 головного лагпункта»!

***

Глава сорок девятая. Законы зоны.

Подкомандировка эта была особая. Здесь всё было новое: и наши бараки, и все строения. Но всё было построено на скорую руку, особенно изолятор. На нарах с лежаками даже сучки не были, как следует обрублены. Видимо за строительством никто не следил и никто и ни за что не отвечал. Да и строили всё это такие же зэки, как и мы, лишь бы день до вечера как-нибудь прокантоваться и получить пайку хлеба. Но зато надёжно всё отстроено вокруг зоны. В несколько рядов надёжно натянута проволока, а между рядами дополнительно проложены кольца из неё. Через каждые двадцать-тридцать метров стоят вышки для охраны, на вышках прожектора и, возможно, что проволока перед ними под высоким напряжением. На внешней стороне колючки бегают на привязи овчарки. Одним словом, охрана надёжная, не убежишь.

Охрана в основном из молодых солдат, по виду деревенских.

К дополнительной охране внутри зоны привлекались «бытовики», получившие срок за растрату и прочие мелкие проступки. И опять же вместе с ними попадали в охрану блатные из воря, их называли и до сих пор называют в зонах «суками».

Между ворами и ссученными ворами всегда была самая настоящая непримиримая вражда. Если они попадали в один лагерь, то кто-то из них должен был умереть. Такой у них закон.

Помнится, в 1953 году, меня отправили этапом в другой лагерь, в 8-й, который назывался «Зимка», и тоже являлся головным лагпунктом.

К тому времени я уже достаточно изучил лагерную жизнь, был закалённым зэком и считал себя приспособленным ко многим

лишениям, бытовавшим за колючей проволокой. Уже умер Сталин и расстрелян Берия, ещё недавно всевластный хозяин всех лагерей страны ГУЛАГ, жизнь стала немного легче, хотя трудиться приходилось почти без отдыха. Я тогда работал на лесоповале вальщиком леса, а на ночь, по распоряжению начальника лагпункта, приходилось подрабатывать на кухне: котлы подтапливать, дрова подносить, полы мыть, капусту квашенную с картошкой поднести, моржовое мясо порубить, в общем, работы хватало с избытком, зато и голодным я уже не был.

Но за всё нужно в этом мире платить. И я должен был за свою «сытую жизнь» в лагере рвать пупок на лесосеке. Со своим звеном из 5 человек, каждый день я должен был выдавать 25 кубометров леса, что и делал исправно. А как мне это удавалось, это уж мои проблемы.

Ко мне в звено дали ссученного вора, Пашу Ливаденко. Он, конечно, не работал, а только числился за звеном и свою основную и святую обязанность видел в том, чтобы появиться на верхнем складе в то время, когда туда наш возчик привозил и сдавал кубатуру.

Паша зорко следил за тем, чтобы возчика не обсчитали и не обидели его родное звено при приёмке очередной партии леса. На приёмке работали разные хитромудрые счётчики и приёмщики, за ними глаз да глаз нужен! Мы за это были благодарны Паше, хотя его норму исправно выполняли другие.

Срок у Ливаденко был 10 лет. В 1954 году он должен был освободиться.

Незадолго перед этим к нам в лагпункт пришёл этап с Ростовской области, среди прибывших зэков был очень авторитетный вор в законе.

У лагерного ворья были такие чёткие связи среди охраны, что они заранее знали все подробности из жизни прибывающего этапа и весь его численный состав. Прибывающих встречали достойно их репутации.

Так вот, воровская лагерная братва решила, что прибывающего вора в законе нужно убрать.

Сделали сходку. Провели жеребьевку и жребий пал на Пашу Ливаденко.

В назначенный день Павел не вышел на работу и остался в зоне. Через некоторое время он смог удачно выполнить поручение ссученных блатяг и завалил вора в законе прямо в бараке.

Паша Ливаденко снова попадает на скамью подсудимых, в нашем же лагере получает положенную за содеянное статью и продолжает тянуть лагерную лямку. Приплюсованный к своим прежним 10 годам срок, в какое-то новое количество лет, он несёт внешне спокойно и даже гордо. Особенно среди своих.

У нас в бараках, промеж себя, ходил слух, что это органы специально блатным разработали и подсунули такой жуткий воровской закон, чтобы они сами же себя и уничтожали. Нет человека, нет и

проблем! - известная «кумовская» поговорка.

Но кто его знает, как всё это было на самом деле?

Мы с Пашей были на дружеской ноге, он доверял мне и часто рассказывал в лесу у костра, что у него где-то в Воронеже есть жена и дочка, которую он ещё даже и не видел ни разу. Всё мечтал, как только выйдет на свободу, так завязать с воровством навсегда.

В 1947 году, после побега из нашей бригады зэка и после ледяного штрафного изолятора, моё здоровье сильно надорвалось, появились мелкие болячки, недомогания, чему способствовали навалившиеся свирепые морозы и никчёмная наша арестантская одежда: бушлаты из старой солдатской шинели, а на ногах верёвочные лапти.

К исхудавшему и больному телу такая одежда не пристаёт, в ней ты ходишь, как в гробу.

В санчасти никаких болезней не признают, освобождение от работы дают только при высокой температуре. Бывало, конечно, и сачковали ребята, прятались от работы в бараках, но вечером подрядчик со своими мордоротами всё равно найдёт и, хорошо поддав, отправит полураздетого в штрафной изолятор, на 300 граммов хлеба и кружку кипятку. Да и мало кто прятался, подрядчик со своими молодцами знал все наши потаённые дыры и норы.

От ежедневного голодания я снова очень похудел. Заработать свою рабочую пайку я уже не мог. Меня начали обижать даже такие же доходяги, как и я. То толкнут и вырвут пайку хлеба из рук, то в столовой, когда сидишь за столом, кто-то сзади похлопает по плечу, обернёшься - никого нет, смотришь, нет и твоей миски с баландой на столе, украли.

Голод в лагере делает с человеком страшные вещи. Зэк теряет всё человеческое и становится настоящим животным.

Например, блатные стараются, как можно дольше продержать труп умершего в бараке, чтобы получать за него пайку хлеба и миску баланды. Они уже и ко мне стали нагло присматриваться и примериваться, не стесняясь меня, ещё живого.

И я и они понимали, что ещё немного и я уйду на тот свет под литером «А» или «Б», так обычно в канцелярии отмечали умерших в лагере.

Но я держался назло всем.

Для меня 1947-48 годы были особенно трудными. Но я не раз и не два думал, что если уж я прошёл такое испытание на войне и остался живым, не подох в немецком лагере для военнопленных, значит, мне суждено жить и дальше.

Воровать я не умею, грабить тоже, обманывать в лагере некого, скорее сам будешь обманут. Надо было как-то выживать иным способом. И я стал думать как.

***

Глава пятидесятая. Наука выживания.

Я снова попал на медкомиссию. За три года это уже второй раз и это просто счастливый случай в моей жизни. Можно сказать, лотерейный билет.

Как и в прошлый раз меня раздели догола и быстро осмотрели только задницу: на ней выпуклости и на этот раз отсутствовали. Меня быстро заставили одеться и пустили как по конвейеру к выходу.

И тут я решил осмотреться в этом жутком сборище скелетов и посмотреть, что же представляют из себя другие зэки.

Конечно, не дай Бог, такое увидеть нормальному человеку! Кожа и кости. И как только они ещё шевелятся? Наверное, и я был не лучше, но я-то себя со стороны не видел, а они - вот они, копошатся в лохмотьях живые трупы. Немцы таких в концлагерях сразу отправляли в крематорий, чтобы не мучились, а у нас от них ещё хотят пользу какую-то извлечь.

Среди доходяг много больных цингой и другими болезнями. Всех доходяг решено отправить этапом на основной сборный лагпункт для инвалидов, считающийся самым большим по всему Усть-Вымскому лагерю. Название ему «Зимка».

Тех, кто уже не мог сам передвигаться, по решению комиссии, активировавшей зэков, до Зимки отправили каким-то транспортом. Я попал в ходячую группу, так что пришлось добираться на своих двоих, в общей колонне.

Зимка оказался сельскохозяйственным лагерем № 8. И каждый из нас стал надеяться, что, если это сельскохозяйственный лагерь, то это уже само по себе спасение. Или шанс для спасения. Было что-то притягательное в слове «сельскохозяйственный», может, оттого, что большинство из нас были всё же крестьяне или пригородные жители, тесно связанные с землёй. Из земли мы вышли, к земле и тянулись, думая, что в ней наше спасение.

Лишь позднее, мы на своей собственной шкуре выяснили, что все известные нам лагпункты, со своими подкомандировками, в том числе и заранее произведённая в ранг земли обетованной Зимка, абсолютно одинаковы. Лагерный режим один везде и для всех. ГУЛАГ он на то и есть ГУЛАГ, чтобы зэкам жизнь раем не казалась.

Нет, пожалуй, я все же не прав. Жизнь здесь была хороша, по лагерным меркам, конечно, только не для всех, а для заключённых одной категории - для блатных. Здесь, в Зимке, они чувствовали себя настоящими хозяевами лагеря. Что скажут, так оно и будет, их слово - закон, в том числе и для лагерного начальства.

Таких доходяг как я, на Зимке и своих хватало, поэтому никому не были мы нужны и интересны. Но всё же нас разместили в отдельный барак, дали отлежаться, на работу не гоняли, брали трудиться только добровольцев.

Как-то нарядчик приходит к нам в барак и объявляет:

- Ну, фитили, есть лёгкая лежачая работа. Кто желает работать, того после рабочего дня будут сытно кормить.

Добровольцев сытно поесть нашлось много.

Работа заключалась в следующем: в большой теплице нужно было готовить к посадке торфяные стаканчики для рассады ранней капусты, затем, положив широкую доску поперёк неглубокой траншейки, лечь на доску и лёжа заполнять заготовленной питательной смесью пространство вокруг стаканчика с ростком капусты, делая нечто похожее на огородную навозную грядку.

Работа на первый взгляд лёгкая, кажется, лежи и делай дело прямо на боку. Но это только на первый взгляд так казалось, когда смотришь на работающего со стороны, а для доходяг это стало настоящей мукой.

Полежишь пару часов на боку и отключаешься. Ослабленному организму нужна разминка, а её не дают блатные, захватившие в лагере все «тёплые» посты, в том числе и в теплице. Им от нас нужна сдельная работа, поэтому и понукают нас пинками почём зря.

- Раз прислали работать, так значит, вы должны работать не абы кабы, а по стахановски, предатели!

И мы работали, надеясь на обещанный сытный ужин.

Но вместо этого, на вахте, из нас отобрали несколько человек, по мнению блатных плохо работавших, и отправили в штрафной изолятор.

Остальных, правда, хлебом накормили, из расчёта 400 граммов на человека.

После этого я сделал для себя вывод: чем так зарабатывать улучшенный паёк, лучше лежать в бараке и ничего не делать.

Однако на голодный желудок долго не поваляешься на нарах. И хотя бы в бараке было радио, что ли! Или книгу бы, где можно было взять. Даже местную лагерную газету почитать и то было бы интереснее жить, всё отвлечение от голодухи. Но ничего этого не было. Мы были лишены не только свободы, но и элементарной информации о жизни за пределами лагеря. Нас лишали права не только на жизнь нынешнюю, но и на будущую, если эта жизнь не закончится на лагерном погосте.

Мы были лишены всего и только наше прошлое всегда было с нами. В мозги к нам вертухаи войти ещё не могли, до этого они додумаются позже. И не с нами.

«Сельхозлагпункт Зимка» находился недалеко от железнодорожной станции, поэтому туда частенько приходили не только этапы с заключёнными, но и эшелоны с разными грузами, так что нарядчик частенько навещался к нам в барак, заманивая ээков на разгрузку вагонов, особенно с дефицитными продуктами.

Однажды, когда я немного очухался после ударной лежачей работы на капусте, нарядчик объявил, что нужно срочно разгрузить вагон с американскими галетами, консервами, колбасой и прочими импортными продуктами.

Опять набралась целая бригада, желающих хоть немного поесть во время или после разгрузки. Среди них был и я. Рискнул всё же ещё раз выйти на халявную работёнку.

Пригнали нас на станцию, вскрыли вагон, а там оказалась мороженая капуста вилками.

Деваться было некуда, нужно было разгружать.

Во время разгрузки кто-то с голодухи грыз мёрзлые листья, кто-то припрятывал листья под одежду, надеясь сварить их в бараке.

И те и другие оказались в проигрыше.

Первые, потому что простыли и заболели, вторые, потому что на вахте их обшмонали вертухай и отобрали всю капусту.

Заболел и я.

Отлёживаясь на нарах при высокой температуре, я стал чаще задумываться над тем, как же мне выживать в лагере дальше.

Днём прогуливался вдоль барака, если позволяло здоровье.

На дорожке мне как-то попался обыкновенный берёзовый веник, а недалеко от него валялась палка. Я взял веник и палку, и у меня получилась хорошая метла, сослужившая мне добрую службу.

Утром, когда заканчивается развод, почти весь лагпункт распределяется на рабочие места.

После развода нарядчик с вертухаями начинает зачистку в зоне, вылавливая всех отказников от работы и помещая их в штрафной изолятор, потом с ними начинается особая воспитательная работа.

В зоне становится тихо, словно она совсем обезлюдела.

Часа через два из своих барачков выползают доходяги, в поисках чего-нибудь съестного. Каждый из нас знает своё место.

Я, например, со своей метлой выхожу и подметаю дорожки, где у барачков находятся жилые кабинки лагерных придурков, шестёрок и прочих богатеёв. Одни из них работают где-то далеко за зоной, ходят на работу как вольняшки, по особым пропускам, без конвоя, другие и в зоне занимают хорошие должности, а, значит, и в столовой имеют блат, получают питание свыше арестантской нормы. Вот у них-то и приходится стараться подмести чище и лучше, за это можно получить что-нибудь поесть. Если повезёт, конечно.

Вот так у меня, благодаря метле, жизнь стала постепенно налаживаться.

Лучше всего я старался подмести у здания хлеборезки. Ясно почему. Но там меня заметил ссученный вор в законе и при первой же встрече наладил пендаря. Ему не нравилось, что я поднимал пыль своим веником.

- Больше - говорит. - чтоб я тебя здесь не видел, а то худо будет.

Но у меня иного выхода не было, и я снова и снова приходил к хлеборезке. Вор меня гонял, но не бил, пока однажды между нами не завязался разговор.

- Эй, доходяга! - спросил он лениво, покуривая самокрутку.

- Да. - ответил я и весь насторожился, готовясь к какой-нибудь пакости.

- У тебя какая статья? - всё также покуривая, продолжал вор.

- 58, пункт 1 б. - ответил я.

- Власовец, что ли? - удивился он.

- Да нет, просто был в плену, а потом работал у немцев на хозработках.

- А-а! - разочарованно протянул вор. - Я уж подумал, как это тебя к нам угораздило прибиться. Какой срок?

- Обыкновенный. Червонец.

- И сколько оттянул?

- Ещё и половины нет.

- Образование есть? - не унимался вор.

- Из десятого ушёл добровольцем.

- Знакомая картина. - хмыкнул вор.

Вот так незаметно мы и разговорились.

Он всё подробно расспросил обо мне, а я ему, не таясь, всё и выложил, уж не знаю почему. Может, от одиночества, может, оттого, что впервые кто-то поинтересовался моей судьбой не для протокола, а просто из человеческого любопытства.

Мне повезло, этот вор, по имени Серёга, оказался хлеборезом. И, Боже мой, он совершенно неожиданно предложил мне работу в хлеборезке! Я-то самое большое надеялся на мизерные подачки, а тут!.. Это была невысказанная удача! Я даже вначале не поверил в то, что вор берёт к себе в подручные меня, обыкновенного фраера, каковым я был по лагерному состоянию. Но видно бывают чудеса на белом свете. Бывают.

В лагере зэки хватаются за любую работу, лишь бы она приносила хлеб или иную еду. Лишь бы после неё можно было насытить свой вечно пустой желудок и прибавить к скудному рациону несколько десятков калорий.

Я, не раздумывая, согласился на предложение Серёги.

Работа моя была нелегальной.

Я приходил к нему в хлеборезку по ночам, чтобы никто не видел и не знал, где я работаю, Серёга закрывал меня на замок и уходил спать в барак.

По сути, я был его работником, его рабом. И оба мы были довольны нашей трудовой сделкой или трудовым договором.

За ночь я должен был нарезать и взвесить пайки хлеба на каждую бригаду. Взвешивать нужно было очень точно, грамм в грамм, иначе потом греха не оберёшься. Бригадные пайки поначалу обрастали небольшими хлебными довесками, а сам я к утру выматывался до изнеможения, но затем я быстро приноровился работать точно и

быстро. Хлеб резал уже на глазок.

Главное же для меня было то, что теперь я мог есть хлеб до сыта. За ночь я съедал несколько булок, поэтому за первый месяц работы в хлеборезке поправился на 17 килограммов. А за второй месяц ещё на 16 килограммов. За эти два месяца я набрал ровно половину своего довоенного веса. Можно представить, каким я был доходягой.

В лагере я заметил такую странную особенность: едва какой-нибудь доходяга попадает в сытное местечко - на кухню, в хлеборезку или ещё куда-нибудь, он начинает моментально полнеть. Он будет полнеть, даже если будет есть только одну баланду, но вдоволь. А я незаконно откормился в хлеборезке на хлебе, не на воде, поэтому понимал, что это мне даром не пройдёт. Я уже заметил несколько косых взглядов в мою сторону нарядчика и стал готовить себя к этапу на какую-нибудь Богом забытую и совсем пропащую подкомандировку. Я думал, меня ждала или же погрузка шпал в вагоны, или лесоповал, с лучковой пилой, или ещё что-нибудь в этом роде. Я не боялся ни того, ни другого, ни третьего, неведомого ещё мне. Впереди было больше половины срока и его нужно было прожить и выжить, надеясь только на самого себя. Я был уверен, что всё смогу пройти и выйду отсюда на свободу. Я верил в свою звезду, верил в удачу.

На зоне тоже бывают счастливые моменты, когда, как говорят, один смеётся, а девяносто девять плачут. Вот и мне, за три с половиной года жизни в лагере, впервые улыбнулось счастье, что совершенно невероятно с моей 58-ой статьёй. Наверное, это за мою веру в самого себя и в свою счастливую судьбу Господь порадовал меня.

***

Глава пятьдесят первая. «Тяжёлый труд».

Подходила весна 1950 года.

Начинался сезон сплавки леса. Зэки готовились к этапам.

Вскоре я попал на медкомиссию, где присутствующий начальник лагеря, едва взглянув на меня, пробасил:

- Хватит ему кантоваться без дела. Вишь, как отъелся!

И тут же медкомиссия дала мне заключение - «тяжёлый труд» и направление в лесоповальную бригаду.

Уже на второй день, под конвоем вертухаев, мы направляемся в инструменталку, берём лучковые пилы, топоры и, отшагав 10-12 километров, добираемся до места, где нам отводят делянки леса для сплошной вырубki.

Норма выработки на каждого зэка даётся по 5 кубометров. Бригадир, естественно вор, закрепляет за мной ещё двух сучкорубов и одного разряжовщика хлыстов.

- Вас четыре рыла. - ласково напутствует бугор перед работой. - Если не напилишь двадцать кубометров, сходу пойдёшь со всем звеном в штрафной изолятор.

Напилить это ещё полбеды. Нужно ещё и погрузить спиленное, на вагонке вывезти на верхний склад, на складе учётчик вовремя приёмки обязательно тебя надуёт на несколько кубов...

Одним словом, всё даётся с боем.

Сплошная вырубка леса это тоже не сахар для зэка, а большая беда. Да и не только для зэка, а и для всего живого вокруг.

В зоне вырубки вместе с лесом уничтожается всё: и мелкие речушки, и ручейки с озёрцами, и вообще вся лесная жизнь.

Особенно это заметно после работы заключённых.

Посмотришь со стороны на местность, где совсем недавно стоял сплошной лес, и кажется, будто в этих местах прошла стая гигантской саранчи. Всё уничтожено, изгажено, вытоптано...

Мы и не знали тогда, что такое экология, а ежели бы и знали, то всё равно о ней бы не думали. Нам важно было дать свои кровные пять кубов, чтобы получить пайку хлеба с баландой и не оказаться в штрафном изоляторе. Всё остальное было не для нас.

С каждого лагпункта, с каждой подкомандировки, с каждой бригады и от каждого в отдельности взятого заключённого требовалось выполнение дневной нормы, из которой складывался в целом его величество генеральный план ГУЛАГа. И мало кто задумывался, что всё это кем-то придумывалось и направлялось из единого всемогущего центра, озабоченного великой и всеобъемлющей идеей народного счастья. В том числе счастья для каждого из нас, умирающего в лагерях ГУЛАГа.

Так случилось, что я временно остался работать на старом месте. То есть, жил в том же бараке, но на работу ходил в лес.

Не только меня, но и ещё несколько десятков зэков, кому комиссия дала «тяжёлые работы», оставили в лагере для работы на лесоповале. Каждый начальник лагпункта, если он не враг себе, заинтересован в выполнении плана и потому оставляет для себя наиболее работающих и ухоженных, по лагерным понятиям, конечно, заключённых.

Оставшихся доходяг этапировали на 20-й лесосплавной лагпункт. Это был самый старый и самый крупный механизированный лагпункт в составе Усть-Вымьлага, способный принять и разместить до 15-20 тысяч зэков.

Он расположен на выгодном и удобном месте у побережья реки Вымь, притом находится в большом оцеплении опутанный со всех сторон колючей проволокой, протянутой на десятки километров, хорошо охраняемый вертухаями, оснащёнными всем необходимым на случай побега из оцепления или даже зоны.

На сплавной сезон 20-й лагпункт принимают не только своих местных зэков, их всегда бывает недостаточно, потому что много зэков гибнет в течение короткого времени, поэтому этапы поступают для

подкрепления со всего Союза, в основном большесрочники с 58-й статьёй, перемешанной разного рода ворьём всех национальностей.

За сезон лагпункт должен принять и отсортировать 500 тысяч кубометров леса, раскатать его по штабелям, согласно длины и толщины брёвен.

Дополнительно ещё нужно сделать годовой запас для двух крупных лесопильных заводов, для последующей распиловки брёвен на шпалы, доски, бруски и другие пиломатериалы.

Работы много. В зону каждый день приходят пустые и уходят гружёными эшелоны с лесом-кругляком, шпалой, пиловочником разного размера, рудничной стойкой и отправляются во все концы Советского Союза.

После ледохода, на всех больших и малых реках Печёрского бассейна, по высокой воде начинается срывка брёвен с берегов, где они заготовливались в зимний период. Их сплавляют до главной запани, где река перегораживается мощными тросами, с заранее изготовленными каркасами с бонами. По отведённому отверстию - воротами между каркасами, специальная бесконвойная бригада по потребности пропускает нужное количество кубометров леса.

Дальше лес сплавляется вниз по реке, проходит по коридору, отгороженному бонами, где на каждом мостике, уходящем далеко в воду, стоит ээк-сортировщик, который багром накалывает брёвна, нужные по размеру, и посылает их на бревнотаску. А таких бревнотасок сотни, поэтому и рабочей силы нужно очень и очень много, так что каждый начальник лагпункта обязан этапировать на эти работы всех, кто только может двигаться.

Люди, люди нужны! Рабочая сила.

Во время сплава зимний распорядок дня отменяется и вводится летний, штурмовой. Все на лесосплаве работают от зари до зари или просто-напросто круглые сутки.

Особенно трудно приходится вновь прибывшим заключённым из других областей. Люди настолько выматываются от тяжелейшей работы и от двенадцатичасового рабочего дня, от плохого питания, а в особенности от «белых ночей», от постоянного северного дня, без смены на ночь, от безумно светлого солнышка над головой, что быстро истощаются и физически и психически и, что часто бывало, накладывают на себя руки. Или хуже того, попадают под суд и получают дополнительный срок, да ещё по 58-й статье (если, конечно, её у него ещё не было до этого).

Судили ээков на сплаве за саботаж. И гибли они на лесосплаве больше чем на войне.

Странные были порядки в летнее время в лагпунктах. На работу и с работы ээки шли сами, без конвоя. Вместо них зверствовали блатные,

которым было доверено наведение порядка. Эти сволочи издевались над нами хуже любого зверя-начальника. За каждую мелкую провинность били нещадно и держали нас в постоянном страхе побоями.

Месяца через полтора-два и наша бригада загремела вместе с другими придурками на 20-й лагпункт.

За эти полтора-два месяца я уже дошёл до ручки и понимал, что мне необходима более лёгкая работа, если я хочу выжить.

Но так на этапе думали все.

Конечно, если посмотреть на нашу жизнь со стороны, может показаться, что я излишне сгущаю краски. Подумаешь, брёвна в штабеля катать! Разве вольняшки этим не занимаются по всей стране за деньги?

Конечно, занимаются. И хорошо при этом зарабатывают. И хорошо едят и хорошо отдыхают. А как и что едим мы? И сколько же мы работаем в сутки? И когда отдыхаем?

Двенадцать часов на ногах с багром в руках не только отощавшего зэка, любого богатыря с ног свалят.

А тут ещё и норма выработки идёт не индивидуально, а побригадно: все отвечают за одного и один за всех. Тут уж приходилось вертеться, чтобы норма всё-таки выполнялась при любых условиях, иначе конец будет всем.

Бригадир ставит самого сильного и ловкого работягу в начале бревнотаски, он без передышки насаживает на цепь брёвна, они поднимаются вверх, а там эти брёвна сбрасывают на штабеля, согласно размера и толщины. Дальше раскатывают, выравнивают и так продолжается 12 часов кряду.

По верху бревнотаски прохаживается бригадир со своими шестёрками, они свысока наблюдают за нами, им всё видно, кто как раскатывает брёвна. Не дай Бог, кто начнёт сачковать или уронит бревно между штабелями, тому не сдобровать! Отлупят дрыном, как скотину, и возьмут на заметку. А на вахте, после работы, по приходе в зону, сходу направят в изолятор: получай, работник, 300 граммов хлеба и кружку сырой воды.

Вот такими методами занимались «перевоспитанием» заключённых в исправительно-трудовых лагерях.

Каждое утро, во время раздачи хлеба, каждому зэку из бригады хочется полу-чить горбушку хлеба, а их на всю бригаду не хватает. Кому-то и серёdochка пайки достаётся. Вот здесь и начинает помощник бригадира спекулировать своим положением, потому что он является правой рукой своего отца-кормильца - бригадира.

Обычно помощник награждает горбушками хлеба своих подхалимов, тех, кто умеет ябедничать, кто угощает табачком, ну и, конечно, тех,

кто лучше работает. А если у тебя нет никаких талантов, получай пайку хлеба из серёдки, да ещё бывает и без довеска, который или потеряют в дороге, или же его просто кто-то съест у хлебозерки.

Порой такие страсти во время раздачи пайков разгораются, что ругань переходит в оскорбления и драку, в которой все подручные средства идут в ход. Из-за пайки хлеба готовы друг другу глотки порвать, убить и такие случаи зачастую бывали.

В разгорающиеся скандалы вмешивается наш бригадир татарин Ибрагим, рецидивист, его слово закон. Как он скажет, так и будет. Его помощники из блатных всегда и во всём поддерживают бригадира и стараются ему угодить во всём и везде: и в столовой, и при раздаче хлеба. За это он наградил их особыми правами на работе.

Сам бригадир не работает, его задача состоит в том, чтобы наладить весь процесс работы, для чего и нужны ему эти шестёрки, неотступно следящие за каждым зэком из своей бригады. Их общая задача заключается в том, чтобы дневная норма выработки была выполнена полностью и даже с небольшим перевыполнением плана.

Они нам говорят:

- Вы, мужики, фраера. У вас на лбу написано, что вам нужно пахать и пахать и не только за себя, но и за нас тоже.

Поэтому у каждого из них своё место на бревнотаске. На самом высоком сидит бригадир, как попка на вышке, только без винтовки, и наблюдает за каждым нашим движением и за всеми из бригады в целом. Никто никуда не смеет отлучиться, даже в туалете и то долго сидеть нельзя. Каждый должен раскатать брёвен столько, сколько ему сбросят с транспортёрной ленты и всё уложить в штабель.

У блатняков большие права над нами, политическими, даже больше, чем у нашего общего лагерного начальства. Они нас называют контриками, фашистами, троцкистами, бухаринцами и прочими лагерными матюгами.

Если бревно во время раскатки упадёт между штабелями, а такое бывает частенько, потому что брёвна бывают и совсем без коры, мокрые, скользкие, то тогда вместе с бревном могут и самого спустить между штабелями. Передвигаться по штабелю даже без бревна опасно, особенно доходягам.

Те брёвна, что падают между штабелями, обязательно нужно после смены вытаскивать всей бригадой, поднимать и укладывать в штабель. Это называется «зачистка» и работа эта тяжёлая и трудоёмкая. У кого из зэков больше всего падали за день брёвна, того блатные отводят в сторону и дубасят по чём могут. А хуже, лишают горбушки. За любую провинность блатные пускают в ход берёзовый дрын. Это их самое надёжное воспитательное орудие. И пока они этим орудием и другими своими подлыми методами не наведут порядок на участке, никто в зону не уйдёт.

А если обратишься в санчасть, и будешь предъявлять побои, как

доказательство твоей болезни и потому невозможности выхода на работу, то, по лагерным законам, побои не являются болезнью, и лагерный лепило, доктор, освобождение по ним не даст.

Чем сложнее становится обстановка в лагере, тем труднее в нём выживать рядовому зэку. И всё равно время неумолимо движется вперёд, как молодой росток, ранней весной пробиваясь на поверхность земли. День за днём, месяц за месяцем идут своей чередой, приближая окончание сплавного сезона. И вот он кончился.

Бесконвойные малосрочные бригады делают генеральную зачистку на больших и малых реках. Все брёвна, которые по большой воде были выброшены на берег, спихивают на воду, а дальше брёвна сами плывут по реке до главной запани.

Несмотря на все строгости режима, зачистка проходит абы-кабы, много брёвен ещё остаются на берегу, а также в реках, их называют топляками.

Топляки - это брёвна, завязшие в иле и устилающие дно в несколько рядов, не хуже чем в наших штабелях. Таким образом, малые реки, чудо северной природы, из года в год постоянно захламляются, загрязняются и в них гибнет всё живое. Топляки гниют, убивая своими гнилостными выделениями зарождающуюся после нереста в рыбьих икринках жизнь, убивая всякую растительность и живность на дне.

Собственно, как такового нереста в этих реках уже давно нет. Рыба, повинувшись инстинкту, идёт на свои нерестилища, а их и след простыл. Над ними слои брёвен и коры. Куда ей откладывать икру?

Всё последующее идёт до безобразия пошло и глупо: рыба мечет икру и молоку прямо в гниющие древесные отбросы, не понимая, что мальков из этой икры уже никогда не выведется. Или почти никогда.

Пока бесконвойные малосрочники ведут зачистку реки, мы, конвойные бригады, занимаемся на берегу другими делами, более важными.

Нужно освободить основные два троса, натянутые с берега на берег, к которым крепятся каркасы, сбитые из малых толстых брёвен и опущенных, вместе с тросами, на глубину до пяти метров.

В первую очередь тросы нужно освободить от крепления к каркасам, поэтому требуются водолазы, чтобы сделать эту опасную и технически сложную работу.

Здесь никакими угрозами зеков не заставишь лезть в воду.

Тогда лагерное начальство идёт на любую хитрость, лишь бы к заморозкам успеть закончить такую сложную операцию, как демонтаж запани.

В конце концов, находятся добровольцы, готовые за дополнительный арестантский паёк, кусок хлеба, нырять раздетыми в ледяную воду на глубину до пяти метров, чтобы освободить главные тросы от каркасов.

Когда это сделано, настает наша очередь.

Все доходяги из нескольких бригад вытаскивают из воды и тянут подальше от берега эти самые каркасы. А вместе с ними с полкилометра и стальные тросы.

Трос весом 50 килограммов один метр укладываем большими кольцами на специально приготовленные площадки до следующего сезона.

Доходяги зэки, полуголодные, полураздетые и полубосые, выполняли все работы исключительно вручную. И хоть бы один экономист описал и подсчитал, во что обходилась дармовая рабочая сила только на одном Усть-Вымском лагере, который давал в год стране 500 000 кубометров леса.

Вручную спилить с корня лучковой пилой лесину и сплавить её по рекам, выкатать в штабеля половину от этого леса, не потопленного в реке, отгрузить его в железнодорожные вагоны, платформы, пульмана, которые заходили под погрузку прямо в тупики запретной зоны 20-го лагпункта. Половину от выловленного леса пускали на распиловку на два мощных лесозавода, откуда затем получали готовую продукцию: шпалу, брус, доски. Всё это грузилось вручную и отправлялось во все концы Союза.

Если вначале лесосплава на берегах реки Вымь была почти девственная пустота, то в конце августа всё изменилось. На берегах были построены бревнотаски, правда, опустевшие к осени, и многочисленные штабеля брёвен. Людей на реке уже не было. Зэки закончили свою работу, и ушли на более важные объекты «народного хозяйства» всё под тем же конвоем, забыв на время дорогу на лесосплав.

Но ушли не все, наша бригада осталась.

Нам нужно разбирать завалы брёвен между штабелями и прокладывать тупиковые железнодорожные пути, куда будут подаваться вагоны и полувагоны для погрузки кругляка и отправки его по адресам, известным только начальству.

- Эх, - думаешь, иной раз, глядя на строящиеся пути, - вот бы по ним махнуть домой! И забыть про всё, что здесь было, к чёртовой матери, навсегда!

Но понимаешь, что этого сделать невозможно: ни махнуть домой, ни забыть лагерь и всё, что с ними связано.

Несмотря на то, что сплавная работа закончилась и река опустела, изуродованная многочисленными бревнотасками и штабелями, а теперь ещё и строящимися путями железнодорожных тупиков, народу всё же на берегах много. Остались бесконвойники и малосрочные бригады бытовиков, получивших сроки за растраты и другие незначительные проступки. Они, как и мы, делаем окончательную зачистку берегов реки. Через неделю-другую работы не будет и для нас, 20-й лагпункт закроют за ненадобностью.

Расформировывающуюся временную штатную единицу лагерное начальство начинает готовить к этапам в разные лагпункты дальше на север, где будет проходить зимняя заготовка леса на следующий сплавной сезон. Пройдёт немного времени и для зеков всё начнётся сначала: валка леса в снегу, транспортировка его на склады, затем весной сплав по реке и снова бревнотаски, штабеля и тупики железнодорожных путей летом и осенью. Жизнь в лагере продолжается по своим законам и у неё свой особенный календарь для отсчёта времени - календарь физического уничтожения униженного несправедливым наказанием заключённого каторжным трудом и голодом.

Нашу бригаду оставили для обслуживания пилорамы. Работа, как и на лесосплаве, в две смены по 12 часов. Работа тяжёлая. Я за лесосплав дошёл до такой степени истощения, что едва передвигал ноги и любой труд был для меня пыткой.

В сентябре на севере уже начинаются холода, часто идут дожди с мокрым снегом, а по утрам заморозки, от которых все лужи покрываются тонким ледком. На пилораме кругом сквозняки, потому что всё сделано для временной работы, на скорую руку, никто не думал о людях и технике безопасности, сооружая это чудо современной лесной промышленности.

Наш бригадир Ибрагим, куда меня не поставит, везде мне трудно, везде я не могу выполнять работу - сил нет, а отказываться от работы нельзя, страшно. На вахте, таких горе-работников как я, отбирают и сдают в изолятор. А в изоляторе мало того, что морят голодом, так ещё и вертухай отлупят. А уж эти звери знают, как бить, чтобы следов не оставалось.

Из работы в этой подкомандировке я сделал вывод, что никаким соцтрудом доходягу не исправишь. В особенности теми воспитательными методами, которыми пользовались вертухай и блатные, поэтому я своему бригадиру так и заявил:

- Ты видишь, какой из меня работник. Ты можешь меня хоть сейчас убить, хоть потом, но никакую работу я выполнять уже не могу. Всё, баста! Больше не могу.

Тогда Ибрагим идёт на хитрость, чтобы не впутывать себя в неприятную ситуацию даже в том случае, если меня и прикончит кто-нибудь «невзначай» за мою «лень». У него срок кончается и скоро ему на свободу. Зачем осложнения напоследок? И его понять можно.

Ибрагим ставит меня на лёгкую работу: грузить и отвозить на тачке опилки из-под пилорамы. Отвозить их не так далеко, но есть в этом деле маленькая хитрость, нужна хорошая изворотливость и приличная скорость. Пока ребята отвозят горбыли в сторону, мне нужно собрать и отвезти свои опилки, не успел - пеняй на себя.

Костёр в лагере - хорошее дело для зека. Он притягивает к себе

голодного доходягу как магнит. И стоит только лишнюю минутку задержаться у костра, как опилки переполняют всё вокруг пилорамы, а кроме меня никто не будет их отгребать.

Видя опилки, пилорамщики начинают поминать меня трёхэтажными матами, а если и это до меня не доходит, то набрасываются с дрынами.

Говорят:

- Если тебя поставили на опилки, то душа из тебя вон, а свою работу делай вовремя. Мы за тебя не ответчики.

В тот первый свой день на опилках я получил немало пинкарей и зуботычин от блатных и было их столько, что я даже не помню, как пришёл в зону. Очнулся в изоляторе. Попал в него еле живой, как отказчик от работы.

На другой день утром, как всегда подъём, как всегда получил свою штрафную 300-граммовую пайку, пол-литра холодного кипятку и бегом на развод.

На работу я не иду, потому что не могу. А раз не могу, значит, я считаюсь отказчиком, и мне предстоит крутой разговор с начальством.

Меня, и ещё несколько таких же, как я доходяг, доставляют на разборку к самому начальнику лагеря.

Когда дошла моя очередь в кабинет вершителя судеб, то вся воспитательная работа ограничилась пренебрежительным взмахом руки в мою сторону.

И я, и нарядчик лагеря всё поняли без слов. Значит, меня нужно отправлять этапом в другой лагпункт, потому что толку от меня здесь уже не будет. Вот только куда меня отправят? Куда?

Хотя лагерный режим был везде одинаково жесток, начальники всех лагерей спешили избавиться от доходяг на последней стадии их существования, чтобы статистика падежа в самой зоне не была устрашающе высокой. Если зэк умрёт на этапе - это одно, а в зоне - совсем другое дело. На этапе всё можно списать на попытку к побегу или ещё какую-нибудь неожиданность: болезнь, несчастный случай...

Была уже послевоенная пора, прошли годы различных чисток, захвативших и карательные органы, и, возможно, некоторые начальники лагерей прекрасно понимали, что когда-нибудь и им придётся держать ответ за все те зверства, что творились под их началом и старались в официальных документах показать цифры более благоприятные для себя, чем они выглядели на самом деле.

В лагерях ГУЛАГа тоже бывали счастливые моменты в жизни зэков, Такой счастливый билет достался в тот раз и мне: я снова попал в сельхозлагерь «Зимка №8», где-то в районе реки Весляна.

По прибытии медкомиссия определила меня в инвалидную бригаду. Вначале эту бригаду не тревожили, давали возможность пройти лагерный карантин. И это было уже хорошо.

Нас разместили в старом бараке доколхозной постройки, наполовину

врытый в землю, с двухэтажными нарами, с двумя дверями с торцовых сторон, двумя печками из железных бочек. Посреди барака находился один длинный стол. Под потолком тускло светили две электролампочки. Они были, скорее всего, для показухи, потому что свет в бараке часто отключался и мы продолжали копошиться в темноте, чиня свою одежду на ощупь, а большей частью старались спать в это время. Хотя те, кому нужно было срочно что-то сделать или починить, ухитрялись это делать при лучинах или делали для освещения нечто наподобие коптилок.

Да свет нам совсем и не нужен был. Мы жили в темноте, как кроты в норах, потому что достаточно хорошо изучили своё место на нарах и всё в своём закутке делали на ощупь.

Место в бараке на нарах мне досталось подходящее, рядом с пожилым человеком, добрым и негрубым дядькой.

После этапа я первые дни всё время отлёживался на нарах, приходя в себя, набирался потихоньку сил. Никуда не выходил сутками, молча лежал, смотрел на потолок, по которому ползали наши злейшие враги - клопы и тараканы, потом постепенно разговорился со своим соседом.

Он оказался долгожителем этого барака. Почему-то на этап из этого лагпункта его не назначали, и он многое мне порассказал о порядках, царивших здесь.

Вообще он оказался разговорчивым, культурным человеком, чувствовалось, что он из настоящей интеллигентной семьи.

Когда мы убедились, что к числу стукачей не относимся, то есть, поверили друг другу, наши беседы стали затягиваться допоздна или же до тех пор, пока нас кто-нибудь не прерывал.

Он был из тех людей, которые не приняли советской власти, за что и поплатился заключением в концлагерь.

Его жизнь была не менее причудлива, чем моя, но только более продолжительна и изобиловала многими интересными событиями.

После гражданской войны, в которой он не принимал участия на стороне воюющих армий, ему пришлось эмигрировать на чужбину. Кто-то из эмигрантов обосновался в Манчжурии, кто-то Китае, а кто, более состоятельный, тот махнул ещё дальше. Мой сосед по нарам, я называл его господин Профессор, остановился в Харбине. Вначале ему казалось, что это временное пристанище, но затем он понял, что останется здесь навсегда.

Первое время, как и всем русским эмигрантам, ему было трудно прижиться на чужбине, пришлось немало перенести неприятностей, оскорблений и унижений со стороны местных властей, но он смог всё вынести и даже достичь определённого благополучия. Постепенно всё обустроилось, появилась семья, получил хорошую преподавательскую должность в самом Харбине, одним словом, за годы вынужденной эмиграции, он смог приобрести всё, что нужно для человека и его

семьи, чтобы жить в спокойствии и относительном достатке.

Всё закончилось в 1945, с приходом в Харбин Советской Армии.

Всё сразу и вдруг изменилось в худшую сторону.

Работники особых отделов армии и НКВД, взялись за своё дело рьяно.

В первую очередь хватали бывших офицеров царской армии и белогвардейцев. Затем дошла очередь и до простых эмигрантов. Начались повальные обыски и аресты всех более или менее состоятельных русских граждан. Их вылавливали как шпионов и агентов иностранных разведок, потенциальных диверсантов и убийц, поэтому без суда и следствия сразу отправляли в самые дальние и страшные лагеря без права переписки со своими родственниками.

Мой Профессор, а он действительно был профессором какого-то заграничного университета, много рассказывал всяких забавных историй из своей жизни. Он явно нуждался в слушателях, наверное, потому, что в своё время привык много говорить своим студентам на лекциях и теперь испытывал профессиональную потребность к рассказыванию. Этим мы с ним немного отвлекались от жестокой жизненной прозы. Он, уходя в воспоминания о прошлом, я - получая информацию о неведомом мне мире.

Я с превеликим удовольствием слушал своего Профессора, пока моя голова не туманилась сновидениями и я не погружался в глубокий сон. На удивление, я спал в те дни так крепко, что даже не чувствовал, как меня грызли клопы.

В подробности жизни Профессора я не вникал, это в лагере не принято. Если что-то человек хочет тебе рассказать о себе, то он и так расскажет, а если он молчит, то и спрашивать ни о чём не стоит. Ещё подумает, что ты стучишь на него.

Из всего рассказанного Профессором я понял, что наши власти за что-то уж очень сильно были злы на него и постарались так его запрятать, чтобы никто и никогда уже его не нашёл. Срок ему не был определён точно, считалось, что ему дано пожизненное заключение, хотя и статьи-то такой не было в Уголовном Кодексе, но, тем не менее, Профессор сидел и считался в этом лагере долгожителем неспроста. Не зря, наверное, его не брали и на этапы. Простым зэкам начальство больше двух лет на одном месте засиживаться не даёт. Прошёл год - собирайся на этап. А это самая настоящая трагедия для доходаги!

Из-за своей неопределённости в положении в лагерном табели о рангах, и, особенно, из-за принадлежности к профессии - он был юристом, Профессор пользовался большим авторитетом среди заключённых. К нему постоянно приходили зэки и просили составить письма, прошения, жалобы...

В основном это были заключённые «бытовики», осуждённые за всякие мелкие уголовные преступления. Профессор давал им советы, писал жалобы в Верховный Совет или другие государственные

учреждения и кое-кому эта писанина даже помогала.

Мне он ни разу не предложил написать куда-либо, потому что и он и я прекрасно знали, что с моей статьёй писать письма и жалобы бесполезно.

С 58-й статьёй надежда была только на самих себя, на своё здоровье и лагерное везение. Естественно, чтобы выжить в зоне, нужно было работать. Работа - вот что давало надежду. Недаром воры про нас говорили:

- У вас на лбу написано только одно: «Работать»!

Мне, конечно, очень повезло с этим человеком, что я с ним близко сошёлся. И, хотя я был уже не новичок в лагерях, уже шёл седьмой год моих мытарств по разным лагпунктам, всё же знакомство с ним мне многое дало, в понимании происходящего вокруг нас, и с нами самими.

На работу мы с Профессором ходили вместе. Мы заготавливали компост для капустной рассады. Делался компост просто: торф и земля в определённых пропорциях перемешивался и отвозился на поля, где и росла капуста.

Рядом с нашей зоны были огромные поля этой капусты. Осенью зэки рубили капусту и переносили в помещения, где другие зэки занимались её сортировкой: верхние зелёные листья обрезали и пускали в квашение для зэков, а хорошие вилки шинковали и заполняли ими большие деревянные чаны - это для начальства и всей лагерной obsługi.

Шинкование капусты доверялось не всем. Боялись не только воровства продукта, а всяких гадостей при засолке. Но как не старались, как не отбирали своих людей среди зэков, воровать всё равно воровали, а чем солили капусту для начальства - об этом знали только сами засольщики.

Воровали и мы с Профессором.

Я свою добычу сразу же передавал ему, потому что только он мог, каким-то образом, пронести через вахту целые вилки капусты.

В бараке уже я брал на себя обязанности кашевара и буквально не отходил от печки, пока в котелке варился наш ужин. Отойдёшь - всё украдут вместе с котелком и концов потом не найдёшь.

Вот так мы с ним готовили дополнительную противоцинготную баланду и были этому очень рады.

Конечно, в период заготовки капусты жилось в лагере несколько сытнее, чем в остальное время, после окончания квашения капусты начинались трудности. Но всё равно мы ухитрились пробираться в зону, где росла капуста.

После уборки кочанов в земле оставались кочерыжки. Эти кочерыжки я выкапывал из-под снега в начале самых первых заморозков и припрятывал в укромных местах, а затем, если их не сопрут другие, такие же голодные зэки, я относил их Профессору, знающему как пронести их в барак.

В бараке я разделявал кочерышки, отделяя съедобное от несъедобного. Съедобное шло в котелок, а несъедобное отдавалось лежащим инвалидам. Им всё негодное было годным, потому что только зубы у них и оставались здоровыми, способными перегрызть любую съедобную вещь. Им только дай!

Дальше шёл процесс варки и затем поглощение капустной баланды, которую мы называли «противоцинготная настойка».

На работу нас водили вертухаи через посёлок. На это было специальное указание от начальника лагпункта. В этом посёлке жили в подавляющем большинстве работники НКВД и весь обслуживающий лагерный персонал.

В центре посёлка над всеми домами возвышался двухэтажный деревянный дом. Это было Управление всего Усть-Вымского лагеря. Вот здесь, в конце 1952 года, на самом видном месте были вывешены большие плакаты с карикатурами на врачей-вредителей и шпионов, хотевших отравить всё наше доблестное советское правительство и лично самого вождя всех народов товарища Иосифа Сталина.

Этой показухой лагерное начальство хотело нам, зэкам, доказать, что органы НКВД и МГБ работают бдительно, и что всем врагам народа на воле будет такой же конец, как и нам, сидящим в лагере.

Но только недолго длилось наше хождение через посёлок, не долго суждено было висеть и лживым плакатикам на здании Управления лагерем.

***

Глава пятьдесят вторая. Смерть вождя.

В марте 1953 мы узнали о смерти Сталина.

В этот день нас, заключённых, выгоняли на работу, как в обычные рабочие дни. Во время развода между бригадами пошёл разговор, что нужно как-то отметить это знаменательное событие, но как?

Зэки, долго не думая, начали принимать решения самостоятельно, разбегаясь по баракам. В течение нескольких минут половина исчезла.

В это время начальство, понимающее, что смерть вождя может вызвать любые беспорядки, усилило охрану, но всё напрасно. Эта мера была слишком запоздалой, хотя нарядчики и их своры, настоящие цепные псы, кинулись вылавливать «отказников» по всем щелям и норам.

В бараках началась бойня.

Но если раньше зэки безропотно сносили побои, то здесь драки переросли в самую настоящую поножовщину. Зэки пустили в ход всё, что у них было под руками: ножи, табуретки, доски... Однако силы были неравны. У нападавших, кроме кулаков и дубинок, было ещё и стрелковое оружие. Вызвав подкрепление, они довольно быстро расправились с бунтовщиками. Среди заключённых были убитые, были и раненые и больше всего, почему-то, среди пострадавших оказалось

зэков с 58-й статьёй. Наверное потому, что среди нас политических было гораздо больше, чем вора.

И вот тут мне приходит на ум горестная мысль: как же так вышло, что мы, большинство лагерных жителей, не смогли постоять за себя, не смогли скрутить блатную погань и загнать её под парашу? Наверное, этого не произошло потому, что среди нас, политических, политиков настоящих и не было. Не было вождей и лидеров, способных сплотить вокруг себя людей, дать им выстраданную идею и направить всех нас в нужное для её претворения в жизнь направление. У нас не было общей идеи, сплачивающей людей в группы и партии, идеи, ради которой можно было бы и умереть, но скрутить эту блатную мразь в трубочку.

Так, знаменательная дата смерти вождя народов, была отмечена нами 5 марта 1953 года.

С вышек, где стояла охрана, для страховки пустили по баракам несколькими очередями из пулемётов и автоматов. Затем перекрёстным огнём загнали всех в свои стойла, большинство сразу же залегли под нары, наиболее безопасное место при обстрелах и притихли, ожидая следующих действий вертухаев.

Вертухай не заставили себя долго ждать.

После затишья, вертухай, а вместе с ними и преданные им придурки, стали взрываться в бараки и выгонять всех без исключения на мороз. Кто не мог или же не хотел идти, тех за руки и за ноги вытаскивали из-под нар и, наподдавав, выпинывали на проверку.

В присутствии всего лагерного начальства и всей охраны, проверка продолжалась весь день.

Кое-кого из подозрительных сразу же уводили и выстраивали отдельно от всех, мы понимали, что их ждёт штрафная подкомандировка, где они будут пилить лес и прокладывать через болота лежнёвые дороги. Им не завидовали.

После проверки нас побригадно снова загнали по баракам, а после отбоя, во время сна, расталкивали и выдёргивали на допрос к лагерному куму, выискивать и вычислять зачинщиков смуты.

И они нашли виновников.

Обычно к куму вызывали по ночам, чтобы соседи не знали, кто стучит в бараке. Но... В зоне невозможно что-либо долго таить. Дневальный по бараку прекрасно знал, кто и где спал, и всегда, по требованию кума, поднимал нужного ему человека в нужное время. Дневальный же утром и рассказывал, кто, куда и зачем ходил. Дело в том, что дневальные всегда назначались самими нарядчиками, ссученными ворами в законе, и поэтому обязаны были всё ему докладывать.

Бараки на Зимке, лагере для ссученных воров, были большими, с двумя железными печками-бочками в разных концах полуподземных

строений, поэтому в помощь к дневальному, обычно, прибывались прикормленные шестёрки с бытовыми статьями, делающими за дневального всю черновую работу. Обычно шестёрки были педиками и выполняли роль женщин при воре-дневальном, почему их и называли девками.

В ту ночь попал на приём к куму и я.

К тому времени срок до освобождения, со всеми зачётами, у меня оставался чуть больше года, поэтому на допросах с оперуполномоченным я всячески старался правдоподобно уйти от ответов на все его вопросы: ничего не знаю, ни с кем никаких отношений не имею, хочу свои последние месяцы честно отработать и выйти на свободу с чистой совестью. Как меня не запугивал кум, ничего у него со мной не вышло. Я был упрям, как осёл и всё время твердил одно и то же: не знаю, не видел, хочу на свободу с чистой совестью...

Кум был человеком сообразительным, он понял, что я действительно хочу дожить среди своих товарищей до освобождения без проблем и больше меня к себе не вызывал.

А те, кого вызывали, по возвращении в барак обязаны были рассказывать дневальному всё в подробностях, о чём они шептались с кумом. Если кто что-то утаит или соврёт, то тогда несдобровать нечестному зэку. Дневальный, тёртый калач, видит каждого заключённого насквозь. Он по глазам твоим читает всю правду о тебе и знает заранее все твои мысли. От вора в бараке защиты не найдёшь. Нет, он сам тебя трогать не будет, тебя забьют до полусмерти его девки-шестёрки.

Лагерный порядок в зоне очень строгий. Его жестокие законы соблюдались беспрекословно и абсолютно всеми. И уйти или как-то затеряться в лагере было просто невозможно.

Едва только прослышим о новом этапе, как воры уже знают всех своих «знаменитостей» из него. А как только притопают зэки в зону, уже через день-два шестёрки всё обо всех визнают: кто, откуда, по какой статье сидит, какой срок... После этого всё докладывают пахану и уже тот решает, какой будет жизнь того или иного зэка в нашей зоне. И никакое начальство тебя уже не спасёт, если пахан найдёт тебя чем-то негодным к его лагерному двору.

До 1949 года, от 18 лагпункта, куда меня привезли в 1946 году в столыпинских вагонах из Башкирии, я успел побывать на всех безымянных штрафных подкомандировках. За это время пришлось попробовать вкус тяжелейших лагерных работ на лесоповале, на прокладке автолежнёвых дорог, через непроходимые топкие болота, на заготовке торфа...

На всех рабочих участках нормы выработки были очень высокими.

Несмотря на то, что рабочий день длился по 10-12 часов, нормы не выполнялись на 100 % и, естественно, пайка хлеба не вырабатывалась, а миска баланды из чёрных листьев мороженой капусты или такой же брюквы, заправленной вонючей солёной килькой, организм зэков не устраивал. Чтобы жить и работать нужно хотя бы 2000-2500 килокалорий, а нам доставалось вполонину меньше.

Возможно, что норма питания была гораздо больше, но по дороге до нашего желудка всё разворовывалось начальниками всех уровней: начиная от начальника лагеря и кончая последним блатным придурком, пристроившимся у котла на кух-не.

Вот и получалось, что наш организм медленно съедал сам себя.

Настоящими убийцами были и зимний мороз, и летняя мошкара, и комары и оводы. Лесная нечисть была не только в тайге, но и в бараках. И это было ужасно! От этих тварей доходяг в лагерях только прибавлялось.

После смерти Сталина с Управления лагерем были сняты все плакаты-карикатуры и нас перестали водить через посёлок. А вскоре исчез из лагеря и его начальник. Пошли упорные слухи, что его арестовали и вскоре расстреляли. То-то было радости в лагере! Отлились кошке мышкены слёзки!

Ободрились не только здоровые зэки, но и конченные доходяги-инвалиды. Все головы подняли разом, повеселели. И все ждали каких-то радостных перемен, особенно разного рода воря, у них-то большинство имели бытовые статьи и они с нетерпением ждали амнистии по случаю кончины вождя, убеждённые в том, что уж кого-кого, а их-то освободят в первую очередь. И они оказались правы. Летом 1953 года была амнистия. Кое-кому она запомнилась на всю жизнь.

***

Глава пятьдесят третья. Новые времена.

Когда после освобождения блатные проезжали по железной дороге, то на всех станциях и полустанках они устраивали самые настоящие погромы. Разлетались вдребезги продовольственные ларьки, большие магазины опустошались, как после налёта саранчи на возделанное поле.

Через месяц-другой амнистированные блатные опять стали попадать к нам, иногда даже в те же лагеря, из которых были освобождены всего несколько недель назад. Но статьи у многих были уже другие, в основном возвращались осуждённые за разбой, грабёж и бандитизм. Вот так они перевоспитывались в наших лагерях, под покровительством лагерного начальства.

Бандиты выходили из лагерей и снова возвращались сюда же, а мы, осуждённые по 58-й статье, как продолжали тянуть зэковскую ямку,

так и тянули её, несмотря ни на какие перемены в государстве.

И, тем не менее, перемены ощущались и у нас. Хоть немножко, хоть совсем-совсем незначительно, но ощущалось лёгкое потепление в отношении к политическим заключённым почти везде.

В зоне на Зимке, в железнодорожном районе, появилась лагерная комиссия. Члены комиссии начали с вопросов к зэкам:

- Какое к вам отношение со стороны лагерного начальства по бытовым вопросам?

Наивность задающих вопросы поражала. Какой же зэк добровольно будет стучать на своего начальника? Что, ему своя жизнь не дорога? Все молчали или отвечали уклончиво. Правду говорить боялись все. В то, что в лагерях что-то коренным образом может измениться, не верил никто.

Конечно, бывали и исключения, но, начальники, сразу после отъезда комиссии, давали понять, кто есть кто в ГУЛАГе и как нужно относиться к начальству, как его нужно любить и почитать, если ты есть зэк, желающий выжить в зоне.

После отъезда комиссии, всех, кто давал правдивые показания, вызывали к вертухаям, делалось это обычно по ночам, и те избивали непокорных и слишком разговорчивых до полусмерти.

После ночного допроса про таких зэков обычно говорили:

- Жить будет, но недолго.

Да и какие могут быть жалобы от зэков членам комиссии, что они сами не видят, что твориться вокруг? Я думаю, что это у них просто такой приказ был, отрапортовать наверх о проделанной работе. А может, просто таким изуверским способом хотели ещё раз унижить и запугать людей, сидящих в лагерях, сделать их окончательно полными ничтожествами и на этом самым возвыситься в своих собственных глазах? Или потому, что с запуганным человеком, как с животным, легче творить всё, что угодно?

Всё-таки после смерти изверга и расстрела его покорного пса - Берия, начались изменения в нашу пользу.

Самое главное было то, что всех зэков расформировали и расселили в бараках по статьям Уголовного Кодекса. Всех блатных от нас перевели, стало меньше воровства, драк и издевательств над политическими. Но в каждом бараке главным всё же остался вор в законе. От него по-прежнему зависело спокойствие в бараке и порядок. Он оставался хозяином положения. Но мы понимали, что это ненадолго, все стали надеяться, что придут скорые изменения. Придут!

Придут.

Я постепенно очухался, окреп и стал твёрдо держаться на ногах после своей «антицинготной баланды», приготовленной из капустных кочерыжек. Окреп настолько, что когда вновь попал на комиссию и с меня, в очередной раз, спустили штаны, чтобы посмотреть на мою

задницу, то оказалось, что ягодицы мои вполне округлились для того, чтобы я вновь был назначен на «тяжёлый труд».

Начальник лагеря, осмотрев мои обнажённые сокровища, говорящие о моей работоспособности, только и сказал:

- Хватит сачковать!

И одним росчерком пера отправил меня на лесоповал.

Работал в звене сначала сучкорубом, потом раскрывёвщиком хлыстов.

Работа была знакомая: срубить дерево, очистить его от сучков и веток, погрузить на тележку и отправить на верхний склад. На звено из четырёх человек нужно было напилить 20 кубометров леса.

В нашем звене подобрались хорошие ребята, все бывшие солдаты-фронтовики, молодые парни, все осуждены по 58-й статье. Все доходяги. Работали безотказно, до потери сознания, но теперь уже знали точно, что если перевыполним норму, то за свои кубометры хоть что-нибудь получим.

И действительно, в конце месяца мы получали хоть небольшой, но заработок. На эти деньги я покупал только хлеб, да и не только я, так делало всё наше звено. Хлеб в лагере всему голова, хотя и было неизвестно, из чего его всё же пекли, с какими добавками к муке.

После первой полочки мы поняли, что наше спасение только в труде, на другое мы, зэки с пятьдесят восьмой, не способны.

Ещё применили зачёты. Суть их заключалась в том, что если ты будешь хорошо работать, выполняя и перевыполняя план в кубатуре, то за выполнение плана тебе минусовали срок по дневной норме перевыполнения. Это было тоже новшество, которое было для нас хорошим предзнаменованием. Поэтому, как бы тяжело не было, все свои мощности отдавали, чтобы напилить 20 кубометров каждый день.

Так мы проработали вместе несколько месяцев.

Работа на лесоповале считается наиболее тяжёлой и опасной из всех работ в зоне, не зря только здесь применили зачёты. Для нас, заключённых, никаких мер безопасности не предусматривали и никто их не соблюдал. Для лагерного начальства нужны только кубометры, а для зэков любые новые строгости и порядки могли бы перерасти в лишнюю меру издевательства. Поэтому мы молчали, когда пару рукавиц-верхонок получали всего лишь одну на три месяца, а их хватало всего дня на три, когда работали без касок, когда мы сами или наши товарищи попадали под падающие деревья или просто замерзали в снегу без одежды. Мы молчали, когда среди заключённых каждый день были жуткие несчастные случаи.

Помню, в нашем звене произошло ЧП. Во время валки сосны сухой сук обломился вверху, упал торцом вниз и угодил вальщику прямо в голову.

Окровавленного, не приходящего в сознание, доставили мы его на верхний склад, а что стало с ним дальше - уже не наше дело. Наше дело - работа. Дальше есть кому с ним разбираться, если парень будет жив. А если умрёт, у начальства одна отписка - «застрелен при попытке к бегству». Дальше - «выбыл по литеру «Б».

Что такое литер «Б»? Это только одни зэки знают.

После этого несчастного случая, звено из 4 человек пришлось возглавить мне. Это очень ответственное дело, потому, что каждый день нужно вручную, лучковой пилой напилить более 20 кубометров, обрубить все сучья, раскряжевать на соответственную длину, погрузить на тележку, вывести и сдать на верхний склад. Да ещё при всём при этом не дать себя обмануть приёмщику. И всё это висит на мне одном, на звеньевом.

На этой работе, пока сделаем норму, так умотаемся, что вертухаи нас еле живых пригонят в зону. И так каждый день, да ещё пешком туда и обратно больше девяти километров по снегу. Пайка хлеба и баланда из тухлых рыбьих голов не сильно-то помогают при такой нагрузке на организм. Если не будешь иметь прибавку к пайке, быстро снова окажешься в инвалидной бригаде, поэтому весь заработок уходил на хлеб.

Работа наша была так тяжела, что все зэки в зоне стремились от неё увильнуть. А если кого насильно пригонят в лес, то толку от таких мало. Через некоторое время эти «работнички» оказывались в изоляторе, а там два-три раза побудешь и хана тебе. Дорога на помойки обеспечена. Добыча еды вместе с крысами - конечный маршрут лагерных доходяг.

В лагерных бараках, да ещё на верхних нарах хорошо думается «за жизнь». Лежишь, никто тебе не мешает, даже клопы меньше кусают, чем обычно. И бывают такие моменты, когда вместе с тобой в полной тишине свои горькие мысли думает целый барак.

Особенно такое бывало после события 6 марта 1953 года. Этот день, как самое сильное землетрясение, вошёл в наше сознание, дал нам почву для размышления. Да разве только нам одним? Всему ГУЛАГу и всем его начальникам было о чём подумать на досуге. Кое-кто из начальства, наверное, подумал, что пора произвол в лагерях обуздывать. Пора.

Действительно, вскоре вожжи террора поослабли и на лесоповале дышать стало чуточку легче. Можно было заработать сотню рублей на хлеб, а за перевыполнение плана шли ещё и зачёты, для зэка эта была реальная возможность быстрее выйти на волю.

Для меня же наступил самый сложный момент, как исхитриться и сделать так, чтобы, выполняя и перевыполняя план «тяжёлого труда», снова не дойти до истощения и не попасть в инвалидную бригаду.

Я уже доказал всем, что за смену могу напилить до 25 кубометров

леса и отвезти его на верхний склад. У меня оказалась хорошая бригада настоящих работяг, доверяющих мне. Я им сказал:

- Раз нам не суждено было на войне искупить свою вину перед Родиной, давайте искупим её на трудовом фронте.

За свою семилетнюю отсидку, я кое-что изучил в лагерной жизни и знал кое-какие тайные пружины её механизмов, дающих большие возможности для достижения своих целей.

Я договорился со своими работягами, что с каждой получки, каждый из них отдаёт мне десятку «на лапу» бригадиру, чтобы тот за это выделял нам «пасеку» с хорошим лесом. Если так будет всегда, то мы сможем укладываться в норму выработки и заработаем себе на хлеб и на зачёты. Это понимали все и все дружно отдавали свои червонцы на взятку бугру.

В лагере приходится идти на всякие мелкие сделки с совестью, лишь бы выжить. Нужда заставляет. Пришлось и мне идти на приём к нашему начальнику лагпункта, выпрашивать письменное распоряжение, чтобы в ночное время мне было официально разрешено приходить на кухню к шеф-повару, выполнять какую-нибудь подсобную работу, за которую будет выделяться дополнительная рабочая пайка.

Пайка, конечно, сказано громко. На кухне, за подсобные работы во внеурочное время, давали всё, чем можно было набить желудок и многие, работающие там, были рады этому. Такой порядок существовал в лагере «для своих людей» давно, но с приходом нового времени в «свои люди» стали попадать хорошие работяги с лесоповала. Я это знал и решил воспользоваться этим.

Мой расчёт был верен. В каждом лагпункте есть работники, у которых есть своя основная и ответственная работа, за которую очень строго спрашивают с самого начальника лагеря. Ответственнее, чем работа нашей бригады на лесоповале в лагпункте не было. Мы должны были давать в день по 200-300 кубометров леса, поэтому начальник шёл навстречу звеньевым-вальщикам, давая им держаться, по лагерным меркам, конечно, на хорошем физическом уровне, лишь бы план в целом по лесу на его участке выполнялся.

Начальник лагпункта за выполнение плана тоже хорошие деньги получает, только какие - мы не знаем. Да нам это и не нужно знать. Для нас всех и для меня лично было важно за хорошую работу иметь постоянную возможность получать доппаёк, заработанный подработкой на кухне.

Время выдачи денег в конце месяца было особым. Каждый уже в уме подсчитывал, сколько он заработал и куда потратит заработанное.

В день выдачи денег все толпятся у кассы. Вместе с работягами тут

же отираются и блатные, требующие у мужиков свои воровские, положенные.

Отдают все. Быстро и безгласно отсчитывают какую-то сумму денег вору в законе и тут же уходят. Уходят, потому что стыдно за самого себя, отдающего свои кровные деньги бандитам. А что делать? Не отдашь, наживёшь на зоне кучу неприятностей, если вообще не порешат за строптивость. Зажмут тут же у кассы, намнут бока, отнимут всё, что заработал, и никто не заступится за тебя, никто не крикнет:

- Бей, бандитов!

Хочешь или не хочешь, а в лагере нужно жить по законам лагерным. Нравятся тебе или нет порядки, но про свой устав лучше здесь помалкивать. Себе дороже.

***

Глава пятьдесят четвёртая. Люба.

Деньги нам выдавала молодая вольнонаёмная женщина, по имени Люба. Она была женою начальника районной тюрьмы и поэтому пользовалась особым доверием нашего лагерного начальства. Своя, ГУЛАГовская.

Люба часто бывала в зоне нашего лагпункта. Бывало так, что она даже без охраны вертухая, одна, без боязни, проходила довольно большое расстояние от вахты до бухгалтерии, концентрируя на себе множество взглядов изголодавшихся без женщин зэков. И она, и мы знаем, что у неё есть защита, есть кому за неё вступить, поэтому всё, что касается Любы, было под большим запретом для всех зэков, если они ещё хотели жить. И она свободно ходила, понимая своё особое положение перед всеми вольняшками. Держалась со всеми просто, как своя для всех.

Иногда мы встречались с ней во время её переходов от вахты до бухгалтерии, и тогда мне казалось, что она всегда что-то хотела мне сказать, но она только замедляла шаг и пристально всматривалась в моё лицо и в мои глаза.

Ей, вольняшке, и мне, зэку, при встрече запрещалось разговаривать и вступать в какие-либо контакты. И этот запрет касался не только женщин, но и вообще всех вольных, нанятых на работу в ГУЛАГ. Она прекрасно знала наши порядки и никогда их не нарушала. Мы могли с нею перекидываться двумя - тремя фразами только тогда, когда она отсчитывала мне мои деньги, сидя в своей кассе.

Она как-то спросила меня:

- Бандиты у вас деньги забирают?

- Всякое бывает. - стыдясь своей униженности, ответил я очень тихо, не глядя на неё.

Она внимательно на меня смотрела и я чувствовал её взгляд всем своим измученным телом.

Она явно не торопилась отсчитать мои деньги и старалась задержать меня хотя бы на несколько минут у окошка выдачи. Возможно, что-то

хотела сказать или спросить ещё.

Я поднял глаза... И наши взгляды встретились.

Боже! Что было в её взгляде!

Мне захотелось никуда не уходить от этого окошка, стоять и стоять здесь, смотреть и смотреть в эти прекрасные чистые очи!

Но сзади напирала зэки, им нужны были деньги и только деньги. Они не видели её глаз, видели только мою спину и голову, просунутую в окошко кассира.

Так повторялось несколько раз.

Однажды, взяв деньги и расписавшись в ведомости, я нехотя отошёл от окошка, даже не пересчитывая деньги. Мне казалось, что, пересчитывая свои крохи, я буду унижать это чудесное создание, с такой лаской глядящее на меня.

Отдав часть денег дяде Саше, вору в законе, обирающему нас с нашего же согласия, я вдруг заметил, что у меня оказались лишние деньги.

Я задумался. Получалась какая-то загадка и я решил её разгадать сегодня и сейчас.

Когда выдача денег прекратилась и все разошлись, я подошёл к окошку кассира.

Люба сидела и как будто ждала меня.

Наши глаза встретились.

У меня сразу возникла мысль, что она решила меня испытать, вернее, проверить мою честность.

- Люба, простите, но вы, наверное, ошиблись. У меня оказались лишние деньги. У меня не такая большая получка.

- Нет, всё правильно. - ответила, улыбаясь Люба. - Но если вы не верите, зайдите, мы все проверим.

Она закрыла окно и открыла дверь кассы, я зашёл к ней, понимая, что этого мне не нужно делать.

Я заранее подготовил лишние деньги, оказавшиеся у меня, и, как только вошёл, сразу положил их на стол.

- Что это? - спросила Люба.

- Деньги. Сумма, на которую вы ошиблись.

- Я не могла ошибиться. Вы что-то путаете. - возмутилась Люба.

- Нет, - настаивал я. - Это вы ошиблись. Возьмите!

- Это не мои деньги. - громко и твёрдо сказала Люба, взяла со стола деньги и протянула их мне.

И я понял, что она всё заранее продумала. Она, конечно, не возьмёт эти деньги, а если я буду настаивать, то это может кончиться для меня плохо. Рядом бухгалтерия и там всё слышно. Она специально пошла на такой рискованный шаг, лишь бы только мы с ней встретились один на один, хотя бы на минуту или на две. Она знала, что я к ней всё равно вернусь с этими деньгами. Знала.

Она так смотрела на меня, что я взял эти проклятые деньги, едва

коснувшись её руки, и она вся вострепелась от этого лёгкого прикосновения, и в её глазах зажёгся такой огонь, от которого мне стало плохо. Моя голова помутилась, ноги стали ватными, а в глазах запрыгали белые мушки.

Мы смотрели друг другу в глаза и молчали. Долго молчали. И это было любовью наших глаз. Любовью замужней женщины, жены всесильного начальника районной тюрьмы и бесправного, забитого зэка.

Любовь наша быстро вспыхнула, а ещё быстрее погасла, потому что такое чувство в лагере надолго утаить невозможно. И на меня и на неё смотрели сотни любопытных и завистливых глаз.

Я-то, по глупости и своей извечной наивности, думал, что уже изучил лагерную жизнь и всё в ней знаю и понимаю, ан нет!

За нами моментально стали следить стукачи, а их в каждом лагпункте, в каждой подкомандировке хоть пруд пруди. Каждый из них надеется, что если он кого заложит, то ему дадут за это лишнюю миску баланды от кума.

Вот так, благодаря стукачам, вся история моей любви быстро попала на стол лагерного кума, а тот долго разбираться не стал, быстро оформил документы и отправил меня этапом на штрафную подкомандировку.

Вместе со мной подобрали ещё с десятков самых отъявленных головорезов, которые уже совсем оборзели и вышли из-под контроля лагерного начальства.

Надо сказать, что эта подкомандировка была страшна не только для нас, политических, но и для блатных, потому что была совершенно не обжита ими. И вообще никем не обжита. И это было страшно. Условия жизни там были самые невыносимые из всех, что мне пришлось испытать за все свои годы заключения в лагерях.

Время шло к зиме. Морозы в бараках стояли такие же, как и на улице. Никаких печек не было, только голые, наспех сколоченные, двухъярусные нары. Питание привозили один раз в сутки сухим пайком. Хлеб замороженный, сухая картошка, жиров никаких.

Во время раздачи этих продуктов каждый раз происходила одна и та же непристойная и жуткая картина: кто был посильнее и блатнее, тот готов был убить более слабого и забрать его кровную пайку.

Этап пригнали, а инструментов не привезли. Даже топора не было, чтобы нарубить дров для печек. Сидели и мёрзли в бараках, постепенно отдавая Богу душу. И хотя так продолжалось всего несколько дней, некоторые не выдержали и сами ускорили свой конец, вспоров себе животы, вскрыв вены или затянув петлю на шею. Все самоубийцы были блатные и отъявленные отказчики-доходяги. Бог им судья! Не всем даны силы выдержать земные лишения. Не каждый способен до конца пройти уготованный ему земной путь.

Рядом с нашей зоной стоял никем не тронутый сосновый бор. Прекрасное место! Отличный строевой лес. Меня просто тянула в него с лучковой пилой.

Я уже как-то привык к тому, что в лагере нужно обязательно работать, без работы слишком много мыслей лезло в голову, не находя выхода из неё. Мне было неуютно рядом с явными бездельниками из блатных, которые, наверное, были правы, говоря, что у нас, у мужиков, на лбу написано, что нам нужно работать и только работать! А я и, правда, ничего другого не умел делать в лагере. В работе была вся моя жизнь.

Я понимал, что выжить в этой обстановке я смогу, если только буду работать. А как работать без инструментов и бригады?

Мы, несколько мужиков, собрались, покумекали на досуге и пошли к начальнику с просьбой о быстрейшем выделении нам пил, топоров и других инструментов для работы в лесу.

Начальник пошёл нам на уступки, с некоторыми оговорками, потому что командировка-то была штрафная. Охрана у нас была удвоенная, лагерный режим строже, чем где бы то ни было в базовом лагере. После вечерней проверки дают отбой и все бараки сразу же закрывают на замки, всякое движение по зоне запрещено до подъёма. А это значит, что любой, каким-то образом вышедший из барака отстреливался на месте.

Как бы ни было тяжело на зоне, но мы всё же выбили инструменты и вышли на работу. И как-то сразу стало легче на душе. Снова появился азарт в работе, снова замерцала впереди надежда.

На штрафняке вся моя вина заключалась в том, что меня полюбила тридцатилетняя женщина, кассирша Люба, жена крупного районного начальника в системе ГУЛАГа. За что другие сюда попали - не знаю. У каждого своё горе и своя вина перед начальством. А в лагере не особенно любят перед кем-то открывать свою душу.

Кассирша нашла меня в штрафной подкомандировке через несколько недель и даже добилась свидания со мной.

Она предлагала мне досрочное освобождение лишь бы только я уехал с нею куда-нибудь. Как она меня не уговаривала, я не согласился ни на какие уговоры. Почему? Объяснить трудно.

Во-первых, мне было уже к тридцати годам, а я до этого времени знал только одну женщину, и та была проституткой из египетского борделя, воспоминание о которой мне было противно.

Во-вторых, я не очень верил ей. Столько лет унижений и предательства сделали меня осторожным, особенно с так называемыми «друзьями», втирающимися в доверие, а затем закладывающих «куму». Как ей, вольняшке, удастся сделать то, что она говорит? Мечты, пустые мечты. И себя погубит и меня.

И, в-третьих, я боялся рисковать. Мне оставался всего только один год до освобождения. Один год отсидки и год зачётов. Восемь я уже отбыл. Впереди ждала свобода, а у неё муж из ГУЛАГа. Мужья такое не прощают, тем более энкэвэдэшники.

Можно, конечно, сказать, что я испугался потерять всё: и её, и свободу и, возможно, саму жизнь. А может, просто моя любовь не была такой сильной, как её?

Мне было очень тяжело. Очень! Когда она уехала, стало ещё тяжелее. Наша с нею любовь, если это можно назвать любовью, ещё не начавшись, превратилась в трагедию. Я поплатился тем, что попал в штрафники, а о ней я больше ничего не слышал с тех пор. За связь с заключённым, да ещё с 58-й статьёй, ей, думаю, не поздоровилось. На что же она надеялась, бедняжка, когда предлагала мне досрочное освобождение? Какие у неё были связи в ГУЛАГе, чтобы сделать это? Наверное, никаких. Если бы что-то было, то она меня сразу бы вытащила оттуда или же нашла бы по освобождению. Но я с тех пор её не видел. Никогда.

Любовь. Любовь толкает нас на безумства. Но любил ли я её так, как она меня? Наверное, нет, иначе бы я решился на все её предложения, а потом...

***

Глава пятьдесят пятая. Работа, которая делает человека свободным.

Потом на нашу командировку пригнали самый отъявленный контингент заключённых. Этап пришёл из какой-то пересыльной тюрьмы, почти все вновь прибывшие были уголовниками, но среди них были и нормальные зэки, которых сразу можно отличить среди блатной швали по одежде и манере держаться. От нормальных зэков исходил домашний дух, а не запах воровских «малин». Мы, старые лагерники, это хорошо различали.

Местные блатняки моментально приступили к своему обычному делу: за какой-то час они раздели из этапа всех чужих, то есть не блатных, а если кто-то из них сопротивлялся, тех жестоки били.

Я видел, как они быстро расправились с порядочными людьми с этапа. И горько было сознавать, что, возможно, не такие уж они и преступники, эти новоприбывшие, а вот, поди ж ты, вынуждены терпеть унижения и побои от нелюдей, получивших покровительство от самых сильных мира сего и от нашей мерзкой лагерной администрации.

А в бараках тем временем установилась настоящая дьявольщина.

Блатные, ограбив этап, обложившись кучей одежды, играли в карты. Играли азартно, запоем. Просаживали всё, что у них есть и даже всё, что у них было до этого. Когда вообще всё проигрывали, то начинали играть на жизнь какого-нибудь фраера или лагерного придурка. Назначали цену за человека. В это время обязательно при игре должны

были присутствовать лагерные авторитеты.

Так они играли сутками, пока кто-то из них не проигрывался в пух и в прах, тогда наступало время расплаты. Проигравший должен был «замочить» проигранного, а если он этого не делал, то «мочили» его самого. Таковы жуткие законы зоны. И тут уже сами воровские авторитеты следили за тем, чтобы всё было «по честному», то есть по воровскому закону.

Особо опасных зэков куда-то от нас всё же убирали. Мы догадывались куда, потому что никто из них никогда назад не возвращался. И, слава Богу!

Я тоже ждал своей участи: вот-вот вызовут ночью к куму, и... прощай Родина! Но беду пронесло мимо. Больше обо мне никто не вспоминал и никто даже не тревожил. Это было так странно, потому что блатные и те как-то ко мне стали относиться по иному, как к своему.

Я думаю, что Люба всё же успела замолвить за меня словечко перед начальством, да я и сам лез вон из кожи, чтобы не быть последним на лесоповале. Это всегда шло зэкам в зачёт.

Я думал, что если я на протяжении восьми лет выдержал этот кошмар и не потерял себя как человек, то за оставшееся время не потеряю своего «Я».

И я работал. Работал, как вол. Это дошло до самого начальника лагеря.

И мы с ним однажды встретились в его кабинете, и у нас состоялся короткий, нехарактерный для лагеря разговор.

- Наслышан о тебе только хорошее. Стараешься. Молодец! Будешь работать так, как работаешь сейчас, будешь хорошо жить. - сказал начальник. - Я тебя запомнил и не обижу, потому что настоящих работников здесь мало. За каждое перевыполнение дневной нормы будет пайка хлеба. Только работай. Договорились?

Ещё бы я ответил отказом!

- Конечно, договорились, гражданин начальник.

- Тогда, вперёд, ударник! Но с одним уговором, о нашей встрече молчок. Понял? Своим наври, что хочешь. Тебя я больше к себе тягать не буду. И «кум» про тебя забудет тоже. Ты только работай и держи язык за зубами.

- Не первый год тяну лямку. Спасибо!

После этого на разводах, где всегда присутствовал начальник, как только наши глаза встречались, то он молча показывал мне указательный палец. Это значило, что и сегодня он даст мне дневную премию в 1 килограмм хлеба за ударную работу, если план в лесу будет перевыполнен.

Никто не знал нашего тайного языка и я старался держать свой язык за зубами, чтобы мне не завидовали и чтобы я не стал изгоем среди

своих.

И я оправдывал свой килограмм хлеба.

Я трудился на совесть.

Честно говоря, мне здорово повезло, что в 53-м году умер Иосиф, а вслед за ним расстреляли и Лаврентия. При них вряд ли произошло бы смягчение режима содержания заключённых в лагерях. Особенно для нас, зэков с 58-й статьёй. Большой милостью было решение о премировании за отличную работу всех стахановцев. Это давало надежды на выживание. И это было сделано, как я сейчас понимаю, негласно, в форме устного приказа, поэтому каждый начальник лагеря и командировки сам, своей властью, решал пределы дозволенного в поощрении отличившихся.

Однажды на разводе начальник лагеря вышел перед зэками с газетой в руках. Все замерли, ожидая, что в ней, какие новости решил обнародовать гражданин начальник.

В лагерной газете, выпускаемой в далёком Усть-Выме, писалось о нашей командировке, и упоминалась, в числе передовиков, моя фамилия.

«Лучший лесоруб-вальщик, ежедневно перевыполняющий норму выработки всем своим звеном». Это, конечно, радовало меня и ещё больше поднимало мой авторитет среди заключённых, не лишённых честолюбия и уважения к настоящим работягам. Даже у блатных я был на особом месте.

Я свой авторитет заработал своим горбом, мозолями и каторжным трудом. Мои первые годы заключения, мои восемь лет, полные унижений, оскорблений и страшного произвола по отношению ко мне, маленькому человечку, попавшему в капкан системы советских исправительных лагерей, где не исправляют, а уничтожают и физически, и морально, и психологически, дали мне полное право вновь почувствовать себя человеком, даже находясь в робе зэка.

Уже после освобождения, будучи на свободе, я частенько видел, как легко проникает лагерная жизнь со своими порядками, законами и даже своим языком в образ жизни всех людей нашего государства, особенно в армию, где укрепляется и процветает такая зараза, как дедовщина - чистойшей воды слепок взаимоотношений зэков в зоне. И думал, что это вещь вполне закономерная, потому что вся наша страна и всё наше общество прошло прививку ГУЛАГом и переболело в лёгкой форме лагерной зоной, освоив её язык и приняв её основные правила поведения: ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу. Слова, как песня, которую пели в шестидесятых, смысл только у них чудовищный.

После 53-го года стали пересматривать наши дела. Особенно по 58-й

статье. Некоторых стали освобождать. Но, странное дело ээки, уезжавшие на родину радостные и взволнованные предстоящей встречей с родными, возвращались вскоре обратно подавленными. Особенно те, кто занимал в лагере привилегированное положение бугров и прочих лагерных придурков. Оказалось, что по тем справкам, которые они получали при освобождении из управления ГУЛАГом, а затем и при получении новых паспортов, в документах проставлялась статья, которая гласила, что они бывшие политические заключённые, враги народа, не имеющие права быть прописанными в родных городах, тем более поступать, куда бы то ни было на работу. Таким образом, ни жить, ни работать на родине им было негде.

Многие ээки призадумались над ближайшей перспективой возвращения к родным очагам. Пришлось и мне поразмышлять над этим вопросом. Но недолго. Пока мой срок ещё не кончился, мне нужно думать о другом. У меня много работы впереди и много проблем, далёких от проблем вольного человека.

Например, мне нужно было работать так, чтобы кроме сокращения срока, суметь сэкономить сумму денег на проезд и обустройство на первые дни проживания дома. Я подозревал, что моим родным жилось не так хорошо в станице, чтобы и меня ещё кормить на халяву. Лишний рот в нищем доме всегда в тягость. А как они жили, я не знал. Переписываться мне было запрещено. Всё-таки за мои грехи не только мне, но и моим близким родная советская власть должна была мстить по полной мере, а значит, долго я у них жить не смогу.

Настало время, когда для пополнения лагерей стало приходиться меньше этапов, видно всех уже пересадили на воле.

Кто пришёл с первыми зимними этапами и выжил, те, считай, адаптировались и стали своими в зоне, хотя им пришлось трудно. Очень трудно!

Тем, кто не выжил, привязывали бирку на ногу и выносили вон из зоны. Перед тем, как хоронить, надзиратель проверял мертвеца, ковыряя его острой пикой - вдруг закричит.

Зимой хоронили в снег, летом сбрасывали прямо в траншею, заранее заготовленную на этот случай. В лагерных списках, особо секретных, все мёртвые души считались выбывшими по «литеру Б», а что это означало - один только Господь Бог знал да наше начальство.

Население штрафной подкомандировки заметно уменьшилось к весне, а пополнения не было. Начальник требует больше кубиков давать, а давать некому, одни доходяги в бараках. Какой с них толк! Если и выгонят их в лес насильно, то всё равно просидят у костра, потому что знают, что больше чем на штрафной котёл не заработают.

Бригадир, понимая это, идёт на всяческие хитрости, чтобы только заставить их работать.

Вот он даёт мне 10-12 человек доходяг и говорит:

- Пусть хоть сучки рубят да таскают их к кострам и жгут. Всё какая-то польза. Только ты их гоняй, не давай засиживаться у огня. И кубики, кубики давай!

А как я буду их гонять, если я и сам недавно был точно таким же доходягой? И что, я должен над ними сейчас издеваться только потому, что выжил и выбился в звеньевые? Нет, так дело не пойдёт.

А что же делать? Ведь и на них нужно напилить лес, чтобы они тоже пайку хлеба получили и нас не объедали.

Но бригадир из блатных говорит:

- Я тебе даю их на помощь, а как обеспечить их пайкой хлеба - не твоя забота.

Всё легче. Остаётся их только поднять и заставить хоть что-то делать. Но как? Чем-то их нужно заинтересовать, чем-то привлечь.

И я пошёл на риск.

Наша делянка находилась в запретной зоне, недалеко от верхнего склада, куда вся бригада подвозила свою кубатуру, а бесконвойные шофёры увозили её затем по зимнику к реке. Мы знали, что эта дорога идёт мимо какого-то посёлка. И вот по весне я как-то уговорил одного шофёра с лесовоза, чтобы он привёз нам из посёлка собаку. Удалось мне это с большим трудом и огромным риском не только для меня, сколько для шофёра. Если бы его поймали за этим делом, то он бы живо слетел с шофёрской должности к нам на лесоповал, но сначала прошёл бы через штрафной изолятор и превратился бы точно в такого же доходягу, спасти которых пытался вместе со мной. Досталось бы и мне в этом случае. Но нам повезло, всё обошлось благополучно.

Естественно, риск пришлось оплачивать из своего кармана, а слова искренней человеческой благодарности шофёр получил от всех доходяг сполна.

Моментом зэки нашли ведро, нашлись и умельцы, разделавшие собаку с наименьшими потерями мяса, поставили ведро на костёр и сварили свежатинку, только слегка посолив.

По кусочку «баранины» досталось каждому.

Это был для нашего звена счастливый пятиминутный пир, который остался в памяти у каждого зэка, бывшего на нём, надолго.

Самое интересное, что никто из начальства так никогда об этом и не узнал. Всё сохранилось в тайне. Иначе... Иначе бы мне снова пришлось побывать в изоляторе и распрощаться со своей должностью звеньевого.

После собачки работа пошла веселее. Собачий жир для зэков, как эликсир жизни. Стоит хоть раз смазать им желудок и дело пойдёт на поправку. Это равносильно тому, что смертельно больной человек принимает чудодейственное лекарство.

Я, как звеньевой, был лично заинтересован в том, чтобы привлечь на работу своих подопечных доходяг и чтобы они мне поверили и поняли

меня, почему я это делаю.

Я думал, пусть у нас у всех на войне была неудача, вина за которую лежит не только на нас одних, но и на тех, кто нами командовал, кто нас бросал в самые опасные места, не думая о нас, как о людях, у которых есть руки, ноги, думающие головы и сердца, любящие и ненавидевшие, наконец, души, наши бессмертные души, о которых где-нибудь и когда-нибудь должны вспомнить и помянуть их добрым словом. И ещё я думал, что и здесь, в лагере, мы не должны терять свой человеческий облик и уподобляться блатной братве. Нужно сохранять в себе человека. Человека. А как это сделать? Только работой. Только работой.

И мы, мужики-трудяги, работали, так как кроме работы ничего в жизни не умели делать, если, конечно, не считать войны...

Мы пахали на лагерное начальство, с их вертухаями, придурками и прочими службами, пахали на ворьё, а в целом на Советское государство, во главе с Коммунистической партией Советского Союза и её Центральным Комитетом. Вот только на себя мы не могли напахаться. Даже лагерную пайку обрабатывали с великим трудом, потому что все нас кругом обворовывали. И потому гибли бывшие воины, лучшие мужики-пахари, в лагерных зонах ротами и батальонами, надорвавшись на тяжёлых работах, уходили в никуда, истощив организмы от голода, замерзали без одежды в снегах Заполярья.

***

Глава пятьдесят шестая. Свобода.

Я продолжал работать на лесоповале до самого последнего дня своего срока. До дня освобождения. Без выходных и отпускных, о больничных днях и думать было нечего. Иной раз хотелось бы и заболеть, отдохнуть денёк-другой в лазарете, но это были напрасные мечты, все болезни отвернулись от меня и я продолжал свой ежедневный труд в лесу, как заведённый.

Может быть, это и к лучшему, организм был настроен на одну волну и я жил, как сейчас говорят, на автопилоте.

Бывало, погода лютует, мороз 25-30 градусов, а для меня это самое хорошее время, потому что снег в лесу становится рыхлым, сыпучим, не пристаёт к одежде, а значит, она будет весь день сухой.

Когда делаешь зарубку на комле сосны или ёлки, в это время сверху сыплется снег, в мороз он не задерживается на спине и плечах, не тает до тех пор, пока не подойдёшь к костру. Стоит задержаться у огня минут на пять-десять, как одежда нагревается и снег, застрявший в её складках, начинает таять. Одежда промокает и на морозе замерзает, бушлат делается деревянным и частенько ломается при резких сгибах. Хочешь ходить в нормальной одежде, смотри за ней в любую погоду и не грейся у костра, не отряхнув с неё снег.

Перед освобождением снова вызывал меня к себе начальник подкомандировки гражданин Романько и начал расспрашивать, куда я поеду после отбытия срока наказания.

Я так удивился его вопросам и тону, которым он их задавал, что просто ужас! Мне показалось, что его всегда властный голос стал какой-то жалкий, просящий, будто он был виноват передо мною.

Конечно, я ему рассказал, что есть у меня отец и мать. Что я уехал из дома в 41-ом году, вступив добровольцем в казачий полк, в городе Ставрополе. Что перед этим бросил десятый класс, из-за того, что тяжело стало в школе находиться по вине отца, которого считали зажиточным казаком, не желающим вступать в колхоз, а я, оказывается, был сыном «преступного элемента и врага народа» и уже поэтому должен был нести на себе клеймо недостойного. Думал, что уходя добровольцем, докажу всем, что я и мой отец, вся наша семья, не хуже других в станице. Но судьба распорядилась по-другому.

Сказал, что заеду в станицу повидаться с родными, ведь не виделись долгих 13 лет, а что будет потом - посмотрим.

- Трудновато тебе будет. - сказал гражданин начальник Романько, в ответ на мою речь.

И сказал это не как грозный начальник, а как равный равному, по-дружески, как будто сочувствовал мне.

- Жизнь на воле сейчас такая, что куда бы ты ни приехал после освобождения, придётся тебе трудновато не только с пропиской, но и с работой. Ты подумай об этом. - сказал он. - Видишь, какие мужики назад возвращаются? А здесь для тебя никаких проблем не будет. Здесь такие работающие люди нужны. А я, ты знаешь, слов на ветер не бросаю. Останешься, получишь хорошую работу, северную зарплату, квартиру дам. Пройдёт несколько лет и всё у тебя будет по-другому, всё изменится. Женишься, будут дети, семья.

Я понимал, что ему приходится трудно: людей нет, а план остался тот же. Понимал, что в его словах много правды, но мне очень хотелось домой, на волю. Мне надоел вид колючей проволоки, и я видеть не мог сытые морды вертухаев и слышать лай овчарок.

- Я вас понимаю, - сказал я гражданину начальнику. - Но я хочу домой. Я был и на войне и в лагере мужиком-трудягой, им и останусь до смерти. Мне терять нечего, а трудностей я не боюсь. Я не лагерный придурок и не бугор. Мне ничего просто так не давалось в жизни. Ни пряники, ни конфетти с небо на меня не сыпались. Думаю, что на кусок хлеба смогу и на воле заработать, а больше мне пока не нужно.

И гражданин начальник Романько ничего не стал мне больше говорить. На этом наш короткий разговор с ним закончился. Он понял, что возвращаться сюда и работать с заключёнными, со своими бывшими товарищами, я не смогу. Не в моём это характере.

Вскоре нарядчик сообщил, что до моего освобождения осталось ровно два месяца. Начальник подкомандировки разрешил не стричь

волосы и на моей голове, впервые за много лет, стала появляться шевелюра.

Это было непривычно радостное ощущение. Я гладил себя по голове каждый день и чувствовал под грубой мозолистой кожей ладони мягкий и нежный волосяной покров. Чудо и только! Я сравнивал свои волосы с ростками пшеницы в поле. Вот так же растут они на солнцепёке и так же нежно щекочут ладонь, если провести по ним рукою...

Но как бы я не радовался предстоящей свободе, никто от работы меня не освобождал и свою норму кубиков я должен был выдавать ежедневно до самого последнего дня пребывания в лагере.

И я выдавал.

Я работал с удвоенной энергией, чтобы заработать, как можно больше денег на дорогу. Хоть и трудно давались эти кубики, но они были нужны мне. И ребятам тоже. Кто знает, как сложится их жизнь в звене после моего отъезда? А тут хоть маленький, но задел на будущее.

Последние дни в лагере были особенно тревожными для меня. Я не столько радовался освобождению, сколько думал над словами гражданина начальника и пытался представить себе, что будет со мною там, на воле. Ведь мне уже за тридцать. Все мои молодые годы прошли на войне и в заключении, можно сказать, выброшены собаке под хвост, что делать и как жить среди тех, кто не пережил того, что довелось испытать мне? Кто никогда не поймёт меня и моей судьбы?

Прощался я со своими мужиками-трудягами с тяжёлым сердцем. Жалко их было до слёз. Что ждало их впереди - никто не знал. А они радовались за меня и откровенно завидовали мне.

- Какой ты счастливый, Алёшка! - говорили они мне. - Ты выжил, и смог честно дотянуть свой срок почти до конца, что называется от звонка до звонка. Удачи тебе, браток! Не забывай нас.

А как их забудешь, мужиков, с которыми пережил самые трудные и голодные времена? Как забудешь этапы и штрафные командировки, штрафные изоляторы и вертухаев? Как забудешь издевательства и побои вора и их подручных? А барачных клопов и тараканов?

Теперь я понимаю, что я действительно выжил и на войне, и в лагере и остался человеком несмотря ни на что. Смерть не однажды пыталась меня побороть, но видно Господь Бог миловал меня и Косая проходила стороной, забирая других, кому не суждено было пережить лагерный беспредел.

Говорят, что на войне солдатики клали свои головы за Родину, а в лагерях, за что бывшие солдаты великой армии положили свои молодые жизни? За что гибли в лесу и в болотах, при строительстве лежнёвок? За что умирали с голоду на нарах? Почему им всем была уготована одна дорога, с общей для всех отпиской в секретных

лагерных документах: «выбыл по литеру «Б»? И что это за «литер «Б»? Кем он выдуман? Каким дьяволом во плоти?

Из подкомандировки доставили меня на головной лагпункт и выдали справку об освобождении. Она служила мне временным документом, о том, что я теперь являюсь как бы человеком в своей стране.

По этой справке я получил свой расчёт, в который вошла сумма заработка за последние месяцы. Из одежды на мне милостиво оставили лагерный бушлат, сшитый из старой солдатской шинели, валенки, солдатскую шапку-ушанку и ношенные-переношенные ватные брюки.

Насколько я понимаю, всё, что было на мне, было сшито из одежды умерших или убитых наших солдат ещё в годы войны. Другой одежды зэкам не полагалось, а донашивать солдатские обноски кому-то всё равно было нужно. Не пропадать же государственному добру.

Кроме всего этого, я получил билет на железнодорожный транспорт до места моего нового жительства - станции города Токмак Киргизской республики, где проживали мои родители.

После войны отец всё же рискнул переехать в Среднюю Азию, где уже давно обосновался его старший брат. В Ставропольском крае жилось в те годы трудно, несколько лет подряд была засуха, на полях всё выгорало без дождей, поневоле старикам пришлось уезжать с насиженных мест, спастись от голодной смерти.

***

Глава пятьдесят седьмая. Оборотни.

Прошли годы. Многое прожито и пережито мною за это время. И прожито честно. Везде, где бы я ни трудился, у меня складывались хорошие отношения с людьми и с начальством. Но гложет меня одна мысль: почему реабилитировали Тухачевского, сгубившего десятки тысяч русских жизней? Почему простили мерзавцев-НКВДэшников, пострелянных своими же товарищами в тридцать седьмом? Почему нас, никого не убивавших, может, только случайно или же по трусости сохранивших свои жизни в страшной войне, до сих пор держат за злейших врагов народа, хотя мы уже отсидели своё в лагерях и в тюрьмах, заплатили каторжным трудом за свои мнимые преступления перед Родиной? Почему, отвоевав почти год на фронте, я не являюсь участником войны? Почему не судят тех, кто развалил СССР и помог сойти в мир иной миллионам своих соотечественников, украв при этом их сбережения? Разве они не большие преступники, чем мы?

Почему их не судят и не называют врагами народа?

Потому, наверное, что и те, кто держал нас в лагерях, и те, кто разваливал Великую страну - свои люди, люди одной породы, одной крови, игравшие и продолжающие играть с нашим народом в одни и те же мерзкие политические игры. А ежели ты из одной колоды краплёных карт, то как не пожалеть своего? Может, и тебя когда-нибудь и кто-нибудь из своих также «пожалует» и простит от имени и

от лица всего русского народа, которого ты так нагло обокрал.

***

Глава пятьдесят восьмая. Последняя.

Её ещё нет, она только пишется. Но она обязательно будет. Будет! Потому что иначе вся наша жизнь окажется бессмыслицей. Иначе все наши страдания, наши стоны и слёзы напрасны. Кровь погибших должна быть отомщена. Миллионы загубленных судеб требуют возмездия. И оно придёт. Я верю в него и жду. И я его дождусь.

- Curriculum vitae - жизнеописание. (Латынь).

2003 год,
г. Томск.

Литературная обработка Александра Толкачева.